Касслер Клайв

Средиземноморский пират

ПРОЛОГ

Было воскресенье. Стояла невыносимая жара. На наблюдательном пункте военно-воздушной базы «Брейди» дежурный оператор прикурил сигарету от дымящегося окурка, вытянул ноги, положил их на переносной кондиционер и продолжал ждать, когда что-нибудь произойдет.

Ему было невыносимо скучно, и для этого были причины. По воскресеньям полетов было мало. В действительности, их почти совсем не бывало. Военные пилоты и их самолеты редко появлялись в этот день в средиземноморском районе, особенно, если в тот момент не наблюдалось никаких международных политических осложнений. Время от времени самолет мог приземлиться или улететь, но чаще всего это были остановки для быстрой заправки горючим, когда какая-нибудь важная персона спешила попасть на конференцию где-нибудь в Европе или Африке.

Дежурный оператор уже в десятый раз после того, как заступил на дежурство, изучал большое табло расписания полетов. Вылетов не было, единственный ожидавшийся прилет значился на 16.30, почти пять часов назад.

Парень был молод, чуть старше двадцати лет, и решительно опровергал мнение о том, что светловолосые люди не могут сильно загореть; там, где кожа была видна, она походила на темный орех, покрытый пушком светлых платиновых волос. Четыре нашивки на его рукаве указывали на звание старшего сержанта, и хотя жара достигала 37 °C, подмышки его формы цвета хаки не были влажными. Воротничок рубашки был расстегнут, галстук отсутствовал; такая манера считалась нормальной и разрешалась в военно-воздушных частях, располагавшихся в тропиках.

Он наклонился вперед и направил струю кондиционера так, чтобы прохладный воздух обдувал его ноги. Новое положение, казалось, удовлетворяло его, и он улыбнулся освежающим струям. Затем, сцепив руки за головой, он откинулся назад, уставившись в металлический потолок.

Навязчивое воспоминание о Миннеаполисе и девушках, дефилирующих по Николлет авеню, возникло у него в памяти. Он снова подсчитал, что ему осталось вытерпеть здесь пятьдесят четыре дня до отправки назад, в Штаты. Когда проходил очередной день, он торжественно зачеркивал

его в маленькой черной записной книжечке, которую носил в нагрудном кармане.

Зевнув, уже, наверное, в двадцатый раз, он взял бинокль, лежавший на подоконнике, и осмотрел самолеты, которые стояли на темной асфальтовой полосе, вытянувшейся перед наблюдательным пунктом.

Взлетная полоса располагалась на острове Тасос в северной части Эгейского моря. Остров был отделен от Греческой Македонии шестидесятимильной водной полосой, которую часто называли проливом Тасос. Сама территория острова состояла из ста семидесяти квадратных миль скал, леса и обломков исторических памятников первого тысячелетия до нашей эры.

Брэйди Филд, как персонал чаще всего называл базу, была сооружена согласно договору между США и Грецией в конце шестидесятых годов. Кроме десятка реактивных самолетов F-105, здесь постоянно базировались еще два монстра C-133, два грузовых транспорта, похожих на пару толстых серебряных китов, сверкавших под ярким Эгейским солнцем.

Сержант направил бинокль на дремавшие самолеты в поисках признаков жизни. Летное поле было пустынно. Большинство служащих находилось в соседнем городке Панагия, где они пили пиво, загорали на берегу или дремали в прохладных укрытиях. Только одинокий военный патруль, охранявший главный вход, да смена дежурных на антенне радара, наверху, в цементном бункере, представляли собой хоть какое-то человеческое присутствие. Он медленно поднял бинокль, и его взгляд заскользил по лазоревой поверхности моря. День был яркий, безоблачный, и он легко мог различить очертания далекого берега Греции. Линзы скользнули дальше к востоку и достигли линии горизонта, где глубокие синие воды сливались с ярким синим небом. В мерцающей дымке разгоряченных волн в поле его зрения попал белый силуэт корабля, стоявшего на якоре. Он навел резкость, чтобы увидеть название корабля. Ему с трудом удалось различить крошечные черные буквы: *Первая попытка*.

Какое глупое название, подумал он. Смысл названия не дошел до него. Другие обозначения также темнели на борту корабля. В длинных, толстых черных полосах, нанесенных в центре корпуса корабля, виднелись вертикальные буквы НУМА, которые обозначали Национальное Морское Управление Подводных работ.

Массивный изогнутый кран находился на палубе корабля, его стрела свешивалась над водой, поднимая из глубины круглый, похожий на мячик предмет. Сержант даже смог разглядеть человека, работающего на кране, и почувствовал внутреннюю радость, что гражданским тоже приходится работать в воскресенье.

Неожиданно его визуальные наблюдения были прерваны резким голосом, раздавшимся по селекторной связи.

— Привет, Наблюдательный Пункт. Это Радар... Прием!

Сержант отложил бинокль и включил микрофон:

— Наблюдательный пункт слушает, Радар. Что случилось?

— Я обнаружил цель в десяти милях к западу.

— Десять миль к западу? — пробормотал сержант, — так ведь это над островом. Твоя цель практически над нами. — Он повернулся и еще раз взглянул на большое табло, снова удостоверившись, что по графику не было никаких полетов. — Не мог бы ты в следующий раз предупреждать меня заранее?

— Разрази меня гром, но откуда он мог появиться? — звучал удивленный голос из бункера радара. — За последние шесть часов на экране ничего не наблюдалось ни в одном направлении.

— Лучше смотреть надо было, или почаще проверять свое чертово оборудование, — проворчал сержант. Он отключил связь и схватил бинокль. Затем он вскочил и стал всматриваться на запад.

Это была... крошечная темная точка, летевшая низко над холмами и верхушками деревьев. Она перемещалась медленно: не более восьмидесяти миль в час. Несколько мгновений казалось, что она зависла над землей. А затем почти сразу начала приобретать форму. Стали вырисовываться очертания крыльев и фюзеляжа. Ошибиться было невозможно — это был старый одноместный аэроплан с двойными плоскостями крыльев и жестким рулевым механизмом. Сержант вздрогнул, когда звук стучащего мотора разорвал сухой воздух острова.

За исключением выступающего цилиндрического носа, фюзеляж имел обтекаемую форму, которая сужалась по обеим сторонам открытой кабины. Огромный деревянный пропеллер рассекал воздух, как старая ветряная мельница, передвигая допотопный самолетик над местностью с черепашьей скоростью. Ткань, покрывавшая крылья, дрожала на ветру, совсем близко были видны зазубренные фестонами края. От самого кончика оси, на которой крепился пропеллер, до задних закрылков вся машина была полностью выкрашена в ярко-желтый цвет.

Сержант опустил бинокль. Демонстрируя хорошо видимый черный Мальтийский крест, использовавшийся Германией в первую мировую войну, самолет пролетел над наблюдательным пунктом.

При других обстоятельствах сержант рухнул бы на пол, так как самолет пролетел всего в полутора метрах над наблюдательным пунктом. Но

реальное привидение времен Восточного фронта так захватило все его чувства, что он застыл, как столб. Пилот помахал ему рукой из кабины. Он находился так близко, что сержант мог различить черты его лица под кожаным шлемом и очками. Призрак из прошлого ухмылялся, сжимая ручку спаренного пулемета, закрепленного на капоте двигателя.

Была ли это какая-то дикая шутка? Может, пилот — сумасшедший грек из цирка? Откуда он появился? Вопросы мелькали в голове сержанта, но ответов не было. Неожиданно он увидел яркие вспышки света, идущие из-за пропеллера самолета. Затем разбитые стекла окон наблюдательного пункта с грохотом посыпались вокруг него.

Время остановилось, и в Брейди Филд пришла война. Пилот времен первой мировой войны кружил вокруг наблюдательного поста и атаковал гладкие современные реактивные самолеты, лениво стоявшие на взлетной полосе. Один за другим истребители F-105 были исполосованы и исхлестаны старыми восьмимиллиметровыми пулями, которые пробивали их тонкую алюминиевую обшивку, три истребителя превратились в факелы, как только взорвались их полные горючего баки. Они горели очень сильно, растапливая мягкий асфальт и превращая его в дымящиеся грязные куски. Снова и снова ярко-желтое летающее ископаемое взмывало над полем, изрыгая свинцовые, все разрушающие потоки огня. Один из транспортных самолетов С-133 стал следующей жертвой. Он превратился в гигантский ревущий столб огня, поднявшийся на сотни метров в небо.

Сержант лежал на полу в башне и изумленно смотрел на красную струйку крови, сочившуюся из его груди. Он осторожно вытащил из нагрудного кармана черную записную книжечку и с удивлением уставился на маленькое аккуратное отверстие в середине обложки. Темная пелена начала застилать его глаза, но он попытался отогнать ее, с трудом поднимаясь на колени и осматриваясь кругом.

Сверкающие осколки разбитого стекла покрывали пол, радиооборудование, мебель. Посередине комнаты валялся перевернутый кондиционер. Он напоминал мертвое механическое животное; его ножки застыли в воздухе, и охлаждающая эмульсия вытекала на пол из нескольких круглых отверстий. Сержант уныло посмотрел на радио. Невероятно, но оно не было повреждено. Превозмогая боль, он пополз, острые осколки стекла впивались в его колени и руки. Он дотянулся до микрофона и крепко схватил его. На черной пластиковой ручке оставались кровавые следы.

Темнота обволакивала мысли сержанта. Как же это делается, удивлялся он? Что нужно говорить в таких случаях? Говори что-нибудь, кричал его мозг, скажи хоть что-то!

— Всем, кто меня слышит. МЭИ ДЭЙ! МЭИ ДЭЙ[1]! Говорит Брейди Филд. Нас атакует неизвестный самолет. Это не учение. Я повторяю. Брейди Филд атакована…

1

Майор Дирк Питт поправил наушники на своих густых черных волосах и стал осторожно поворачивать ручку настройки радиоприемника, пытаясь улучшить прием. Несколько мгновений он напряженно вслушивался. Его темные, цвета морской волны глаза были полны недоумения, брови напряженно сдвинулись, на лбу пролегли глубокие морщины.

Дело было не в том, что слова, раздавшиеся в наушниках радиоприемника, были непонятны. Они как раз были очень понятны. Только он не поверил им. Он вслушивался еще и еще, вслушивался напряженно в гудящем шуме двухмоторного гидросамолета Каталина. Голос, который он услышал, пропал, когда по сути должен был бы звучать сильнее. Громкость была включена в полную силу, да и база Брейди Филд находилась всего в тридцати милях отсюда. При этих условиях голос оператора наблюдательного поста должен был оглушить Дирка, у него бы лопнули барабанные перепонки. Оператору, наверное, не хватает мощности радиоприемника, либо он серьезно ранен, подумал Питт. Он подождал еще минуту, затем наклонился вправо и потряс спящую фигуру в кресле рядом с пилотом: — Давай, просыпайся, спящая красавица.

Он говорил мягко и без особый усилий, но его было хороши слышно и в гудящем самолете.

Капитан Ал Джордино медленно поднял голову и громко зевнул. Усталость от сидения в старом вибрирующем гидросамолете PBY и течение целых тринадцати часов ясно отражалась в его темных, налитых кровью глазах. Он поднял руки вверх, вздохнул полной грудью и потянулся. Затем выпрямился, наклонился вперед и посмотрел через окно кабины.

— Мы уже приближаемся к *Первой попытке?* — спросил Джордино, снова зевая.

— Почти, — ответил Питт. — Впереди Тасос.

— Черт возьми, — вскрикнул Джордино, затем он усмехнулся: — Я мог бы поспать еще десять минут. Почему ты разбудил меня?

— Я перехватил сообщение с базы Брейди, где говорилось, что ее атаковал неизвестный самолет.

— Неужели ты думаешь, что это серьезно? — недоверчиво произнес Джордино. — Это, скорее всего, какой-то розыгрыш.

— Нет, я так не думаю. Голос оператора совершенно не был похож на голос шутника. — Питт посмотрел на водную поверхность, находившуюся в каких-то пятнадцати метрах от плоскости самолета. Последние двести миль он, ради практики, летел низко над волнами, это заставляло его быть собранным и внимательным.

— Наверное, база Брейди действительно говорила правду, — сказал Джордино, всматриваясь через окно кабины вдаль. — Посмотри туда, в восточную часть острова.

Оба пилота уставились на приближающийся остров, который выступал из моря. Яркий желтый берег и невысокие холмы, покрытые зелеными деревьями, отражались в теплых волнах и живо контрастировали с ослепительной синевой Эгейского моря. В восточной части острова огромный столб дыма поднимался в безветренное небо, превращаясь в гигантское спиралеобразное черное облако. Гидросамолет подлетал все ближе к острову, и вскоре они смогли различить оранжевые языки пламени на охваченной дымом базе.

Питт схватил микрофон и нажал на кнопку на рукоятке:

— База Брейди, База Брейди, говорит борт PBY-086, прием. — Ответа не последовало. Питт еще дважды повторил вызов.

— Не отвечает? — полюбопытствовал Джордино.

— Ничего нет, — отозвался Питт.

— Ты говорил, *неизвестный самолет*. Как я понял, это означает, что он один?

— Именно так передавали с базы, прежде чем они отключились.

— Это не меняет смысла. Почему один самолет предпринимает атаку против военно-воздушной базы США?

— Трудно сказать, — ответил Питт, слегка отодвинув рычаг назад. — Может быть, это какой-то разозлившийся греческий крестьянин, которому надоело, что рев наших реактивных самолетов разгоняет его коз. В любом случае, это не может быть полномасштабная атака; в противном случае Вашингтон бы уже уведомил нас об этом. Нам надо подождать и осмотреться. — Он потер глаза, чтобы отогнать сонливость.

— Будь готов, я собираюсь поднять машину, облететь вокруг тех холмов и спуститься со стороны солнца, чтобы посмотреть поближе.

— Постарайся проделать это легко и красиво. — Брови Джордино сошлись на переносице и лицо приняло серьезное выражение. — Этот старый автобус не слишком превосходит по силе и маневренности находящиеся там реактивные истребители.

— Не волнуйся, — рассмеялся Питт. — Главная цель моей жизни — оставаться здоровым как можно дольше. — Он добавил газу, и оба мотора усилили обороты. Его большие загорелые руки двигались уверенно, он переключил рычаг, и самолет подставил солнцу свои плоскости. Большая Каталина поднималась уверенно, набирая высоту с каждой секундой. Она обогнула горы острова и взяла курс в направлении все увеличивающегося облака дыма.

Вдруг резкий голос раздался в наушниках Питта. Внезапный звук едва не оглушил его, прежде чем он успел сделать потише. Это был тот же самый голос, который Питт слышал раньше, только в этот раз он звучал сильнее.

— Вызывает база Брейди. Мы атакованы. Я повторяю, мы атакованы! Ну, давай, ... хоть кто-нибудь, отзовитесь, пожалуйста! — Голос был близок к истерике. Питт ответил:

— База Брейди, говорит борт PBY-086. Прием.

— Слава богу, кто-то отозвался, — голос прервался.

— Я пытался установить связь раньше, но ваш голос затих и пропал из эфира.

— Я был ранен во время первой атаки, я... я... кажется, терял сознание. Сейчас все в порядке. — Слова звучали отрывисто, но последовательно.

— Мы находимся приблизительно в десяти милях к западу от вас, на высоте тысячи восьмисот метров. — Питт говорил медленно и поэтому не стал повторять своих координат. — Какова обстановка у вас?

— У нас нет никакой защиты. Все наши самолеты были разбиты на земле. Ближайшая эскадрилья перехватчиковв семистах милях отсюда. Они не подоспеют сюда вовремя. Вы можете помочь?

Питт отрицательно покачал головой:

— База Брейди, моя предельная скорость около трехсот шестидесяти километров в час, и у нас на борту всего пара винтовок. Мы только потратим время, вступая в бой с истребителями.

— Пожалуйста, помогите, — умолял голос. — Нас атакует не реактивный бомбардировщик, а биплан времен первой мировой войны. Повторяю, нас атакует биплан первой мировой войны. Помогите.

Питт и Джордино изумленно переглянулись. Прошло не менее десяти секунд, прежде чем Питт мог полностью собраться с мыслями.

— Хорошо, Брейди Филд, мы на подходе. Но вам следует получше определить тип самолета, а то вы слишком опечалите двух маленьких седых матерей-старушек, если мы с помощником пропадем. Конец связи. — Питт повернулся к Джордино и заговорил быстро, не меняя выражения лица, его голос звучал четко и расчетливо: — Пройди по самолету и открой боковую дверь. Возьми карабин и устройся как снайпер.

— Я не могу поверить в то, что услышал, — ошеломленно произнес Джордино.

Питт покачал головой: Я не могу окончательно поверить в это, но мы должны протянуть руку помощи тем парням, которые находятся там внизу. Теперь поторопись.

— Я все сделаю, — пробормотал Джордино. — Но я все еще не верю этому.

— Сейчас это не имеет значения, друг мой. — Питт легонько похлопал Джордино по руке и улыбнулся. — Удачи тебе.

— Припаси ее и для себя, ты можешь истечь кровью так же легко, как я и, — глубокомысленно сказал Джордино. Затем, тихонько бормоча что-то себе под нос, он поднялся со своего кресла и прошел в салон самолета. Там он достал с полки карабин тридцатого калибра и зарядил его пятнадцатью патронами. Струя горячего воздуха ударила ему в лицо и наполнила жаром салон, когда он открыл люк сбоку. Еще раз проверив оружие, он сел и стал ждать. Мысли его обратились к тому крупному мужчине, который управлял самолетом.

Джордино знал Питта уже довольно давно. Они играли вместе, когда были мальчишками, занимались в одной легкоатлетической секции в колледже, ухаживали за одними и теми же девушками. Он знал Питта гораздо лучше, чем кто-нибудь еще из мужчин или женщин. Питт состоял, в известном смысле, как бы из двух человек, не связанных непосредственно друг с другом. Один Питт Дирк был хладнокровным, расчетливым человеком, который редко ошибался и к тому же обладал чувством юмора, был непритязательным и легко сходился с каждым, кто соприкасался с ним; довольно редкое сочетание. Но существовал еще и другой Питт, замкнутый, который часто уходил в себя и становился далеким и отчужденным, особенно когда его мысли были заняты какой-нибудь несбыточной мечтой. Конечно, должен был существовать ключ, который бы отпирал дверь между двумя Питтами, но Джордино

до сих пор не удалось найти его. Однако он заметил, что превращение одного Питта Дирка в другого стало происходить более часто в последний год — с той поры, как Питт потерял женщину в море около Гавайских островов; женщину, которую он глубоко любил.

Джордино вдруг вспомнил, какие глаза были у Питта, когда он уходил из кабины. При одном упоминании об опасности в его темно-зеленых глазах появился блеск. Джордино никогда прежде не приходилось видеть таких глаз, как эти, за исключением одного случая, и он невольно содрогнулся при воспоминании, посмотрев на отсутствующий палец правой руки. Но он отогнал свои мысли прочь и, попытавшись сосредоточиться на происходящем, снял карабин с предохранителя. Как ни странно, но он сразу почувствовал себя увереннее.

Там, в кабине, загорелое мужественное лицо Питта. Он был не так красив, как звезда экрана. Женщины редко бросались на нею. Обычно они чувствовали себя немного скованно и неуютно в его присутствии. Они каким-то образом чувствовали, что Питт не относился к тем мужчинам, которым доставляли удовольствие женские хитрости или глупые кокетливые игры. Он любил женское общество и ощущение их нежности, но терпеть не мог увертки, ложь и всякие другие мелкие смешные хитрости, пускаемые в ход мужчинами, чтобы соблазнить женщину. Но не потому, что ему не хватало ума завлечь женщину в постель: он был достаточно опытен. Он предпочитал откровенных и честных женщин, а таких очень редко можно было встретить.

Питт слегка наклонил вперед рычаг и гидроплан начал плавно пикировать в сторону ада на Брейди Филд. Белая стрелка высотомера медленно двигалась вниз, вокруг черного диска, показывая снижение. Он увеличил угол крена, и двадцатипятилетний самолет начал вибрировать. Этот самолет не был предназначен для высоких скоростей. Его назначением была воздушная разведка, он был надежен на дальних маршрутах, в этом заключалась его основная работа.

Питт попросил предоставить ему возможность работать на этом самолете после того, как его перевели из Военно-Воздушных Сил в Национальное Морское Управление Подводных работ по распоряжению Главы Ведомства адмирала Джеймса Сандекера. Питт все еще оставался в звании майора и, согласно предписанию, ему вменялся неограниченный круг обязанностей в НУМА. Его должность называлась — офицер Службы Безопасности, что было для него не более чем абстрактным названием, обозначающим стрелочника, на случай непредвиденных ситуаций. Если где-нибудь проект сталкивался с неизвестными трудностями или неразрешимыми проблемами, то обязанностью Питта являлось устранение всех препятствий для дальнейшего развития операции. Именно в этом и заключалась цель его назначения на летающую лодку Каталина. Из-за своей тихоходности она

была удобна для перевозки пассажиров и груза, и, что особенно важно, она могла садиться на воду и взлетать с нее. Это было главным козырем, ведь почти девяносто процентов операций НУМА проводились в сотнях километров от берега.

Вдруг ослепительный блеск на фоне черного облака привлек внимание Питта. Это был ярко-желтый аэроплан. Он сильно накренился, показывая высокую маневренность, и начал пикировать сквозь дым. Чтобы не промахнуться с гидроплана в этого необычного противника, Питт сбросил газ, уменьшая скорость своего резкого снижения. Аэроплан вынырнул из клубов дыма на другой стороне, и стало ясно видно, как он обстреливает Брейди Филд.

— Будь я трижды проклят, — воскликнул громко Питт. — Это же старый германский Альбатрос.

Каталина приближалась со стороны солнца, и пилот Альбатроса, сосредоточив все внимание на разрушении базы, не видел гидросамолет. Сардоническая улыбка появилась на лица Питта, когда момент боя стал близок. Он проклинал отсутствие на борту Каталины пулеметов, готовых открыть поражающий огонь по его команде. Он надавил на педаль руля, и самолет развернулся боком к аэроплану, чтобы Джордино было удобнее стрелять. Каталина все еще оставалась незамеченной. Затем сквозь рев моторов он вдруг услышал долгожданные выстрелы из карабина.

Они находились уже почти над Альбатросом, когда одетая в кожаный шлем голова летчика в открытой кабине повернулась к ним. Они подошли так близко, что Питт смог разглядеть открывшийся от удивления рот летчика при виде большой летающей лодки, которая атаковала его со стороны солнца — охотник превратился в дичь. Пилот быстро пришел в себя, и Альбатрос резко качнулся в сторону, но не раньше, чем Джордино успел всадить в него пятнадцать зарядов из карабина.

Мрачная, нелепая драма в задымленном небе над Брейди Филд получила новое развитие, когда летающая лодка времен второй мировой войны приготовилась к бою против боевого самолета первой мировой войны. Каталина была быстроходнее, но Альбатрос имел преимущество в вооружении — у него было два пулемета, и к тому же он обладал более высокой степенью маневренности. Конечно, Альбатрос был менее известен, чем его знаменитый двойник, Фоккер, но он показал себя прекрасным бойцом и трудягой в Германских Имперских Воздушных Силах с 1916 по 1918 годы.

Вильнув в сторону. Альбатрос развернулся и нацелился на кабину гидроплана. Питт действовал быстро, он рванул на себя рычаги управления и молил бога, чтобы крылья не отвалились от перегрузки,

когда летающая лодка с громыханьем и завываньем взмыла вверх и начала выписывать петлю. Питт забыл на момент о предосторожностях и нормативах пилотирования тяжелого самолета. Возбуждение от сражения лицом к лицу с противником кипело в его сознании и крови. Ему казалось, что он слышит, как выскакивают заклепки из обшивки, когда самолет перевернулся фюзеляжем кверху. Неожиданный ловкий маневр вывел его самолет из-под удара противника, и двойной поток свинца с желтого аэроплана прошел мимо, совершенно не задев Каталину.

В ответ Альбатрос сделал крутой разворот влево и полетел прямо на гидроплан, они сближались лоб в лоб. Питт мог видеть, как пули, вылетавшие из приближающегося самолета противника, прошли метрах в трех над его ветровым стеклом. Наше счастье, что этот парень не такой уж меткий стрелок, подумал он. У него возникло неприятное ощущение в животе, когда оба самолета сходились друг с другом в лобовой атаке. Питт выжидал до последнего момента, прежде чем направил нос самолета вниз и, стремительно сделав крутой вираж, получил небольшое, но важное преимущество перед Альбатросом. Джордино снова открыл огонь. Но желтый Альбатрос бросился в пике, уходя от града выстрелов из карабина; он устремился вертикально к земле, и Питт на какой-то миг потерял его из вида. Он сделал резкий разворот вправо и осмотрел небо. Но было слишком поздно. Он почувствовал это раньше, чем ощутил глухой звук ударов пуль, которые впивались в гидросамолет. Питт бросил свой самолет в крутой вираж вниз и ловко увернулся от смертоносного огня маленького самолетика. Ему едва удалось избежать опасности.

Неравное сражение длилось целых восемь минут, и все это время военные на земле зачарованно наблюдали за происходящим в небе. Необычная воздушная схватка медленно перемещалась на восток к береговой линии, и финальный раунд начался там.

Питт покрылся потом. Маленькие блестящие капельки появились у него на лбу и, стекая, оставляли следы на лице. Противник хитрил, но Питт тоже играл в стратегические игры. С бесконечным терпением, собрав всю силу воли, он ждал, подходящего момента, и когда, наконец, враг появился, Питт уже был полностью подготовлен к схватке с ним.

Альбатрос пытался пристроиться сзади и чуть выше Каталины. Питт держал скорость постоянной, и противник, предвкушая легкую победу, приблизился почти на пятнадцать метров к хвостовому отсеку летающей лодки. Но прежде чем заговорили пулеметы противника, Питт ослабил педаль газа и опустил закрылки, это привело к резкой потере скорости большого самолета. Ошеломленный маневром, пилот-призрак промахнулся и пролетел над гидропланом, получив в ответ несколько метких попаданий в двигатель Альбатроса. Карабин Джордино стрелял

точно. Старый самолет поравнялся с кабиной гидроплана, и Питт с уважением взглянул на противника, оценив его храбрость. Налетчик в открытой кабине снял свои очки и салютовал ему, отдавая честь. Затем желтый Альбатрос и его таинственный пилот повернули прочь и направились в западную часть острова, волоча за собой черный шлейф дыма — свидетельство меткой стрельбы Джордино.

Каталина, потерявшая скорость, вошла в штопор, и Питту пришлось пережить несколько напряженных секунд, прежде чем ему удалось стабилизировать положение. Затем он начал стремительно подниматься в небо. На уровне полутора тысяч метров он выровнял машину и стал осматривать остров и побережье, но нигде не было видно ярко-желтого самолета с нарисованным Мальтийским крестом. Он исчез.

Мрачное, леденящее чувство охватило Питта. Желтый Альбатрос казался ему чем-то уже встречавшимся. Это было точно забытое привидение из прошлого, явившееся перед ним. Но странное ощущение прошло так же быстро, как и появилось, и он с облегчением вздохнул, когда напряжение исчезло и приятное чувство расслабления мягко охватило все его существо.

— Ну, когда я получу свою медаль за меткость? — спросил Джордино, стоя в дверях кабины. Он улыбался, несмотря на глубокую ссадину на голове. Кровь сочилась из ранки на правой стороне его лица, капая на воротник цветастой рубашки.

— После приземления я куплю тебе выпить вместо этого, — ответил Питт не оборачиваясь.

Джордино опустился в кресло рядом с пилотом:

— Я чувствую себя так, словно покатался на катере по крутым волнам Лонг Бич Пайк.

Питт не откликнулся на шутку. Он постарался расслабиться, молча откинувшись на спинку кресла. Затем повернулся и посмотрел на Джордино, его глаза округлились:

— Что с тобой случилось? Ты ранен?

Джордино бросил на Питта наигранно печальный взгляд:

— Ты когда-нибудь слышал, что можно сделать «мертвую петлю» на гидросамолете?

— Кажется, это следует делать время от времени, — парировал Питт с искорками в глазах.

— В следующий раз предупреждай пассажиров. Я прыгал по салону, как баскетбольный мяч.

— Обо что ты так стукнулся головой? — лукаво спросил Питт.

— Тебе обязательно надо это знать?

— А все-таки?

Джордино вдруг засмущался:

— Если тебе так интересно, это была дверная ручка сортира.

Какое-то мгновение Питт выглядел удивленным. Затем он запрокинул голову назад и разразился оглушительным хохотом. Веселье было таким заразительным, что Джордино вскоре присоединился к нему. Смех заполнил кабину и даже заглушил шум моторов. Прошло около тридцати секунд, прежде чем веселье улеглось и вернулось понимание серьезности пережитой ситуации.

Голова Питта была ясной, но усталость постепенно затуманивала разум. Долгие часы полета и напряжение недавней схватки сделали свое дело, и тело требовало отдыха. Он думал о приятном запахе мыла, прохладном душе и хрустящих чистых простынях, и они почему-то стали жизненно необходимы для него. Он посмотрел из окна кабины на Брейди Филд и вдруг вспомнил, что действительным пунктом назначения для них была *Первая Попытка,* но мрачный призрак или, лучше сказать, явление из прошлого, заставило их изменить курс.

— Вместо того, чтобы садиться на воду и курсировать вдоль борта *Первой Попытки,* я полагаю, нам лучше приземлиться на Брейди Филд. У меня такое предчувствие, что несколько очередей все-таки угодило нам в корпус.

— Хорошая идея, — отозвался Джордино. — Если честно, я что-то не настроен на прыжок с парашютом.

Большая летающая лодка стала заходить на посадку, выбирая неповрежденную часть посадочной полосы. Гидросамолет снизился, шасси коснулись разгоряченного асфальта и издали характерный для резины звук трения. Это означало, что они приземлились.

Питт остановил машину подальше от языков пламени, в дальнем углу площадки у ангара. Когда Каталина остановилась, он выключил зажигание. Два плоских серебряных пропеллера постепенно прекратили свое вращение и застыли, сверкая в лучах Эгейского солнца. Все было тихо. Они с Джордино сидели спокойно, еще какое-то время наслаждались тишиной, наступившей в кабине после тринадцати часов гула и тряски.

Питт отодвинул задвижку на боковом окошке и открыл его, наблюдая с напряженным интересом, как пожарные с базы боролись с огнем в этом

аду. Везде лежали шланги, как стрелки на карте, люди суетились вокруг и кричали, добавляя неразберихи в происходящее. Огонь, охвативший реактивные самолеты F-105, был почти потушен, но вокруг транспортника С-133 языки пламени еще продолжали бушевать.

— Посмотри туда, — показал рукой Джордино.

Питт оторвал взгляд от панели с приборами и с интересом посмотрел через окно со стороны Джордино на голубую машину воздушных сил, которая мчалась к гидросамолету по взлетной полосе. В машине находилось несколько офицеров, а позади с радостными криками бежала толпа из тридцати-сорока человек. Они гнались за машиной, как шумная стая гончих собак.

— Сейчас ты увидишь, что я, черт возьми, называю торжественным приемом, — сказал Питт, широко улыбаясь.

Джордино прижал носовой платок к кровоточащей ссадине. Когда ткань пропиталась кровью, он скомкал ее и выбросил из окна на землю. Его взгляд остановился на расположенной рядом береговой линии, беспокойные мысли завладели им на какое-то мгновенье. Наконец, он повернулся к Питту:

— Я полагаю, ты в курсе, нам здорово повезло, что мы приземлились здесь.

— Да, я знаю, — вяло отозвался Питт. — Была пара моментов там, наверху, когда я подумал, что призрак подбил нас.

— Желал бы я знать, черт побери, кто он такой и ради чего все это разрушение?

По лицу Питта было заметно, что он о чем-то напряженно думает,

— Единственный ключ — желтый Альбатрос.

Джордино удивленно посмотрел на своего друга.

— А какое значение может иметь цвет этого старого летающего отщепенца?

— Если ты изучал историю авиации, — Питт говорил с оттенком добродушного сарказма: — То ты должен помнить, что германские пилоты во время первой мировой войны раскрашивали свои боевые самолеты в необычные, иногда присущие только им цветовые гаммы.

— Оставь свои уроки истории на потом, — проворчал Джордино. — Сейчас все, что я хочу, — это выбраться из этого карцера и насладиться той выпивкой, которую ты мне обещал. — Он поднялся со своего кресла и направился к выходному люку.

Голубая машина резко затормозила рядом с большой серебристой летающей лодкой, и все четыре двери разом распахнулись. Пассажиры с громкими криками высыпали из машины, и начали стучать кулаками по алюминиевой крышке люка самолета. Вскоре подоспевшая толпа облепила гидросамолет, люди с громкими приветственными криками размахивали руками перед стеклом кабины.

Питт продолжал сидеть и лишь помахал им из окна. Его тело ломило от усталости, но мозг оставался достаточно трезвым и продолжал активно работать. Одно название вертелось у него на языке, пока, наконец, он не произнес его вслух:

— *Ястреб Македонии.*

Джордино уже у выхода обернулся к нему:

— Ты что-то сказал?

— Да так, ничего, — Питт шумно выдохнул. — Ну, пошли, я покупаю выпивку, как обещал.

2

Когда Питт проснулся, было еще темно. Он не знал, как долго он спал. Возможно, он только вздремнул. а может быть, он находился в объятиях сна несколько часов. Он не знал, да и не хотел знать этого. Металлические пружины казенной кровати скрипели, когда он поворачивался в поисках более удобного положения, но сон не шел к нему. Его мозг пытался найти причину. Может быть, ему мешает гудящий шум кондиционера, спрашивал он самого себя? Но он привык спать под громкий стук двигателей самолета, так что это не могло быть причиной. Может, ему мешал треск цикад? Весь остров был покрыт ими. Нет, было что-то еще. Наконец, он понял. Ответ таился в глубине его дремлющего мозга. Это была его вторая половина, его *подсознание,* которое заставило его проснуться. Как на экране перед ним снова и снова мелькали картины странных событий прошедшего дня.

Один кадр остановился, отодвинув на второй план остальное. Это была фотография в галерее Имперского Военного Музея. Питт живо представил себе ее. Камера запечатлела германского пилота, позировавшего около своего боевого самолета во время первой мировой войны. На нем была летная форма, его правая рука лежала на голове огромной немецкой овчарки. Собака, очевидно, талисман, высунув язык, смотрела на своего хозяина преданными глазами. Пилот повернул к камере свое мальчишеское лицо, которое казалось голым без традиционного прусского шрама от дуэли и монокля. Однако, гордая

тевтонская военная кровь легко угадывалась по оттенку его дерзкой улыбки и прямой осанке.

Питт даже припомнил подпись на фотографии: «Македонский Ястреб».

Лейтенант Курт Хейберт из 91 авиационного полка одержал 32 победы над врагом на Македонском фронте, один из выдающихся асов великой войны. Предположительно был сбит и пропал без вести в Эгейском море 15 июля 1918 года.

Некоторое время Питт лежал в темноте с отрытыми глазами. Сегодня ночью больше не удастся заснуть, подумал он. Привстав и облокотившись на руку, он дотянулся до прикроватной тумбочки, взял свои часы марки «Омега» и поднес их к глазам. Светящиеся цифры показывали 4.09. Затем он сел, опустив босые ноги на кафельный пол. Пачка сигарет лежала рядом с часами, он достал одну и прикурил ее от серебряной зажигалки. Глубоко затянувшись, он встал и потянулся. Его лицо сморщилось; мускулы спины до сих пор ощущали дружеские похлопывания, которые достались им от радушных людей с Брейди Филд сразу после того, как они с Джордино спустились из кабины гидроплана. Питт невольно улыбнулся в темноте, когда вспомнил о крепких теплых рукопожатиях и поздравлениях, доставшихся им. Лунный свет, падавший в окно офицерской казармы, и теплый прозрачный воздух раннего утра заставили Питта почувствовать себя отдохнувшим. Он снял трусы и начал рыться в багаже при скудном освещении. Когда ему удалось нащупать плавки, он быстро надел их, захватил полотенце из ванной и шагнул в темноту ночи.

Там, на улице, блестящая средиземноморская луна окутала его тело, она заливала призрачным светом окружающий пустынный ландшафт. Небо было усыпано звездами и млечный путь яркой белой полосой выделялся на черном бархатном небе.

Питт направился по дорожке, ведущей от офицерской казармы к главным воротам. Он остановился на минуту, посмотрев на пустынную дорожку, и заметил многочисленные черные прогалы в линии разноцветных огней, обрамлявших края посадочной полосы. Наверняка некоторые огни сигнальной системы были повреждены во время налета, подумал он. Несмотря на это, основная полоса оставалась видна для пилота, совершающего ночную посадку. Позади промежуточных огней он сумел различить темный силуэт гидросамолета, одиноко пристроившегося на противоположной стороне площадки, как утка в гнезде. Пулевые повреждения в корпусе Каталины были незначительными, и техники Службы Обеспечения Полетов собирались утром сразу же приступить к ремонту, обещая, что восстановление займет всего лишь три дня. Полковник Джеймс Льюис, командир базы, принес свои извинения за задержку, объяснив это тем, что часть

техников будет заниматься ремонтом поврежденных при налете реактивных самолетов и уцелевшего транспортника С-133. Между тем Питт и Джордино решили воспользоваться гостеприимством полковника и остаться на Брейди Филд, используя вельбот с *Первой Попытки* для сообщения между кораблем и берегом. Такая договоренность устраивала всех, потому что жилые каюты на борту *Первой Попытки* были тесными и уже переполненными.

«Не рановато ли для купания, приятель?»

Голос оторвал Питта от его мыслей, и он увидел, что стоит под белым ярким прожектором, установленным над контрольно-пропускным пунктом у главного входа в базу. КПП располагался на ограничительной линии, где заканчивалось и начиналось движение, и там мог находиться только один человек. Невысокий плотный охранник шагнул из двери и внимательно посмотрел на него.

— Мне не спится, — едва сказав это. Питт почувствовал себя в глупом положении, потому что не придумал ничего более оригинального. Но, черт возьми, ведь это же правда, подумалось ему.

— Я вас не осуждаю, — сказал охранник. — После всего, что сегодня случилось, я был бы действительно удивлен, если кто-нибудь на базе смог бы заснуть спокойно. — Но сама мысль о сне вызывала рефлекс, и охранник зевнул.

— Вам должно быть ужасно скучно сидеть здесь всю ночь в одиночестве, — сказал Питт.

— Да, скучновато, — отозвался охранник, держась одной рукой за кожаную портупею, а второй он сжимал автоматический Кольт 45 калибра, который висел у его бедра.

— Если вы собираетесь покинуть базу, вам следует показать мне пропуск.

— Извиняюсь, но у меня его нет. — Питт забыл попросить полковника Льюиса выписать им пропуска, чтобы выходить и входить на базу.

Важное и неприступное выражение появилось на лице охранника.

— Тогда вам следует вернуться в казарму и взять его. — Он смахнул с лица мотылька, летевшего на свет прожектора.

— Это будет напрасной тратой времени. У меня совсем нет пропуска, — сказал Питт, беспомощно улыбаясь.

— Не надо со мной шутить, приятель. Никто не может зайти на базу или выйти с нее без пропуска.

— Я смог.

В глазах охранника мелькнуло недоверие.

— Как же вам это удалось?

— Я прилетел.

Охранник с удивлением посмотрел на него. В его глазах появились огоньки. Еще один пролетавший мимо мотылек сел ему на белую форменную фуражку, но он этого не заметил. Затем из него громко вырвалось:

— Вы пилот с Каталины, летающей лодки!

— Виноват, так оно и есть, — ответил Питт.

— Послушай, я хочу пожать твою руку. — Губы охранника растянулись в широкой улыбке, обнажив ровный ряд зубов. — Это было самое захватывающее пилотирование, какое я когда-либо видел. — Он протянул массивную руку.

Питт взял протянутую руку и пожал ее. У него самого было сильное пожатие, но оно показалось бы слабеньким по сравнению с пожатием охранника:

— Спасибо, но я бы был более удовлетворен, если бы мой противник грохнулся на землю.

— Черт возьми, он не мог уйти далеко. Старая груда хлама дымила, как труба, когда перевалила через холмы.

— Может, он упал на другой стороне?

— Невозможно. Полковник посылал туда целый взвод охранников, чтобы мы на джипах прочесали весь остров. Мы искали до темноты, но так ничего и не обнаружили. — Он выглядел растерянным. — Конечно, меня больше вывело из себя то, что мы вернулись на базу слишком поздно, чтобы можно было где-нибудь перекусить.

Питт улыбнулся:

— Вероятно, он упал в море или сумел дотянуть до материка, прежде чем упасть…

Охранник передернул плечами:

— Может быть. Но в одном я уверен точно — его нет на Тасосе. Я лично гарантирую этот факт.

Питт засмеялся:

— Этого вполне достаточно для меня. — Он поправил полотенце на плече и подтянул свои плавки: — Ну, очень приятно было поговорить с тобой…

— Летчик второго класса Муди, сэр.

— А я — майор Питт.

Лицо охранника вытянулось:

— О, я извиняюсь, сэр. Я не предполагал, что вы офицер. Я думал, что вы один из тех гражданских из НУМА. Я разрешу вам выйти в этот раз, майор, но я буду признателен, если вы получите пропуск на базу.

— Обещаю, что первым делом после завтрака я займусь этим вопросом.

— Моя смена приходит в 8.00. Если вы не вернетесь к этому времени, я предупрежу сменщика, и он разрешит вам пройти без каких-либо хлопот,

— Спасибо, Муди, Возможно, увидимся еще. — Питт помахал ему, затем повернулся и зашагал вниз по дороге к берегу.

Питт держался правой стороны узкой мощеной дороги и где-то через милю подошел к маленькой бухточке, окруженной большими гранитными скалами. Лунный свет указывал ему дорогу, и он шел вслед за ним, пока его ноги не ступили на мягкий песчаный берег, Питт положил полотенце и подошел к линии прибоя. Волна разбилась, и белый пенный гребень скользнул по мокрому песку, лизнув его ноги. Поколебавшись мгновение, волна откатилась назад, создавая впадину для следующего гребня. Чувствовалось легкое дыхание ветерка, и блестящее море было относительно спокойно. На темной глади воды отражались лунные блики, и серебряная световая дорожка тянулась по морской поверхности до самого горизонта, где в абсолютной темноте встречались вместе море и небо. Питт погрузился в теплое безмолвие воды и поплыл вдоль лунной дорожки.

Внутренние ощущения всегда переполняли Питта, когда он бывал один и рядом с морем… Казалось, что его душа покидала его тело и он превращался в бестелесную, бесформенную субстанцию. Его мозг становился ясным и чистым: вся умственная работа останавливалась, и все мысли исчезали. Он смутно ощущал тепло или холод, запахи, прикосновения и все другие чувства, кроме слуха. Все, что занимало его в такие минуты, — это наслаждение тишиной. Были забыты все его поражения, победы, любовь и привязанности, даже сама жизнь исчезала и терялась в безмолвии.

Он лежал на воде и плавал около часа. Наконец, маленькая волна ударила ему в лицо, и он непроизвольно проглотил несколько капель

соленой воды. Он фыркнул, как бы разгоняя дискомфорт, и снова к нему вернулись все ощущения. Без особых усилий он начал грести к берегу. Когда его руки коснулись песчаного дна, он перестал плыть и отдался воле волн: он дрейфовал, как плавающий на поверхности воды обломок кораблекрушения, который медленно относит к берегу. Достигнув побережья, он прополз вперед, пока наполовину не высунулся из воды, позволив волнам заливать его ноги и бедра. Теплый прибой Эгейского моря поднимался из темноты и легко накатывался на берег, лаская его кожу. Он задремал.

Звезды начали гаснуть одна за другой на бледном предрассветном небе, когда внутренняя тревога шевельнулась в мозгу Питта и он, внезапно ощутив чье-то присутствие, моментально проснулся, но не пошевелился, а только немного приоткрыл глаза. Питт едва мог различить стоявшую около него фигуру. Напрягая зрение в бледном свете, он старался разглядеть силуэт более детально. Неясный контур медленно материализовался. Это была женщина.

— Доброе утро, — сказал он и сел.

— О, боже мой, — вскрикнула женщина.

Она поднесла руку ко рту, как бы пытаясь сдержать крик.

Было слишком темно, чтобы увидеть страх в ее глазах, но Питт знал, что это было так.

— Извините, — вежливо произнес он. — Я не собирался напугать вас.

Рука медленно опустилась. Она продолжала стоять, глядя на него сверху вниз. Наконец, она обрела голос.

— Я... Я думала, что вы мертвы. — Она мягко произносила слова.

— Я едва ли могу обвинить вас. Полагаю, если бы я увидел, что кто-то лежит в полосе прибоя в этот час, я бы подумал то же самое.

— Знаете, я едва не лишилась чувств, а вы сидите и так разговариваете.

— Еще раз, мои искренние извинения. — Неожиданно до Питта дошло, что женщина говорила по-английски. У нее был британский акцент, но слышался и легкий налет немецкого. Он поднялся на ноги:

— Позвольте представиться, меня зовут Питт Дирк.

— Я — Тери, — сказала она. — И я не могу выразить словами, как я счастлива видеть вас живым и здоровым, мистер Питт. — Она не назвала свое второе имя, и Питт не настаивал на этом.

— Поверьте мне, Тери, я тоже очень рад. — Он кивнул на место рядом с собой. — Вы не хотите присоединиться ко мне и встретить восход солнца?

Она рассмеялась:

— Спасибо. Мне бы хотелось. Но я едва могу разглядеть вас. Ко всему прочему, я знаю, что вы можете оказаться монстром или кем-то еще в этом роде. — В ее интонации проскальзывали нотки кокетства. — Могу я доверять вам?

— Если быть полностью и до конца честным, то нет. Я думаю, будет справедливо предупредить вас, что я изнасиловал около двухсот невинных девственниц прямо здесь, в этом самом месте. — Юмор Питта был слишком развязный, но он знал, что это была хорошая система проверки особенностей женского характера.

— Ох, чтоб мне провалиться, я бы много отдала, чтобы оказаться двести первой, но я не невинная девственница. — Уже было достаточно светло, чтобы разглядеть ее белые зубы, мелькнувшие в улыбке. — Я искренне надеюсь, что вы не обратите это против меня.

— Нет, я очень либерален в такого рода вещах. Но я должен попросить вас сохранить в секрете тот факт, что двести первая не была чиста, как первый снег. Если это станет известно, то моя репутация монстра будет подорвана.

Они оба рассмеялись, сели рядышком на полотенце Питта и продолжали вести разговор в шуточном, ничего не значащем тоне, пока горячее солнце с неохотой начинало подниматься над Эгейским морем. Когда первые золотые лучи сверкающего оранжевого шара показались на мерцающем горизонте, Питт более внимательно взглянул на женщину и увидел ее в новом свете. Ей было около тридцати, ярко-красный купальный костюм-бикини облегал ее стройное тело. Бикини был не слишком коротким, хотя его нижняя часть начиналась сантиметрах в пяти от пупка. Он был из блестящего сатина и казался неотъемлемой частью ее тела, внешним покрытием кожи. Ее фигура представляла собой обманчивое сочетание грации и прочности, живот казался гладким и плоским, груди были совершенны: не слишком маленькие и не очень большие. У нее были длинные, тронутые легким загаром ноги, чуть утонченные книзу. Питт решил не обращать внимание на столь незначительное несовершенство и поднял глаза к ее лицу. Ее тонкие черты сочетали красоту и загадочность греческой статуи и несомненно признавались бы совершенными, если бы не круглая оспина на правом виске. Обычно шрамик был закрыт ее черными волосами, достающими до плеч, но она откинула голову назад, когда смотрела на восход солнца, и эбонитового цвета пряди волос, касаясь песка, оставляли тонкие следы.

Неожиданно она повернулась и поймала изучающий взгляд Питта.

— Вы собирались смотреть восход солнца, — произнесла она со смущенной, улыбкой.

— Я видел восходы и раньше, но в этот раз я впервые лицом к лицу встретился с живой прекрасной Греческой Афродитой. — Питт заметил, как ее темно-карие глаза вспыхнули от удовольствия в ответ на его комплимент.

— Спасибо за комплимент, но Афродита была греческой богиней любви и красоты, а я только наполовину гречанка.

— И какова же другая половина?

— Мой отец был немцем.

— В этом случае я должен благодарить богов; вы так похожи на свою материнскую половину.

Она бросила на него чуть раздраженный взгляд:

— Хорошо, что мой дядя не слышит этого.

— Типичный немец?

— Да, конечно. В действительности он является причиной моего присутствия на Тасосе.

— Тогда он не может быть совсем плохим, — сказал Питт, восхищаясь ее глазами: — Вы живете с ним?

— Нет, на самом деле я родилась здесь, но выросла в Англии. Я закончила там школу и, когда мне исполнилось восемнадцать, влюбилась в решительного продавца легковых автомобилей, вышла за него замуж.

— Извините, я не знал, что продавцы автомобилей могут быть решительными.

Она проигнорировала его замечание с оттенком сарказма и продолжала.

— Он любил участвовать в автомобильных гонках в свободное время, и ему сопутствовала удача. Он побеждал в испытательных гонках, в соревнованиях по пересеченной местности, других состязаниях спортивных автомобилей. — Она пожала плечами и начала пальцем выводить круги на песке. Ее голос звучал чуточку с хрипотцой.

— Однажды его участие в авторалли в один из выходных дней закончилось трагедией; шел дождь, его машину занесло на повороте, и она ударилась о дерево. Он умер прежде, чем я смогла добраться туда.

Питт помолчал минуту, глядя с сочувствием на ее печальное лицо.

— Когда это было? — просто спросил он.

— Прошло уже почти восемь с половиной лет, — шепотом ответила она.

Питт пришел в изумление. Затем в нем начало подниматься раздражение. Что за глупость, подумал он. Какая непростительная глупость для такой красивой женщины горевать над погибшим мужчиной почти девять лет. Чем больше он об этом размышлял, тем сильнее становилось раздражение. Он видел слезы, стоявшие в ее глазах, когда она погрузилась в воспоминания, и это зрелище вызвало в нем отвращение. Он резко повернулся и дал ей весомую пощечину.

Ее глаза расширились от обиды и удивления, все ее тело содрогнулось от резкого толчка, словно она получила пулю.

— Почему вы ударили меня? — задыхаясь, срываясь на крик, спросила она.

— Потому что тебе это было нужно, просто необходимо, — непримиримо ответил он. — Эта тога, которую ты надела на себя, уже вся изношена, как шинель. И я удивлен, что никто раньше не додумался поставить тебя на колени и хорошенько отшлепать. Итак, твой муж был решительным. Ну и что? Он умер и похоронен, и траур по нему в течение всех этих лет не поднимет его из могилы. Отодвинь куда-нибудь память о нем и забудь его. Ты же красивая женщина — ты не должна принадлежать гробу, полному костей. Ты принадлежишь каждому мужчине, который оборачивается в твою сторону и восхищается тобой, когда ты проходишь мимо, и который страстно желает овладеть тобой. — Питт видел, как его слова проникали сквозь ее слабую защиту. — Ты подумай об этом. Это же твоя жизнь. Не отмахивайся от нее и не надо играть «Камиллу» до тех пор, пока не состаришься и не поседеешь.

Ее лицо выглядело растерянным при свете утреннего солнца, и ее дыхание прерывалось рыданиями. Питт позволил ей поплакать довольно долго. Когда она, наконец, подняла голову и повернулась к нему лицом, он увидел, что ее щеки залиты слезами, перемешавшимися с мелкими песчинками, прилипшими к мокрым пятнам. Она посмотрела кротко на него, и он уловил блеск в ее глазах. Они были мягкие и испуганные, как у маленькой девочки. Он поднял ее на руки и поцеловал. У нее оказались теплые и мягкие губы.

— Когда у тебя в последний раз был мужчина? — прошептал он.

— С тех пор не... — ее голос затих.

Питт овладел ею, когда длинные тени от скал ползли по берегу, закрывая их тела от солнца. Стая птиц-перевозчиков кружила наверху и

спускалась вниз на мокрый песок у самой кромки воды. Они сновали вверх и вниз, играя в догонялки с прибоем. Иногда какая-нибудь из пролетавших птиц обращала на них внимание и следила похожими на бусинки глазами за двумя любовниками в тени, в этот момент она на мгновение застывала в воздухе, прежде чем снова вернуться к обыденным делам, добыванию длинным клювом еды в полосе прибоя. Тени становились короче по мере того, как солнце поднималось выше в небе. Рыбицкая лодка появилась в сотне метров от скал. Рыбаки, забросив сети в воду, были слишком заняты, чтобы заметить нечто необычное на берегу. Наконец, Питт отодвинулся и посмотрел на улыбающееся привлекательное лицо Тери.

— Я даже не знаю, благодарить мне тебя или просить прощения, — мягко произнес он.

— Пожалуйста, прими все это вместе с моей благодарностью, — произнесла она в ответ.

Он осторожно поцеловал ее в глаза.

— Видишь, что ты теряла все эти годы, — сказал он с улыбкой.

— Я согласна. Ты действительно показал мне чудесное средство от моей депрессии.

— Я всегда прописываю обольщение. Оно гарантирует выздоровление во всех случаях нервных расстройств и общего нездоровья.

— И каков ваш гонорар, доктор? — спросила она с присущим ей женским кокетством.

— Я уже получил сполна.

— Вам не удастся легко уйти от ответа. Я должна настоять на том, чтобы вы пришли в дом моего дяди на обед сегодня вечером.

— Сочту за честь, — ответил он. — Когда и как я могу попасть туда?

— Я попрошу шофера моего дяди, чтобы он забрал вас у входа на Брейди Филд в шесть часов.

Брови Питта резко взлетели вверх:

— Почему ты думаешь, что я с Брелди Филд?

— Ты явно американец, а именно там живут все американцы, которые находятся на острове. — Тери взяла его руки и прижала их к своему лицу. — Расскажи мне о себе. Чем ты занимаешься на своей Воздушной Базе? Ты летаешь? Ты офицер?

Питт изо всех сил старался выглядеть серьезным:

— Я занимаюсь уборкой мусора на базе.

— Неужели? Ты слишком интеллигентен для сборщика мусора. — Она посмотрела на его выразительное загорелое лицо, заглянула в его темно-зеленые глаза. — Ну, хорошо, я не буду расспрашивать тебя против твоей воли. Тебе уже присвоили сержанта?

— Нет. Я никогда не был сержантом.

Вдруг яркий проблеск в горах, метрах в шестидесяти от них, привлек внимание Питта. Блестящий предмет отразил солнечные лучи на короткое мгновение. Он посмотрел туда, где увидел сверкание, но ничего не увидел больше: ни вспышки, ни малейшего движения.

Тери заметила его напряжение:

— Что-то случилось? — спросила она.

— Нет, ничего, — солгал Питт. — Мне показалось, что я заметил что-то плывущее по воде, но оно исчезло. — Он посмотрел на ее приподнятое лицо, и в его глазах загорелись искорки. — Ну, мне пора возвращаться на базу, нужно еще убрать кучу мусора.

— Я тоже должна идти. Мой дядя, вероятно, удивляется, почему меня нет и что со мной случилось.

— Ты собираешься рассказать ему?

— Не говори глупости, — рассмеялась она. Она встала, отряхнула с тела песок и привела в порядок бикини.

Питт улыбался, вставая на ноги:

— Почему это женщины всегда кажутся такими скромными и застенчивыми перед тем как лечь, и становятся такими оживленными и беззаботными после?

Она беспечно пожала плечами:

— Я думаю, что секс расслабляет и избавляет от многочисленных разочарований, заставляет нас почувствовать себя более земными. — Ее карие глаза напряженно светились. — Как видишь, у женщин тоже есть животные инстинкты.

Питт игриво хлопнул ее по заду.

— Пошли, я провожу тебя домой.

— Тебе предстоит длинная прогулка. Вилла моего дяди находится в горах за Лиминасом.

— Где находятся горы и где Лиминас?

— Лиминас — это маленькая деревушка милях в шести вверх по дороге, — объяснила она, указывая на север. — Но я не понимаю, что ты подразумеваешь, спрашивая о горах? — Ее рука показывала на склоны острова в миле от дороги. — Как ты назовешь это?

— В Калифорнии, откуда я родом, мы называем все, что ниже девятисот метров высотой, холмами.

— Вы янки, всегда чересчур хвастаете.

— Это важное развлечение для американцев.

Они неторопливо поднимались по тропинке, ведущей из бухточки. У обочины дороги стоял маленький спортивный открытый Мини-Купер. Английская гоночная машина, окрашенная в зеленый цвет, была едва различима под слоем островной пыли.

— Как тебе нравится мой превосходный призовой гоночный автомобиль? — с ноткой гордости в голосе спросила Тери.

Питт рассмеялся: не столько над ее преувеличенным утверждением, сколько над британским использованием слова *превосходный* в отношении автомобиля.

— Клянусь Юпитером, он великолепен, — ответил он, подражая местной терминологии. — Это твой?

— Да, я купила его новеньким в Лондоне только в прошлом месяце и ехала за рулем всю дорогу из Гавра.

— Сколько времени ты еще пробудешь у своего дяди?

— У меня трехмесячные каникулы, и я пробуду здесь еще шесть недель. Затем я собираюсь вернуться домой на корабле. Путешествовать на машине по континенту очень интересно, но это довольно-таки утомительное занятие.

Питт открыл для нее дверцу, и она села за руль. Нагнувшись к сиденью, Тери достала связку ключей. Выбрав один, она вставила его в замок, повернула на деление и завела двигатель. Мотор, чихнув один раз, заработал с ровным шумом.

Питт наклонился над запыленной дверцей и легонько поцеловал ее.

— Надеюсь, твой дядя не будет ждать меня с ружьем.

— Не беспокойся. Он наверняка будет интересоваться твоей профессией. Он любит летчиков. Он сам когда-то был летчиком во время первой мировой войны.

— Ладно сочинять, — с сарказмом откликнулся Питт. — Держу пари, он будет рассказывать о своих полетах с Рихтгофеном.

— О нет, он никогда не был во Франции. Он воевал именно здесь, в Греции.

Саркастическая улыбка на лице Питта моментально исчезла, внутри появилось холодное мрачное предчувствие. Он так сильно вцепился в дверцу, что у него побелели ногти пальцев.

— А твой дядя никогда не упоминал… о Курте Хейберте?

— Много раз. Они обычно летали вместе на задания. — Она включила передачу, затем улыбнулась и помахала рукой. — Увидимся вечером. Не опаздывай. До встречи.

Прежде чем Питт успел сказать в ответ хоть слово, миниатюрный автомобиль уже мчался по дороге. Он еще некоторое время наблюдал, как машина ехала в направлении севера. Запыленное зеленое пятно повернуло на перекрестке, и последнее, что он увидел, были развевающиеся на ветру черные волосы Тери.

Уже становилось довольно жарко. Питт медленно повернулся и неохотно пошел по направлению к базе. Он наступил босой ногой на что-то острое и негромко ругнулся, прыгая на одной ноге и пытаясь вытащить занозу. Достав ее ногтями из пятки, он сердито отшвырнул этот осколок в придорожный кустарник. Питт стал внимательно смотреть себе под ноги, чтобы снова не уколоться, когда заметил отпечатки следов. У того, кто их оставил, на подошве был сапожный гвоздь с большой шляпкой. Питт присел и стал внимательно изучать следы. Он мог легко отличить свои следы и отпечатки ног Тери, ведь они оба шли босиком. Его рот скривился. В некоторых местах отпечатки ботинок наступали на следы от босых ног. Кто-то шел следом за Тери к берегу, заключил Питт. Он поднял руку и сощурил глаза, глядя на солнце. Было еще довольно рано, поэтому он решил продолжить расследование.

Следы доходили до середины тропинки и затем сворачивали к скалам. Здесь отпечатки кончались, поэтому он взобрался на крутой скалистый утес и спустился по другой стороне. Следы возвращались назад к дороге, но на этот раз далеко от тропинки. Острый шип кустарника оцарапал до крови руку Питта, но он даже не заметил этого. Он покрылся потом, когда снова выбрался на дорогу. Наконец, знакомые отпечатки подошвы с сапожным гвоздем пропали, и появились следы широких покрышек. Характерный ромбовидный рисунок протектора отпечатался в пыли около дороги.

На шоссе не наблюдалось никакого движения, поэтому Питт спокойно положил полотенце на середину дороги, уселся на него и попытался представить себе всю картину.

Тот, кто шел по пятам за Тери, остановился здесь, прошел пешком до ее автомобиля и затем последовал за ней по тропинке. Но, не дойдя до берега, преследователь, вероятно, услышал голоса, поэтому вынужден был свернуть и продолжать свой путь в темноте к скалам, где он спрятался и шпионил за девушкой с Питтом. После того, как стало светать, неизвестный возвратился к дороге, прячась за скалами, всеми силами стараясь не выдать своего присутствия.

Это была элементарная головоломка, и все аккуратно сходилось, за исключением того, что недоставало трех неизвестных. Кто и почему преследовал Тери? Питт улыбнулся внезапно возникшей у него мысли. Самый простой ответ, — это мог быть просто любопытный прохожий. Если это действительно так, то наблюдатель увидел больше, чем рассчитывал.

У Питта засосало под ложечкой. Была еще и третья отсутствующая деталь, которая его беспокоила больше всего. Что-то не сходилось в логических заключениях. Он снова посмотрел на следы протектора. Они были слишком большие для обыкновенного автомобиля. Они могли принадлежать только массивной машине, например, грузовику. Его глаза сузились, и мозг напряженно заработал. Он не слышал, как подъехала Тери, потому что спал. И грузовик мог, вероятно, остановиться без особого шума.

Напряженный взгляд Питта вернулся от следов протектора к берегу. Прилив сровнял песок, стирая все признаки недавнего присутствия людей. Он мысленно измерил расстояние от дороги до берега и начал решать задачу на манер школьного учителя пятого класса.

Если грузовик находится в пункте А, а двое людей на берегу, в восьмидесяти метрах, в пункте В, то почему двое людей на берегу не слышали, как грузовик завел двигатель в тишине раннего утра?

Ответа не было, поэтому Питт пожал плечами и встал. Он отряхнул полотенце и, обернув его вокруг шеи, зашагал по пустынной дороге к главному входу, насвистывая популярную песенку.

3

Молодой светловолосый матрос отдал швартовы, и небольшой восьмиметровый вельбот легко отошел от маленького причала около Брейди Филд и взял курс к *Первой Попытке;* он плавно скользил по голубой поверхности моря. Грохочущий четырехцилиндровый двигатель позволял вельботу двигаться со скоростью восемь узлов в час,

распространяя по палубе знакомый запах дизельного топлива. Уже было несколько минут девятого, солнце палило немилосердно, и даже легкий морской бриз не приносил облегчения.

Питт стоял на корме и наблюдал за удаляющимся берегом, пока причал не превратился в темное пятно на водной поверхности. Затем он взобрался со своими девяноста килограммами на высокий круглый металлический поручень, ограждавший корму, и сел задом на него, рискованно свешиваясь над пенящейся водой у кильватера лодки. В такой необычной позе он мог чувствовать пульсацию вала, а, посмотрев прямо вниз, он мог наблюдать работу гребного винта в воде. Вельбот уже находился в четверти мили от *Первой Попытки,* когда Питт заметил, что молодой моряк у руля с уважением поглядывал на него.

— Извините меня, сэр, но похоже, что вы провели достаточно времени на катере. — Светловолосый матрос явно имел в виду то, как Питт сидел на перилах. Вероятно, молодой человек определил по его внешнему виду, что он является ученым-исследователем. Этот молодой человек уже успел сильно загореть под лучами Эгейского солнца, на нем были шорты-бермуды и ничего больше, ничего отличительного, кроме длинной светлой бороды.

Питт ухватился рукой за флагшток на корме для поддержки, а другой рукой залез в нагрудный карман за сигаретой.

— У меня была лодка, когда я учился в высшей школе, — небрежно ответил Питт.

— Вы, наверное, жили недалеко от воды, — сказал молодой шкипер.

— Ньюпорт Бич, в Калифорнии.

— Это замечательное место. Я обычно часто ездил туда, когда учился на высших курсах в Лайолле. — Молодой шкипер расплылся в широкой улыбке: — Ох, мужчины, мужчины, это райский уголок, ведь там столько девушек. Там, наверное, очень быстро достигают половой зрелости.

— Я думаю, что созревание наступает быстрее и в менее благоприятных местах. — Как только молодой человек почувствовал себя свободнее в разговоре, Питт переменил тему:

— Скажи мне, с какими неожиданностями вы столкнулись во время работы над проектом?

— Все шло прекрасно в первые пару недель, но как только мы нашли многообещающее место для исследований, все пошло из рук вон плохо, удача отвернулась от нас.

— Например?

— Большинство снаряжения испорчено: разорванные кабели, пропавшие или поврежденные вещи: генератор утонул, ну, и другие подобные этому случаи, вы знаете, как это бывает.

Они уже были достаточно близко от *Первой Попытки,* и молодой шкипер повернулся спиной к рулю, осторожно подводя небольшое суденышко к трапу.

Питт стоял и смотрел на большой корабль, изучая его внешний вид. По морским стандартам это был небольшой корабль, водоизмещением восемьсот двадцать тонн и общей длиной сорок пять метров. Корабль был построен на судовой верфи в Дании, в Роттердаме, перед второй мировой войной. Сразу после того, как немцы оккупировали территорию, его экипаж переправил судно в Англию, где оно выполняло важную служебную функцию — буксировало подбитые и поврежденные корабли в британский порт Ливерпуль под самым носом у немецких подводных лодок. Когда военные действия в Европе закончились, его устаревший и поврежденный корпус был продан Датским правительством Американскому морскому ведомству, которое занесло судно в резервный состав флота. Там оно находилось долгих двадцать пять лет, под серым пластиковым коконом. Затем вновь сформированное Национальное Подводное Морское Ведомство приобрело останки корабля у Флота и превратило его в современное океанографическое судно, назвав его *Первая Попытка.*

Питт прищурился от яркого блеска белой краски, покрывавшей судно от носа до кормы. Он поднялся по трапу на палубу, где его встретил старый друг, командир Руди Ганн, капитан судна и руководитель экспедиции.

— Ты выглядишь неплохо, — сказал Ганн без улыбки, — если не считать твоих красных глаз. — Он достал сигарету. Но прежде чем прикурить ее, он предложил одну Питту, который кивнул головой в знак благодарности.

— Я слышал, у тебя проблемы, — сказал Питт.

Лицо Ганна помрачнело.

— Ты прав, это так, — проворчал он. — Я просил адмирала Сандекера прислать тебя из Вашингтона не ради отдыха и развлечений.

Брови Питта удивленно поднялись. Такая неожиданная грубость была не характерна для Ганна. В обычных условиях маленький командир был приветливым и веселым человеком.

— Расслабься, Руди, — мягко произнес Питт. — Давай уйдем с солнцепека, и ты расскажешь мне обо всем.

Ганн снял свои очки в роговой оправе и провел по лбу носовым платком.

— Извини, Дирк, это все потому, что я никогда не видел, чтобы столько всего случалось одновременно. Это делает тщетными все наши планы, которые мы связываем с этим проектом. Полагаю, что от всего этого я становлюсь злым, как черт. Даже команда стала явно избегать меня в последние три дня.

Питт положил руку на плечо этого коротышки и улыбнулся.

— Я обещаю не избегать тебя, даже если ты превратишься в жуткую маленькую бестию.

Ганн выглядел озадаченным какое-то мгновение, затем чувство облегчения появилось у него в глазах, и он рассмеялся, запрокинув назад голову.

— Слава богу, что ты здесь, — он легонько сжал руку Питта. — Может, ты и не решишь эти загадки, но в конце концов мне станет хоть немного легче, когда ты будешь рядом. — Он повернулся и показал на нос корабля.

— Пойдем, моя каюта там, наверху.

Питт поднялся по трапу вслед за Ганном на верхнюю палубу и прошел в его маленькую каюту. Единственным, но существенным достоинством каюты был прохладный поток воздуха, идущий от вентилятора.

Он постоял немного над ним, наслаждаясь прохладой. Затем сел в кресло, положив руку на спинку, ожидая, что Ганн сразу же начнет рассказывать.

Ганн закрыл иллюминатор и остался стоять.

— Прежде чем я начну, я хотел бы спросить, что ты знаешь о нашей Эгейской экспедиции?

— Я только слышал, что *Первая Попытка* занимается зоологическими исследованиями в Средиземноморье.

Ганн ошеломленно уставился на него.

— Разве адмирал не познакомил тебя с подробностями относительно этого проекта, прежде чем ты покинул Вашингтон?

Питт прикурил другую сигарету.

— Что заставляет тебя думать, что я прибыл прямо из столицы?

— Я не знаю точно, — с сомнением произнес Ганн. — Я только полагал, что ты...

Питт с улыбкой остановил его.

— Я не был даже вблизи Штатов в последние четыре месяца. — Он выпустил клубы дыма в сторону вентилятора и наблюдал, как голубой туман рассеивался. — В записке Сандекера к тебе просто говорилось, что он направляет меня прямо на Тасос. Он явно не упоминал, откуда я прибуду и когда я приеду. Следовательно, ты ожидал, что я появлюсь парящим в голубом небе дня четыре назад.

— Снова я виноват, — сказал Ганн, пожимая плечами. — Ты прав, конечно. Я отводил самое большее два дня на то, чтобы твоя старая жестяная утка долетела из столицы. Даже когда ты, наконец, появился и попал в переделку на Брейди Филд вчера, ты уже на четыре дня прибыл позже моего графика.

— Мы ничего не могли сделать. Мы с Джордино должны были доставить снаряжение на дрейфующую станцию, расположенную на льдине севернее Шпицбергена. Сразу после нашего приземления началась пурга, и мы целых семьдесят два часа были погребены под снегом.

Ганн рассмеялся.

— Ты действительно прилетел из одной экстремальной температуры в другую.

Питт не ответил, но слегка улыбнулся.

Ганн открыл верхний ящик небольшого стола и протянул Питту большой конверт, где находилось несколько рисунков рыбы странного вида.

— Ты видел что-нибудь похожее раньше?

Питт посмотрел на рисунки. Большинство из них отражали различное восприятие художниками одной и той же рыбы, отличавшейся некоторыми деталями. Первой была античная греческая иллюстрация на вазе. Другая явно была частью римской фрески. Он отметил, что два из них были более современными, стилизованными рисунками, изображавшими рыбу в движении. Последней была фотография ископаемого, отпечатавшегося в песчанике.

Питт вопросительно посмотрел на Ганна.

Ганн протянул ему лупу.

— Вот, посмотри поближе на это.

Питт протер толстое стекло и внимательно рассмотрел каждый рисунок. На первый взгляд, рыба по размеру и очертаниям напоминала голубого тунца, но при более тщательном рассмотрении нижние тазовые плавники внешне были похожи на маленькие перепончатые лапы. Были

еще две идентичных конечности, расположенные перед спинным плавником.

Он тихонько присвистнул.

— Это странный экземпляр, Руди. Как он называется?

— Я не могу произнести латинское название, но исследователи на борту *Первой Попытки* ласково назвали ее Задира, то есть любительница подразнить.

— Почему?

— Потому что по всем законам природы эта рыба должна была исчезнуть около двух миллионов лет назад. Но, как ты видишь по этим рисункам, люди все еще утверждают, что видели ее. Каждые пятьдесят или шестьдесят лет появляются новые очевидцы, но к несчастью для науки. Задира еще не была поймана. — Ганн взглянул на Питта и снова посмотрел в сторону. — Если есть такая рыба, то должна существовать и примитивная жизнь. Существуют в записи сотни сообщений рыбаков и ученых, которые честно смотрят тебе в глаза и утверждают, что Задира была у них на крючке или в сетях, но, прежде чем рыба была поднята в лодку, она исчезала. Каждый зоолог в мире готов отдать свое левое яичко, чтобы получить живую или даже мертвую Задиру.

Питт потушил сигарету в пепельнице.

— Что делает эту исключительную рыбу такой важной?

Ганн взял рисунки.

— Обрати внимание, что художники не имеют единого мнения о верхнем слое кожи. Они изображают мелкую чешую, гладкую кожу, как у морской свиньи, а один даже нарисовал что-то вроде меховой шкуры, как у морского льва. Теперь, если ты примешь во внимание возможность наличия волосяного покрова на коже вместе с вытянутыми конечностями, то, может быть, мы имеем дело с начальной стадией первых млекопитающих.

— Верно, но если кожа была гладкой, то перед тобой не более чем ранний вид рептилии. Земля была покрыта ими в те времена.

В глазах Ганна промелькнула самоуверенность:

— Следующее, что нужно учесть, это то, что Задиры жили в теплых неглубоких водах, и каждая описанная встреча происходила не более чем в трех милях от берега, и все эти встречи имели место именно здесь, в восточном Средиземноморье, где средняя годовая температура на поверхности редко опускается ниже двадцати градусов.

— Так что это доказывает? — спросил Питт.

— Ничего определенного, но, если жизнь примитивных млекопитающих развивается лучше в теплом климате, есть вероятность, что они могут сохраниться до настоящего времени.

Питт задумчиво смотрел на Ганна.

— Извини, Руди. Но ты еще не убедил меня.

— Я знаю, что ты твердолобый, — сказал Руди. — Вот почему самую интересную часть я оставил напоследок.

Он замолчал, снял свои очки и протер стекла носовым платком. Затем снова нацепил темные очки на свой орлиный нос и продолжал в задумчивости:

— Во время геологического периода Триаса, до того как поднялись Гималаи и Альпы, огромное море покрывало Тибет и Индию. Оно распространялось на Центральную Европу и заканчивалось в Северном море. Геологи называют эту огромную массу воды Морем Тетис. Все, что от него осталось сегодня — это Черное, Каспийское и Средиземное моря.

— Извини меня за мое невежество в геологических эрах, — перебил его Питт, — но когда был Триасовый период?

— Он начался двести тридцать миллионов лет назад и продолжался около сорока миллионов лет, — ответил Ганн. — В это время произошли важные эволюционные изменения у позвоночных животных, когда рептилии совершили большой скачок в сравнении с их более примитивными предшественниками. Некоторые из морских рептилий достигали семи метров и были очень сильными. Наиболее знаменательным событием было появление первых настоящих динозавров, которые могли передвигаться на задних лапах и использовали свои хвосты для опоры.

Питт откинулся назад и вытянул ноги:

— Я считал, что эпоха динозавров была намного позже.

Ганн рассмеялся.

— Ты смотрел слишком много старых фильмов и без сомнения думаешь о бегемотах, которых обычно показывали в ранних научно-фантастических фильмах, где они угрожают племени волосатых людей. Тогда никаких не могло быть сорокатонных бронтозавров, свирепых тиранозавров или летающих птеродактилей, преследующих полураздетую испуганную героиню в первобытных джунглях. В действительности, эти наиболее известные динозавры населяли землю

очень давно и исчезли за шестьдесят миллионов лет до появления человека.

— Как же твоя странная рыба вписывается в эту картину?

— Представь себе, если сможешь, метровую рыбу Задиру, которая жила, резвилась, размножалась и, наконец, умирала где-то в Море Тетис. Ничто и никто не мог видеть, как это мертвое тело медленно опускалось на дно моря. Неизвестная могила покрывалась другими отложениями, которые затвердевали и превращались в песчаник, формируя тонкий слой углерода. Это был тот слой углерода, где отпечатались ткани и строение скелета Задиры. Проходили годы и превращались в тысячелетия. А тысячелетия становились эрами, пока в один теплый весенний день, двести миллионов лет спустя, крестьянин в австрийском городе Ноенкирхен не вонзил свой плуг в плотную поверхность земли. И вот наша рыба Задира, правда, сейчас совершенно окаменелая, снова еще раз вернулась к свету. — Ганн поколебался и провел рукой по редеющим волосам. Его лицо казалось усталым и озабоченным, но глаза блестели от возбуждения, когда он говорил о Задире. — Ты должен усвоить один важный элемент: когда Задира умерла, еще не было ни птиц, ни бабочек, ни пчел, ни покрытых шерстью млекопитающих, даже цветы еще не появились на земле.

Питт снова изучающе посмотрел на фотографию ископаемого.

— Кажется невозможным, что какое-то живущее существо могло просуществовать так долго, не претерпев коренных эволюционных изменений.

— Невероятно? Да. Но это случалось и раньше. Акула живет рядом с нами уже триста пятьдесят миллионов лет. Подковообразный краб существует, совершенно не меняясь, около двухсот миллионов лет. Затем, конечно, у нас есть классический пример: Колакант.

— Да, я слышал об этом, — ответил Питт. — Это была рыба, которую считали вымершей семьдесят миллионов лет назад, пока не обнаружили ее у восточного побережья Африки.

Ганн кивнул:

— Колакант был важной и сенсационной находкой в свое время, но мы затмим ее, если нам удастся поймать Задиру. — Ганн на минуту замолчал, чтобы закурить другую сигарету. Он был всецело поглощен рассказом. — Многое сводится к этому: Задира может оказаться ранним звеном в эволюции млекопитающих, включая и человека. Я не сказал тебе, что ископаемое, найденное в Австрии, обладает многими характеристиками млекопитающего в анатомическом строении. Выступающие конечности и другие особенности внутреннего строения

ставят ее в одну эволюционную линию общей структуры развития человека и животного.

Питт снова взглянул на рисунки.

— Если это так называемое живое ископаемое все еще плавает вокруг в своей первозданной форме, то как может оно развиться в более высокую ступень?

— Любой вид растения или животного — это как связанная родством семья, — пояснил Ганн. — Одна ветвь может производить потомков, идентичных по размеру и форме, в то время как родственная линия на другой стороне горы рождает гигантов с двумя головами и четырьмя руками.

Питт почувствовал усталость. Он открыл дверь и вышел на палубу. Горячий воздух охватил его, как облако пара, и он поморщился. Такие расходы и столько времени и сил затрачивается на то, чтобы поймать эту вонючую рыбу, подумал он. Кого, черт возьми, заботит, были наши предки обезьяны или рыбы? — какая разница? Человечество несется к самоуничтожению, оно, вероятно, исчезнет в следующем тысячелетии, или даже раньше. Он повернулся назад и взглянул на Ганна.

— Ну ладно, — медленно произнес Питт. — Я знаю, чем занимаетесь ты и твой корабль с учеными мужами и что вы изучаете. У меня только один вопрос: зачем здесь я? Если у вас проблемы с разорванными тросами, испорченными генераторами или исчезнувшими инструментами, то вам нужен не я, а хороший механик, который знает, как обращаться с оборудованием.

Лицо Ганна в какой-то момент выглядело озадаченным, затем он улыбнулся.

— Я вижу, ты уже вытянул кое-какую информацию из доктора Найта.

— Доктора Найта?

— Да, Кена Найта, это тот молодой человек, что доставил тебя на вельботе сегодня утром. Он — совершенно удивительный морской геофизик.

— Впечатляющая характеристика, — сказал Питт. — Он казался довольно дружелюбным во время путешествия, но не произвел на меня впечатление удивительного.

Жара снаружи становилась невыносимой, и металлические поручни сильно накалились. Питт непроизвольно положил руку на металл и мгновенно отдернул, когда раскаленная сталь обожгла его ладонь.

Неожиданно боль усилила поднимавшееся в нем чувство раздражения, и он вернулся в каюту, прикрыв за собой дверь.

— Давай оставим всю эту чепуху, — резко произнес Питт. — Ты только скажи мне, какое чудо я должен сотворить, чтобы привлечь Задиру к твоему очагу, и я приступлю к работе. — Он растянулся на койке Ганна, глубоко вздохнул и расслабился, когда прохлада немного успокоила его. Он посмотрел на Ганна. Его лицо ничего не выражало, но Питт слишком хорошо знал своего друга, чтобы понять, что тот почувствовал себя неловко. Питт улыбнулся, дотянулся и похлопал Ганна по плечу.

— Я не хочу показаться корыстным, но если ты хочешь, чтобы я присоединился к твоей маленькой команде ученых пиратов, то это тебе будет стоить выпивки. От всех этих разговоров у меня пересохло в горле.

Ганн с облегчением засмеялся и попросил по внутренней связи, чтобы ему принесли льда из камбуза. Затем он достал бутылку виски и два стакана из нижнего ящика стола.

— Пока мы будем ждать лед, ты можешь ознакомиться с этим докладом, где я описал все относительно поломки снаряжения. — Он передал желтую папку Питту. — Я подробно и в хронологическом порядке описал каждый инцидент. Вначале я считал, что это просто случайности или неудачи, но сейчас это вышло далеко за рамки простых совпадений.

— У тебя есть какие-нибудь доказательства вредительства или саботажа? — спросил Питт.

— Ничего подобного.

— А разорванный трос, о котором упоминал Найт, был перерезан?

Ганн пожал плечами.

— Нет, концы были потерты, но есть еще одна загадка. Я объясню ее тебе. — Ганн замолчал и стряхнул пепел с сигареты. — Мы работаем с запасом прочности пять к одному. Например: если особенности троса таковы, что существует опасность разрыва при нагрузке в десять тонн, мы никогда не создаем нагрузки более двух тонн. И несмотря на такой значительный коэффициент безопасности, нас пока преследуют только неудачи в осуществлении проекта. Конечно, жизни для нас важнее, чем научные открытия. Подводные исследования — это рискованное занятие, и слишком длинен список имен тех, кто погиб, пытаясь вырвать у моря новые секреты.

— Каков был запас прочности, когда ваш трос порвался?

— Я подхожу к этому. Он был примерно шесть к одному. В тот момент на тросе было чуть более полутора тонн. Нам очень повезло, что никто не пострадал от удара троса, когда он оборвался.

— Могу я увидеть этот кабель?

— Да, я отрезал оба оборванных конца от троса и сохранил их до твоего прибытия.

Раздался громкий стук в дверь, и молодой рыжеволосый паренек лет восемнадцати-девятнадцати вошел в каюту, неся небольшую вазочку со льдом. Он поставил ее на стол, повернулся и посмотрел на Ганна.

— Могу я принести еще что-нибудь, сэр?

— Да, можешь, — ответил Ганн. — Спустись быстро на нижнюю палубу, где находится оборудование, найди куски оборвавшегося недавно троса, и принеси их сюда ко мне.

— Хорошо, сэр. — Паренек быстро повернулся и поспешно вышел из каюты.

— Это один из членов экипажа? — спросил Питт.

Ганн положил лед в стаканы и разлил виски. — Да, у нас восемь членов экипажа и четырнадцать ученых на борту. — Он протянул стакан Питту.

Питт смотрел, как лед постепенно таял.

— Не может кто-нибудь из этих двадцати двух человек создавать тебе проблемы?

Ганн покачал головой:

— Я уже думал об этом, я даже об этом мечтал, я по меньшей мере раз пятьдесят проанализировал персональное дело каждого и не смог найти ни одного возможного мотива, по которому хоть кто-то из них мог желать провала проекта. — Ганн отодвинул стакан. — Нет, определенно уверен, что неприятности идут из другого источника. Кто-то по непонятным причинам хочет заставить нас отказаться от ловли рыбы, которая, может, даже и не существует в природе.

Парень вскоре вернулся с двумя кусками оборванного троса. Он протянул эти куски Ганну и вышел из каюты, закрыв за собой дверь.

Питт отхлебнул из своего стакана и поднялся с кровати. Он поставил стакан на стол Ганна и взял трос в руки, внимательно изучая концы.

Это был похожий на другие скользкий стальной трос. Каждый отрезок был сантиметров шестьдесят длиной и состоял из двадцати четырех сотен стренг, свитых в стандартный трос диаметром полтора сантиметра.

Трос не был разорван компактно. Разрывы растянулись сантиметров на сорок, что придавало обоим концам вид растрепанных конских хвостов.

Что-то привлекло внимание Питта, он взял увеличительное стекло и стал смотреть через толстые линзы. Его глаза напряженно всматривались, а губы медленно растянулись в удовлетворенной улыбке. Знакомое ощущение возбуждения начало пульсировать по его венам. Это может оказаться довольно интересной операцией, подумал он.

— Обнаружил что-нибудь? — спросил Ганн.

— Да, довольно много, — отозвался Питт. — Где-то на этом курсе ты нашел себе врага, который не хочет, чтобы ты ловил рыбу на его территории.

Ганн казался обескураженным, его глаза широко распахнулись.

— И что ты нашел?

— Этот трос был намеренно перерезан, — ответил Питт. Его голос звучал твердо.

— Что ты имеешь в виду, утверждая, что он перерезан, — закричал Ганн. — Где ты видишь доказательства вмешательства человека?

Питт протянул Ганну увеличительное стекло:

— Посмотри, как разорванные концы скручиваются книзу и изгибаются внутрь, к середине? И заметь, как сильно размочалены стренги. Если трос такого диаметра тянуть за один конец, пока он не разорвется, то стренги обычно остаются гладкими и концы загибаются наружу, и дальше от середины. Здесь этого нет.

Ганн уставился на разорванный трос:

— Я не понимаю, как можно это сделать?

Питт задумался на какое-то мгновение.

— Я предполагаю, что это *Примакорд.*

Ганн выглядел ошеломленным. Его глаза за большими увеличительными стеклами стали невероятно огромными.

— Ты говоришь серьезно? Это был взрыв?

— Да, — спокойно ответил Питт. — Примакорд выглядит, как шнур или веревка, и может быть любой толщины. Чаще всего он используется при валке деревьев или при одновременном проведении взрывов на разных расстояниях. Он действует как горящий фитиль, за исключением того, что он продвигается и сгорает моментально, почти со скоростью света.

— Да, но как кто-то может прикрепить взрывчатку под кораблем так, что этого никто не заметил? Вода в этом районе кристально чистая. Видимость почти тридцать метров. Кто-нибудь из ученых или членов команды обязательно бы заметил лазутчика... Уж не говоря о том, что услышали бы звук взрыва.

— Прежде чем я попытаюсь ответить на это, позволь мне задать тебе два вопроса. Какое оборудование было прикреплено к кабелю, когда его опускали, и когда вы обнаружили разрыв?

— Кабель был прикреплен к подводной декомпрессионной камере. Водолазы работают на глубине пятьдесят пять метров, и необходимо заранее начинать декомпрессию под водой, чтобы предотвратить кессонную болезнь. Мы обнаружили разорванный трос около семи утра сразу после завтрака.

— Я понял, что вы оставляли камеру в воде на всю ночь?

— Нет, — возразил Ганн. — У нас вошло в привычку опускать камеру перед рассветом, так, чтобы она была на месте и готова к приему водолазов в случае ранних утренних спусков.

— А вот и твой ответ! — воскликнул Питт. — Кто-то подплыл под покровом предрассветной темноты к тросу и прикрепил к нему Примакорд. Видимость достигает тридцати метров только после восхода солнца, а ночью она менее тридцати сантиметров.

— А как же шум от взрыва?

— Элементарно, мой дорогой Ганн. — Питт улыбнулся. — Я полагаю, что звук от взрыва небольшого количества Примакорда на глубине около двадцати пяти метров будет очень похож на хлопок двигателя одного из реактивных самолетов на Брейди Филд при переходе звукового барьера.

Ганн с уважением посмотрел на Питта. Это была только теория, но он ничего не мог противопоставить ей. Его лоб наморщился:

— Как нам выбраться из этого?

Питт допил виски и поставил стакан на стол Ганна:

— Ты оставайся на море и лови своего Задиру. Я вернусь назад на остров и попытаюсь заняться небольшой охотой. Может существовать какая-то связь между твоими обрывами и вчерашним нападением на базу; и следующий шаг — нужно выявить того, кто стоит за всем этим, и какие мотивы им движут.

Вдруг дверь резко распахнулась, — и в каюту ворвался мужчина. На нем были только плавки и широкий пояс, где крепился нож и нейлоновая сетчатая сумка. Его мокрые, выгоревшие на солнце волосы были совсем

светлыми, а нос и грудь усыпаны веснушками. Вода капала на ковер, образуя темные пятна вокруг его ног.

— Капитан Ганн, — взволнованно закричал он, — я видел его! Я действительно видел Задиру, буквально в трех метрах перед моей маской.

Ганн вскочил на ноги.

— Ты уверен? Ты видел его вблизи?

— Даже еще лучше, сэр. Я заснял его.

Веснушчатый человек стоял, улыбаясь во весь рот:

— Если бы только у меня было ружье для подводной охоты, может, мне удалось бы поймать его, но я изучал коралловые колонии, и у меня была только камера.

— Быстро, — проговорил Ганн, — отнеси пленку в лабораторию, чтобы ее проявили.

— Да, сэр. — Парень повернулся и вышел, обрызгав Питта несколькими каплями соленой воды, когда проходил мимо.

Лицо Ганна сияло от счастья, а глаза были полны решимости.

— Боже мой. Подумать только, я был готов отказаться от работы и, поджав хвост, взять курс домой. Теперь, черт возьми, я собираюсь стоять здесь на якоре, пока не умру от старости или не поймаю Задиру. — Его глаза блестели, когда он взглянул на Питта: — Ну, майор, что ты об этом думаешь?

Питт слегка пожал плечами:

— Что касается меня, то я предпочитаю ловить девушек. При небольшом усилии его мозг отключился от мыслей о работе и создал притягательный образ Тери, стоящей на берегу в своем красном бикини.

4

Было уже начало шестого, когда Питт вернулся в свою казарму на Брейди Филд. Через несколько секунд, сбросив влажную одежду, он прочно устроился на спине в узкой душевой. Это было компактное состояние; его голова согнулась в одном углу, спина плашмя лежала на мокром кафельном полу, а его волосатые ноги и ступни были подняты верх под углом в девяносто градусов и опиралась о противоположный угол. Всякому, кто мог бы это увидеть, такая поза показалась бы скрюченной и мучительно неудобной, но Питт находил ее довольно комфортной и чрезвычайно удовлетворительной. Когда позволяло

время, он всегда расслаблялся в душе таким образом. Иногда он дремал, но чаще всего он использовал искусственно созданную дождливую обстановку и одиночество для размышлений. В этот момент его мозг был переполнен множеством нерешенных вопросов.

Он мысленно сопоставлял факты и неизвестные данные вместе, пытаясь найти верную линию и стараясь сконцентрироваться на наиболее важных проблемах. Но в этот раз все было бесполезно. Его мозг уклонялся от анализа и постоянно возвращался к необъяснимой загадке бесшумного грузовика у берега.

По какой-то непонятной причине эта загадка раздражала его, он тщетно пытался отогнать эту мысль, но она упорно возвращалась. Наконец он смирился с ней, закрыл глаза и воссоздал картину, надеясь мысленно увидеть ответ или решение.

Вдруг неясная тень появилась за дверью душевой.

— Привет тому, кто в душе, — голос Джордино перекрывал шум льющейся воды. — Ты там сидишь более получаса. Наверное, уже размок совсем.

Столь неожиданное вторжение оторвало Питта от размышлений, он потянулся и закрыл водопроводный кран.

— Тебе лучше поспешить, — прокричал Джордино. Затем до него дошло, что вода больше не льется, и он понизил голос, — полковник Льюис идет сюда, — он будет здесь в любую секунду.

Питт вздохнул. Он вернулся в сидячее положение и с трудом встал на ноги, едва не поскользнувшись на мокром кафельном полу. Полотенце соскользнуло с двери душевой и упало ему на голову. Сама мысль о том, что ему необходимо спешить и торопиться, чтобы произвести впечатление на вышестоящего офицера, заставила встопорщиться щетину на шее. Он взглянул сквозь рифленое стекло двери.

— Скажи полковнику Льюису, что он может развлечься сам с собой, пока будет ждать. — Его голос звучал жестко. — Я выйду, когда я, черт побери, буду готов, — сердито сказал он. — Теперь убирайся к черту из моей ванной, ублюдок, пока я не засунул кусок мыла тебе в задницу. — Неожиданно он ощутил, как вспыхнули его щеки. Он не собирался обидеть своего старого друга. Пожалев об этом, он почувствовал себя виноватым:

— Извини, Ал. Я думал совершенно о другом.

— Забудь это. — Не сказав больше ни слова, Джордино пожал плечами и вышел из ванной комнаты, закрыв за собой дверь.

Питт вытер свое крепкое тело и затем побрился. Закончив бритье, он сдул мелкие черные волоски с электрической бритвы и освежил лицо лосьоном после бритья. Когда он прошел в спальню, Джордино и полковник Льюис уже ждали его.

Льюис сидел на краю кровати и закручивал один конец пышных, рыжих, загнутых усов. Его крупное розовое лицо и блестящие голубые глаза вместе с большими усами над верхней губой придавали ему вид веселого лесоруба. Все его телодвижения и речь были быстрыми, отрывистыми, и у Питта создалось впечатление, будто у полковника внутри гремело битое стекло.

— Извини, что потревожил тебя, — произнес Льюис. — Но меня интересует, не пришел ли ты к какому-нибудь важному заключению относительно вчерашней атаки?

Питт был голым, но это его не смущало.

— Нет, ничего положительного. У меня есть некоторые подозрения и пара идей, но очень мало подлинных фактов, чтобы построить какую-нибудь теорию.

— Я надеялся, что вы на что-то натолкнулись. Ведь моя воздушная эскадрилья разбита.

— Вы не нашли никаких останков Альбатроса? — спросил Питт.

Льюис провел ладонью по вспотевшему лицу:

— Если эта старая рама рухнула в море, то не оставила никаких следов, даже ни пятнышка масла. Она вместе со своим пилотом, должно быть, растворилась в воздухе.

— Может, он дотянул до материка, — добавил Джордино.

— Невозможно, — отозвался Льюис. — Мы не нашли никого, кто бы видел, как он пролетал.

Джордино кивнул, соглашаясь:

— Старый самолет, выкрашенный в желтый цвет, с предельной скоростью около ста сорока километров в час обязательно был бы замечен, если бы он пролетел над проливом к Македонии.

Льюис достал пачку сигарет:

— Что действительно ставит меня в тупик, так это тот факт, что атака была хорошо спланирована и осуществлена. Тот, кто обстреливал аэродром, знал, что никакие самолеты не должны приземляться или взлететь по графику во время его атаки с бреющего полета.

Питт застегнул рубашку и поправил золотые дубовые листья в петлицах:

— Получить информацию было несложно, ведь на Тасосе каждый, вероятно, знает, что Брейди Филд превращается в безлюдное место по воскресеньям. В действительности, все это по своей стратегии очень похоже на атаку базы Перл Харбор, предпринятую японцами, вплоть до такой детали, как незаметное исчезновение при пересечении горного хребта на острове.

Льюис осторожно прикурил сигарету, стараясь не опалить свои усы:

— Ты прав, конечно, но нет сомнения, что твое неожиданное появление на летающей лодке застало нашего противника, да и нас самих тоже, врасплох. Наш радар не смог засечь твою Каталину, потому что последние километров двести ты летел очень низко. — Он выпустил облако дыма. — Я не могу передать тебе, какой счастливой неожиданностью было увидеть твою старую птицу летящей вниз, как молния, со стороны солнца.

— Это очень удивило и нашего друга с Альбатроса, — улыбнулся Джордино. — Нужно было видеть, как у него отвисла челюсть, когда он, обернувшись, в первый раз увидел нас.

Питт закончил завязывать галстук:

— Никто и не мог ожидать нас, потому что в мой маршрут не входила база Брейди Филд. Я действительно рассчитывал сесть на воду рядом с *Первой Попыткой*. Вот почему наш летающий призрак и наблюдательный пункт на базе ничего не знали о нас. — Он остановился, размышляя и пристально глядя на Льюиса. — Я очень надеюсь, что вы предприняли чрезвычайные меры безопасности. У меня предчувствие, что мы не в последний раз видели желтый Альбатрос.

Льюис с любопытством уставился на Питта:

— Почему ты так уверен, что он вернется?

Глаза Питта заблестели:

— У него была определенная цель при атаке базы, в нее не входило убийство людей или разрушение самолетов, принадлежащих Соединенным Штатам. Его план состоял в том, чтобы просто повергнуть вас в панику.

— Что он мог выиграть от этого? — спросил Джордино.

— Остановись и поразмышляй над этим немного. — Питт посмотрел на часы, затем на Льюиса. — Если бы эта ситуация оказалась действительно такой угрожающей и опасной, то вы, полковник, должны были бы эвакуировать всех американских граждан на материк, не так ли?

— Да, это так, — согласился Льюис. — Но в настоящий момент я не вижу причин для такого шага. Правительство Греции заверило меня, что оно окажет нам всестороннее содействие в поиске пилота и самолета.

— Но если бы вы считали, что у вас есть причины для эвакуации, — настаивал Питт, — разве вы не приказали бы также капитану Ганну убрать *Первую Попытку* из района Тасоса?

Глаза Льюиса сузились:

— Как меру предосторожности, конечно. Этот белый корабль представляет собой заманчивую мишень для воздушного снайпера.

Питт щелкнул зажигалкой и прикурил сигарету:

— Верите вы этому или нет, сэр, но это вам ответ на ваш вопрос.

Джордино и Льюис переглянулись, а затем озадаченно посмотрели на Питта.

Питт продолжал:

— Как вы знаете, полковник, адмирал Сандекер направил нас с Джордино на Тасос, чтобы расследовать странные неудачи, происходившие во время прибрежных операций НУМА. Этим утром, разговаривая с капитаном Ганном, я обнаружил очевидность диверсии, которая заставила меня убедиться, что существует определенная связь между нападением и происшествиями на борту *Первой Попытки*. Теперь, если мы примем это предположение и посмотрим дальше, то увидим, что Брейди Филд не являлась главной целью нашего неизвестного противника. Атака была косвенным средством, чтобы заставить капитана Ганна и *Первую Попытку* убраться от острова.

Льюис задумчиво посмотрел на Питта:

— Полагаю, следующий вопрос будет, почему?

— У меня пока нет ответа, — сказал Питт, — но я уверен, что наш загадочный друг с его склонностью к драматизму имеет довольно веские причины для этой игры. Он бы не пошел таким окольным путем из-за ставки всего в пенни. Он должен скрывать что-то значительно более ценное, и исследователи на корабле находятся там, где они могут натолкнуться на это.

— Это что-то, как ты говоришь, может быть затонувшим сокровищем? — Льюис облизнул пересохшие губы.

Питт достал форменную фуражку и с небрежным изяществом надел ее на голову:

— Это одно из возможных очевидных заключений.

У Льюиса был отсутствующий взгляд, и он тихо произнес:

— Удивляюсь, что бы это могло быть и какова его стоимость?

Питт повернулся и посмотрел на Джордино:

— Ал, свяжись с адмиралом Сандекером и попроси его узнать все возможное о затонувших сокровищах в Эгейском море на отмели у острова Тасос, и пусть пришлет данные. Передай ему, что это срочно.

— Считай, что все уже сделано, — отозвался Джордино. — Сейчас в Вашингтоне одиннадцать утра, так что мы получим ответ к завтраку.

— Хоть что-то проясняется, — произнес Льюис. — Чем скорее я получу ответы, тем скорее сброшу с плеч задание Пентагона. Чем я могу еще помочь?

Питт снова взглянул на часы:

— Как говорят бойскауты — *будь готов!* Это все, что мы можем сделать в настоящий момент. Будьте ко всему готовы на Брейди Филд и постоянно наблюдайте за *Первой Попыткой*. Когда станет очевидно, что никто не собирается эвакуироваться и океанографическое судно остается на рейде в Эгейском море, то мы можем ожидать следующего визита желтого Альбатроса. Вот тогда-то вы и повеселитесь, полковник. Мое предположение таково, что следующей целью будет корабль капитана Ганна.

— Пожалуйста, передай капитану, — сказал Льюис, — я окажу ему любую помощь, какая будет в моем распоряжении.

— Спасибо, сэр, — сказал Питт. — но не считаю, что будет благоразумно предупреждать капитана Ганна именно сейчас.

— Господи, почему бы нет? — удивился Джордино.

Питт прохладно улыбнулся:

— Как ни говори, а все это чистые предположения. Кроме того, любые приготовления на борту *Первой Попытки* раскроют наши замыслы. Нет, нам следует заманить нашего неизвестного призрака первой мировой войны и разоблачить его.

Джордино посмотрел Питту прямо в глаза:

— Ты не можешь рисковать жизнью ученых и корабельного экипажа, не дав им шанса защитить самих себя.

— Ганну не грозит непосредственная опасность. Наш пилот-призрак без сомнения подождет пару дней в надежде, не уйдет ли *Первая Попытка,* прежде чем снова предпримет атаку. — Питт улыбнулся так, что вокруг глаз у него собрались морщинки. — Тем временем я использую все свои возможности, чтобы приготовить ловушку для него.

Льюис поднялся на ноги и посмотрел на Питта:

— Я надеюсь, ради спасения людей на корабле ты разработаешь хороший план.

— Ни один план нельзя считать совершенным, полковник, — возразил Питт, — пока он не будет осуществлен.

Джордино прошел к двери:

— Я сбегаю к связистам, чтобы послать запрос адмиралу.

— Когда ты закончишь, — сказал Льюис, — загляни ко мне на ужин. — Покручивая свои усы, он повернулся к Питту. — Ты тоже приглашен. Я доставлю вам настоящее удовольствие и похвастаюсь своим знаменитым блюдом: устрицы с грибами в белом винном соусе.

— Звучит очень аппетитно, — отозвался Питт. — Но, боюсь, я вынужден отказаться. Я уже получил приглашение на обед... с очень привлекательной девушкой.

Джордино и Льюис, вытаращив глаза, с изумлением уставились на него.

Питт старался казаться безразличным:

— Она пришлет автомобиль, чтобы забрать меня у главного входа ровно в шесть. У меня осталось всего две минуты и тридцать секунд, мне пора идти. Всего хорошего, полковник, и благодарю за ваше приглашение. Надеюсь, вы меня извините. — Он посмотрел на Джордино. — Ал, дай мне знать, когда придет ответ от адмирала. — Питт повернулся, открыл дверь и вышел из комнаты.

Льюис тихо покачал головой:

— Он разыгрывает или у него действительно свидание с девушкой?

— Я никогда не видел, чтобы Дирк разыгрывал, если дело касается женщин, сэр, — сказал Джордино. Его начинало забавлять шоковое состояние Льюиса.

— Но где он мог встретить ее? Насколько мне известно, он нигде не был, кроме базы и корабля.

Джордино пожал плечами:

— Это выше моего понимания. Но, зная хорошо Питта, я не удивлюсь, если он подцепил ее на той сотне метров между главным входом и причалом *Первой попытки*.

Громкий хохот Льюиса разнесся по комнате:

— Тогда пойдем одни, капитан. Конечно, я не соблазнительная девица, но, по крайней мере, я умею готовить. Как насчет моих устриц?

— Почему бы и нет? — отозвался Джордино. — Это самое лучшее предложение, которое я получил за сегодняшний день.

5

Раскаленный воздух понемногу становился прохладнее, когда остывающее солнце садилось на западе за горами острова. Длинные изогнутые тени от покрытых деревьями горных вершин опускались вниз по склонам и уже касались выходящего к морю края Брейди Филд, когда Питт прошел через главный вход. Он остановился у обочины дороги и вдохнул чистый средиземноморский ароматный воздух, наслаждаясь этим внутренним ощущением до покалывания в легких. Привычное желание закурить сигарету промелькнуло у него, но он подавил его и сделал еще один глубокий вдох, глядя на море. Там вдали за волнующей полосой прибоя заходящее солнце окрасило *Первую Попытку* в золотистые и оранжевые цвета. Вода была кристально чистой, с расстояния двух миль его глаза могли различить все до мельчайших подробностей на борту корабля. Он стоял, не двигаясь, еще целых две минуты, завороженный окружавшей его красотой. Затем оглянулся, ища глазами автомобиль, который Тери обещала прислать за ним.

Он стоял здесь же, прижавшись к обочине дороги, и был похож на великолепную роскошную яхту, расположившуюся на якорной стоянке.

— Черт меня побери, — пробормотал Питт, оглядывая автомобиль. Он подошел ближе, прекрасные автомобили всегда вызывали у него восхищение.

Это был Майбах-Цеппелин, дополнительно укомплектованный подъемным стеклом, отделяющим сидящих в закрытом салоне на заднем сиденье пассажиров от водителя, который располагался в открытой кабине. На радиаторе был орнамент в виде огромной двойной буквы М, находившийся за ним капот двигателя вытянулся почти на два метра и заканчивался низким толстым ветровым стеклом; все это создавало впечатление автомобиля с огромной грубой мощью. Длинные обтекаемые крылья и двери отливали черным, они были отделаны серебряными молдингами. Это была классика среди классики: великолепное тевтонское мастерство сквозило в тщательной отделке, в каждом болтике, в каждой гаечке. Если в 1936 году Роллс-Ройс Фантом

III выражал британский идеал тишины и выдающихся ходовых качеств, то его германским двойником в 1936 году стал Майбах-Цеппелин.

Питт встал сбоку от автомобиля и провел правой рукой по крышке большого запасного колеса, которое было прочно прикреплено к переднему крылу. Он улыбнулся удовлетворенно и с облегчением, когда заметил, что рисунок протектора был в виде глубоких ромбовидных канавок. Он пару раз похлопал по широкой покрышке, затем повернулся и взглянул на переднее сиденье.

Водитель ссутулившись сидел за рулем, лениво барабаня пальцами по дверце. Он не только выглядел скучающим, но также и зевал, как бы подтверждая это. На нем был серо-зеленый мундир, удивительно напоминавший форму нацистских офицеров времен второй мировой войны; но на рукавах и плечах не было никаких знаков отличия. На голове была фуражка с высоко поднятыми краями, а то, что он был блондином, можно было определить по выступающим небольшим бакенбардам. Старомодные очки в серебряной оправе, закрывавшие его глаза, сверкали в лучах заходящего солнца. Длинная тонкая сигарета самодовольно свисала в углу изогнутых губ, придавая водителю надменный и высокомерный вид; он даже не потрудился скрыть это.

Питт сразу же невзлюбил водителя. Поставив ногу на выступающее округлое крыло, он пристально посмотрел на сидящую за рулем фигуру в униформе:

— Полагаю, что вы ждете меня. Мое имя Питт.

Белобрысый водитель даже не потрудился взглянуть на него. Он нехотя выплюнул сигарету через плечо Питта на дорогу, потянулся, выпрямился и повернул ключ зажигания:

— Если вы американский сборщик мусора, — сказал он с тяжелым немецким акцентом, — вы можете садиться.

Питт ухмыльнулся, его взгляд сделался тяжелым:

— Вперед, рядом со скверно пахнущим сбродом, или назад, где места для господ?

— Где выберете, — буркнул водитель. Его лицо налилось багровой краской, но он так и не повернулся.

— Спасибо, — спокойно произнес Питт. — Я сяду назад. — Он нажал на массивную хромированную ручку, открыл дверь и забрался в автомобиль. Старинный свернутый занавес был прикреплен к стеклянной перегородке, и Питт опустил его вниз, отгородившись от шофера. Затем он удобно устроился на мягком кожаном сиденье,

прикурил сигарету и приготовился насладиться вечерним путешествием по острову.

Двигатель машины тихо заработал, водитель переключил скорость, и огромный автомобиль плавно тронулся по дороге в направлении к Лиминасу.

Питт опустил боковое стекло и любовался фиговыми и ореховыми деревьями, растущими на горных склонах, и старыми оливками с тонкими ветвями. Часто мелькали небольшие табачные плантации и пшеничные поля, нарушавшие горный ландшафт, они напоминали ему небольшие фермы, которые он часто видел, когда летал над югом Соединенных Штатов.

Вскоре автомобиль мчался по живописному поселку Панагия, разбрызгивая лужи, попадавшиеся на вымощенных булыжником старинных улицах. Большинство домов было выкрашено в белый цвет, чтобы отражать солнечные лучи. Их крыши поднимались в темнеющее небо и почти соприкасались, когда их карнизы наклонялись друг к другу над узкими улицами. Через несколько минут Панагия осталась позади, и вскоре показался Лиминас. Затем автомобиль резко повернул, оставив в стороне основную часть маленького города, и направил нос своего громадного капота по пыльной извилистой дороге. Спуск был сначала пологим, но очень быстро превратился в цепь сплошных крутых поворотов дороги.

Питт мог только лишь представить себе, как трудно приходилось за рулем Майбаха водителю; неуклюжий автомобиль был предназначен больше для поездок по Линден-штрассе, чем по неровным извилистым горным серпантинам. Он посмотрел с крутого обрыва на море и подумал, что произойдет, если еще один автомобиль встретится им на пути. Затем он увидел впереди огромное белое квадратное сооружение на фоне темно-серых скал. Крутые повороты наконец прекратились, и покрышки с ромбообразным рисунком протектора плавно заскользили по твердой ровной дороге.

Питт был поражен. По величине вилла едва ли уступала пышному Римскому Форуму. Земля была великолепно ухожена, везде царила атмосфера роскоши и хорошего вкуса. Все поместье разместилось в долине между двумя высокими горными вершинами, а перед ним раскинулась завораживающая панорама Эгейского моря. Большие ворота в высокой стене распахнулись таинственным образом, словно их открыл кто-то невидимый; шофер без задержки поехал по аккуратной, обсаженной пихтами дорожке и остановился у мраморных ступеней. В середине лестницы стояла огромная античная статуя женщины, несущей ребенка; она ласково смотрела вниз, приветствуя Питта, когда он вышел из Майбаха.

Он уже начал подниматься по ступенькам, когда вдруг внезапно остановился и вернулся к автомобилю.

— Я извиняюсь, шеф, — сказал Питт, — но я не расслышал вашего имени.

Водитель смутился и посмотрел на него.

— Меня зовут Вилли. А почему вам вдруг стало так интересно?

— Вилли, друг мой, — серьезно заговорил Питт. — Я должен сказать тебе кое-что. Не выйдешь ли на минутку из автомобиля?

Брови Вилли удивленно поднялись вверх, но он, пожав недоуменно плечами, вышел из машины, глядя на Питта:

— Слушаю вас, герр Питт, вы что-то хотели мне сказать?

— Я вижу, ты носишь сапоги, Вилли?

— Да, я предпочитаю носить сапоги.

Питт изобразил доброжелательную улыбку на лице:

— А в подошве сапог есть гвозди со шляпками, не так ли?

— Да, естественно, в сапогах есть гвозди, — ответил раздраженно Вилли. — Почему вы занимаете мое внимание такой чепухой? У меня есть еще и другие обязанности, к вашему сведению. Что еще вы хотите мне сообщить?

Взгляд Питта стал тяжелым:

— Друг мой, мне кажется, если ты ставишь себе заслугу чрезмерное любопытство или стремишься заработать на этом, то мой долг предупредить тебя, что очки в серебряной оправе отражают солнечные лучи, и можно легко обнаружить укрытие, откуда они поблескивают.

Лицо Вилли стало белым, как полотно, он начал было что-то говорить, но кулак Питта заткнул ему рот, оборвав в самом начале так и непроизнесенные слова. От сильнейшего удара голова Вилли дернулась назад, фуражка слетела с головы и покатилась по дорожке. Его глаза закатились, и он медленно осел на колени. Стоя на четвереньках, Вилли растерянно и изумленно смотрел по сторонам. Струйка крови сочилась из разбитого носа, капала на униформу и, растекаясь, создавала, по мнению Питта, довольно живописную картину на серо-зеленом фоне. Затем вдруг Вилли завалился на мраморные ступени, превратившись в неподвижную массу.

Питт потер суставы пальцев ушибленной руки, удовлетворенно улыбаясь при этом. Затем он резко повернулся и побежал вверх,

перескакивая сразу через три ступеньки. Наверху он прошел под каменной аркой и очутился в круглом дворике с зеркальной гладью бассейна в центре. Весь дворик был окружен двадцатью или более величественными статуями римских легионеров, высеченных в натуральную величину. Их невидящие каменные глаза были задумчиво устремлены на белые отражения в бассейне, как бы разыскивая давно забытые воспоминания о победоносных сражениях. Длинные вечерние тени обволакивали каждую фигуру призрачным покровом, и у Питта возникло навязчивое ощущение, что в любой момент каменные воины могут ожить и взять виллу в осаду.

Он быстрым шагом обошел вокруг бассейна и остановился перед массивной двойной дверью в дальнем конце внутреннего двора. Огромное бронзовое дверное кольцо в форме львиной головы висело на двери. Питт поднял кольцо и опустил вниз. Затем он невзначай обернулся и бросил взгляд на убранство дворика еще раз. Окружающая обстановка напомнила ему мавзолей. Единственно, чего не хватало для полной картины траура, подумал он, это нескольких разбросанных вокруг венков и тихого звучания органной музыки.

Дверь бесшумно отворилась. Питт заглянул через порог и, никого не увидев, на какое-то мгновение заколебался. Однако мгновение превратилось в минуту, затем в другую. Наконец, устав от игры в прятки, расправив плечи и сжав кулаки, Питт шагнул через порог в богато отделанную гостиную.

Гобелены, изображавшие античные сцены сражений, висели по сторонам на каждой стене, искусно вышитые армии маршировали в унисон навстречу битве. Высокий свод венчал комнату, и из его полукруглого купола лился мягкий желтоватый свет. Оглянувшись вокруг. Питт обнаружил, что он все еще один, поэтому он сел на одну из двух резных мраморных скамеек, которые украшали середину комнаты, и разрешил себе закурить сигарету. Время шло, и скоро он начал тщетно разыскивать пепельницу.

В этот момент совершенно бесшумно, без какого-либо предварительного предупреждения, гобелен отодвинулся в сторону и в комнату вошел пожилой коренастый мужчина в сопровождении огромной собаки белой масти.

Питт, немного шокированный неожиданным появлением, посмотрел с опаской на огромного немецкого дога, и затем взглянул в лицо старого хозяина собаки. Злые неулыбчивые черты, так знакомые по старым телевизионным лентам, были запечатлены на типично немецком круглом лице, их дополняли бритая голова и хитро прищуренные глазки, шеи совсем не было видно. Мрачность портрета завершали плотно сжатые тонкие губы, точно их хозяин страдал от запора. Тело

тоже соответствовало злодейскому образу: оно было плотным, крепким, без малейшего признака или намека на дряблость. Для полноты законченного образа не хватало лишь кнута и начищенных до блеска сапог. При внешнем знакомстве в какое-то мгновение у Питта промелькнула мысль: "Человек, которого ты ненавидел, Эрик фон Штрохейм, снова вернулся к жизни и стоит перед тобой, готовый к исполнению сцены из «Грида».

— Добрый вечер, — произнес старик подозрительным гортанным тоном. — Вы, как я полагаю, тот самый джентльмен, которого моя племянница пригласила на обед?

Питт поднялся, покосившись глазом на грозную собаку.

— Да, сэр. Майор Питт Дирк к вашим услугам.

Брови старика удивительно взлетели, собрав кожу лба в глубокие морщины:

— Моя племянница сумела убедить меня, что вы, возможно, лишь в звании сержанта, и что вашей обязанностью является уборка мусора с территории базы.

— Вы должны извинить меня за мой чисто американский юмор, — сказал Питт, наслаждаясь замешательством и произведенным впечатлением. — Я надеюсь, моя небольшая ложь не причинила вам никакого неудобства.

— Нет, что вы, небольшое огорчение, возможно, но никак не неудобство. — Старый немец протянул руку, внимательно изучая Питта. — Большая честь познакомиться с вами, майор. Я — Бруно фон Тилль.

Питт пожал протянутую в знак приветствия руку:

— Это для меня большая честь, сэр.

Фон Тилль поднял край гобелена, показывая дорогу:

— Пожалуйста, сюда, майор. Вы должны выпить со мной, пока мы будем дожидаться, когда Тери закончит одеваться.

Питт последовал за хозяином и его белой собакой по темному коридору, который привел их к просторному кабинету. Полукруглый потолок казался очень высоким, что-то около девяти метров, его поддерживало несколько ионических колонн. Мебель, классическая по своей простоте, была редко расставлена и создавала впечатление изысканного изящества и внушительности. Поднос был уже заставлен необычными греческими блюдами, а в одной из стенных ниш располагался полностью оборудованный бар. Единственным элементом украшения,

который не вписывался в общий фон, как отметил про себя Питт, была модель немецкой подводной лодки, стоявшая на полке над баром.

Фон Тилль пригласил Питта сесть и предложил:

— Что вы предпочитаете, майор?

— Неплохо было бы начать с шотландского виски, — отозвался Питт, откинувшись на спинку кресла. — Ваша вилла производит удивительное впечатление. У нее должна быть необычайная история.

— Да, первоначально она была сооружена римлянами в 138 году до нашей эры как храм Минервы, их богини мудрости. Я приобрел оставшиеся руины вскоре после первой мировой войны и восстановил их в том виде, какой вы наблюдаете сегодня. — Он протянул стакан Питту. — Может, мы произнесем какой-нибудь тост?

— За кого или за что мы выпьем?

Фон Тилль улыбнулся.

— Я предоставляю эту честь вам, майор. Прекрасные женщины… богатство… долгая жизнь. Возможно, за президента вашей страны. Выбор ваш.

Питт глубоко вздохнул.

— В таком случае, я предлагаю тост за мужество и летное мастерство Курта Хейберта, *Македонского Ястреба*.

Лицо фон Тилля резко побледнело. Он медленно опустился в кресло и отпил глоток из своего стакана:

— Вы очень необычный человек, майор. Сначала вы отрекомендовались сборщиком мусора. Затем вы посещаете мою виллу и избиваете моего шофера, далее вы продолжаете шокировать меня еще больше, предложив тост за моего старого летного друга, Курта. Как бы там ни было, но и ваш искусно разыгранный спектакль, направленный на то, чтобы соблазнить мою племянницу этим утром на берегу моря, был придуман замечательно. Я благодарю вас за это мастерство и поздравляю. Сегодня, впервые за девять лет, я увидел, как Тери радостно пела и смеялась, счастье переполняло ее. Боюсь, что вы заставите меня смотреть сквозь пальцы на ваши распутные шалости…

Теперь пришла очередь удивляться Питту, но вместо этого он вдруг запрокинул голову и громко расхохотался.

— Мои извинения по каждому пункту ваших замечаний, за исключением того, что мне пришлось проучить вашего извращенца-шофера. Вилли заслужил это.

— Вам не следует обвинять бедного Вилли. Он всего лишь выполнял мой приказ следить за Тери и охранять ее. Она моя единственная родственница, и я хочу, чтобы никто не причинил ей вреда.

— Кто может причинить ей зло?

Фон Тилль поднялся и подошел к открытому окну на террасе. Пристально глядя на темное море, он произнес:

— Больше полувека я усердно работал и внес значительный вклад в создание одной организации. На этом пути я, естественно, приобрел и нескольких врагов. Я никогда не знаю точно, что каждый из них задумал сделать, чтобы отомстить мне.

Питт изучающе посмотрел на фон Тилля:

— Именно поэтому вы и носите маузер в кобуре под мышкой?

Фон Тилль обернулся и машинально потрогал белый праздничный пиджак под левой рукой, в том месте, где он немного топорщился:

— Любопытно, могу я узнать, как вы догадались, что это маузер?

— Всего лишь предположение, — сказал Питт. — Тип человека и ваши вкусы соответствуют больше маузеру.

Фон Тилль пожал плечами:

— Обычно я не ношу оружия, но по тому, как Тери описала вас, у меня возникли подозрения о сомнительной репутации на ваш счет.

— Я должен признаться, что совершил несколько греховных поступков в своей жизни, — ответил Питт с улыбкой, — но могу заверить, что убийство или вымогательство сюда не входят.

Лицо фон Тилля нахмурилось:

— Я не думаю, что вы были бы таким легкомысленным, если бы вы... как говорят американцы... побывали в моей шкуре.

— Ваша шкура начинает казаться очень загадочной, герр фон Тилль, — сказал Питт. — Так чем же вы занимаетесь?

Подозрительность мелькнула в глазах фон Тилля, хотя его губы скривились в фальшивой улыбке:

— Если я скажу, это может испортить вам аппетит. А это, мой дорогой майор, может сильно огорчить Тери. Ведь она полдня провела на кухне, занимаясь приготовлением сегодняшнего обеда. — Он передернул плечами типично европейским манером. — Когда-нибудь в другой раз, возможно, когда я получше узнаю вас.

Питт вертел в руках стакан с последним глотком виски и думал, куда же он попал. Фон Тилль, решил он, довольно крепкий орешек или очень проницательный тип.

— Могу я вам предложить еще выпить? — спросил фон Тилль.

— Не беспокойтесь, я сам справлюсь. — Питт допил виски, подошел к бару и налил себе еще немного. Он посмотрел на фон Тилля:

— Из того, что я прочитал об авиации в первой мировой войне, обстоятельства гибели Курта Хейберта остались невыясненными. Согласно официальным германским сводкам, он был подбит англичанином и разбился где-то в Эгейском море. Однако, в сводках не упоминается имя победившего его противника. Они также ни слова не говорят о том, было ли найдено тело.

Фон Тилль тихо гладил собаку. Казалось, что его глаза погрузились в воспоминания о прошлом на несколько мгновений. Наконец, он произнес:

— Курт вел свою собственную персональную войну против Англии в далеком 1918 году. Он редко дрался с ними хладнокровно и сдержанно. Он управлял машиной очень рискованно и атаковал их самолеты, словно человек, одержимый дьяволом. Когда он находился в воздухе, то ругался, неистовствовал и стучал по краю кабины кулаками, пока не разбивал их в кровь. При взлете он всегда увеличивал обороты двигателя до предела, так что его Альбатрос вспархивал с земли, как испуганная птица. И все же, когда он не бывал на дежурстве и мог на некоторое время забыть, что он на войне, он отличался он многих большим чувством юмора, что мало отвечает вашему американскому понятию о немецком солдате.

Пип медленно покачал головой и произнес с оттенком улыбки на губах:

— Вы должны простить меня, герр фон Тилль, но многим из моих товарищей по оружию приходилось встречаться с немецкими солдатами, большинство из которых были непревзойденными весельчаками.

Старый лысый немец не обратил никакого внимания на ремарку Питта. Ею лицо оставалось серьезным:

— Трагедия Курта произошла от коварного замысла англичан. Они тщательно изучали его тактику и вскоре заметили одну особенность: у него была слабость — атаковать и уничтожать привязанные аэростаты наблюдения. Старый аэростат был отремонтирован ими, корзина наблюдателя заполнена взрывчаткой, одетый в форму манекен был помещен туда же. Бикфордов шнур спускался на землю, и англичанам оставалось только сидеть и ждать появления Курта. — Фон Тилль присел

на мягкую софу. Он смотрел в потолок, но ничего не видел. Его взор был далеко, в том небе 1918 года. — Им не пришлось долго ждать. На следующий день Курт, пролетая над линией фронта, увидел аэростат противника, медленно раскачивавшийся от прибрежного бриза. Его нисколько не удивило то, что с земли не открыли огонь по нему. И наблюдатель, облокотившийся на поручни корзины, как будто заснул, он даже не попытался выпрыгнуть с парашютом, чтобы спастись, прежде чем пулеметы Курта превратили наполненный водородом шар в облако огня.

— У нею даже не возникло мысли, что это могла быть ловушка? — спросил Питт.

— Представьте себе, нет, — отозвался фон Тилль. — Аэростат был там и представлял собой врага. Почти автоматически Курт бросился в атаку. Он приблизился к аэростату, и ею пулеметы начали пробивать тонкую оболочку газовою шара. Вдруг шар взорвался с огромной силой, все вокруг было охвачено пламенем и дымом. Англичане взорвали аэростат при приближении Курта.

— Хейберт разбился на вражеской территории? — задумчиво уточнил Питт.

— Курт не разбился после взрыва, — ответил фон Тилль, снова возвращаясь мыслями в настоящее. — Его Альбатрос проскочил сквозь этот ад, правда, верный самолет, выручавший его в стольких воздушных сражениях, был сильно поврежден, да и сам Курт был серьезно ранен. С пробитыми и разорванными в клочья матерчатыми крыльями, поврежденным рулем высоты и окровавленным пилотом в кабине аэроплан пролетел над побережьем Македонии и исчез из вида в море. *Македонского ястреба* и его легендарного желтого Альбатроса с тех пор больше никогда не видели.

— По крайней мере, до вчерашнего дня, — Питт глубоко вздохнул и ждал ответной реакции.

Веки у фон Тилля слегка дрогнули, но выражение лица не изменилось. Казалось, он взвешивал слова Питта.

Питт моментально вернулся к прежней теме разговора.

— Вы с Хейбертом часто летали вместе?

— Да, мы много раз вылетали на задания вместе. И всегда пользовались двухместным бомбардировщиком, сбрасывали зажигательные бомбы на британский аэродром, который располагался прямо здесь, на Тасосе. Курт управлял самолетом, а я был наблюдателем и бомбардировщиком.

— А где базировалась ваша эскадрилья?

— Мы с Куртом служили в одном гарнизоне, в Ясте. Но взлетали с аэродрома в Ксанти, в Македонии.

Питт прикурил сигарету. Затем он взглянул на старческую, но прямую фигуру фон Тилля:

— Благодарю вас за столь выразительное и подробное описание гибели Хейберта. Но, простите, вы ничего не упустили?

— Курт был очень преданным другом, — с грустью произнес фон Тилль. — Такие вещи легко не забываются… Я даже помню точную дату и время этого события. Это случилось в девять вечера 15 июля 1918 года.

— Однако, кажется странным, что больше никто толком не знает полной истории, — произнес Питт, его взгляд оставался спокойным и целеустремленным. — Архивы в Берлине и в Британском Музее Авиации не содержат абсолютно никакой информации относительно гибели Хейберта. Все книги по этой теме, которые мне довелось просмотреть, говорят о нем как о пропавшем без вести при невыясненных обстоятельствах, так же как и о других великих асах, таких как Альберт Балл и Георг Гейнемер.

— Господи, — перебил фон Тилль. — В немецких архивах отсутствуют документы, потому что Верховное Имперское командование никогда особенно не интересовалось войной в Македонии. А англичане никогда не опубликуют ни слова о таком неблаговидном поступке со своей стороны. Кроме всего прочего, самолет Курта оставался все еще в воздухе, когда они видели его в последний раз. Англичане могли только предполагать, что их коварный замысел удался.

— Никаких следов человека или останков самолета не было обнаружено?

— Абсолютно ничего. Брат Хейберта разыскивал после войны место его гибели, но могила Курта осталась неизвестной.

— Его брат тоже был летчиком?

— Нет. Я встречался с ним несколько раз перед самым началом второй мировой войны. В то время он был офицером Германского военно-морского флота.

Питт молчал. Рассказанная фон Тиллем история пришлась как нельзя кстати, подумал он. У него появилось странное ощущение, что его используют как приманку для стаи гусей на охоте. Предчувствие чего-то зловещего шевельнулось в нем и начинало расти. Он услышал легкий перестук каблучков по полу и, даже не оборачиваясь, почувствовал, как в комнату вошла Тери.

— Привет всем! — ее голос звучал радостно и непринужденно.

Питт повернулся на голос и посмотрел на нее. На ней было легкое коротенькое платьице, напоминавшее римскую тогу, оно веером развивалось вокруг ее стройных ног. Ему понравился цвет платья — золотисто-оранжевый, прекрасно гармонировавший с ее черными волосами. Она чуть пристальней посмотрела на Питта, ее взгляд скользнул по его форме и знакам отличия. Ее лицо слегка побледнело, она поднесла руку ко рту тем знакомым жестом, который он заметил на берегу. Затем она улыбнулась и подошла к ним, излучая притягательное тепло и искреннюю сердечность.

— Добрый вечер, прекрасная богиня, — радостно произнес Питт и поцеловал протянутую для приветствия руку.

Тери смущенно покраснела, потом взглянула на его улыбающееся лицо:

— Я собиралась поблагодарить вас за то, что вы пришли, — сказала она. — Но сейчас, когда я увидела, какую озорную шутку вы сыграли со мной, у меня появилось огромное желание бросить вас на ваш чертов...

— Не говорите так, — перебил ее Питт мягко. Он шутливо изобразил коварство на губах. — Я знаю, вы мне не поверите, но только сегодня днем командир базы снял меня с мусорного грузовика, сделал из меня пилота и произвел в майоры.

Она рассмеялась.

— Как вам не стыдно. Вы говорили мне, что ваше звание ниже сержанта.

— Нет. Я только сказал, что я никогда не был сержантом, и это правда.

Она взяла Питта под руку.

— Дядя Бруно не наскучил вам своими летными историями времен Великой войны?

— Заворожил, может быть, но никак не наскучил, — ответил Питт. Ее глаза казались испуганными, несмотря на улыбку. Он пытался угадать, о чем она думает.

Тери покачала головой из стороны в сторону. Она продолжала смотреть на форму Питта и знаки отличия. Он не был похож на того мужчину, которого она любила на берегу. Этот был более обаятельный и утонченный:

— Ты можешь занять Дирка после обеда, дядя Бруно, но сейчас он мой.

Фон Тилль громко щелкнул каблуками и поклонился:

— Как пожелаешь, моя дорогая. Следующие полтора часа ты будешь нашим главнокомандующим.

Она повернулась к фон Тиллю:

— Это очень мило с твоей стороны, дядя. В таком случае слушайте мой первый приказ для вас обоих — отправляться к обеденному столу.

Тери потянула Питта в сторону террасы и повела его вниз по пологой лестнице, которая выходила на полукруглый балкон.

Вид был захватывающим. Далеко внизу в домах светились огни Лиминаса. А над морем ранние звезды начали робко зажигаться на черном бархатном небосклоне. Посередине балкона стоял стол, сервированный на троих. Огромный желтый шар с шестью свечами освещал все кругом, заливая стол мягким волшебным светом и превращая столовое серебро в золото.

Питт подвинул стул для Тери и прошептал ей на ухо:

— Тебе лучше быть осторожной. Ты знаешь, как я возбуждаюсь в романтической обстановке.

Она взглянула на него и ее глаза улыбнулись.

— Почему ты считаешь, что это я так задумала?

Прежде чем Питт смог ответить, вошел фон Тилль вместе с огромной собакой и щелкнул пальцами. Тотчас появилась молоденькая девушка в традиционном греческом наряде и подала закуску из различных видов сыра, оливок и огурцов. Следующим был куриный суп, приправленный лимоном и яичными желтками. Затем главное блюдо: печеные устрицы с луком и рублеными орехами. Фон Тилль откупорил вино Рестина, прекрасное старое греческое вино. Его резкий запах напомнил Питту скипидар. После того как служанка убрала тарелки, она принесла поднос с фруктами и затем разлила кофе, заваренный по-турецки; молотые зерна остались в осадке на дне чашки

Питт допил крепкий несладкий кофе и дотронулся коленом до Тери. Он ожидал увидеть девичью улыбку, но вместо этого она взглянула на него испуганными глазами. Казалось, что она пыталась что-то сказать ему.

— Итак, майор, — сказал фон Тилль, — надеюсь, вам понравилась наша скромная трапеза.

— Да, спасибо, — отозвался Питт. — Все было великолепно.

Фон Тилль через стол посмотрел в упор на Тери. Его лицо было непроницаемым, а голос ледяным:

— Мне бы хотелось остаться наедине с майором, моя дорогая. Почему бы тебе не подождать в кабинете, мы побудем одни недолго.

Тери изобразила удивление. Она слегка пожала плечами, держась за краешек стола, прежде чем ответила ему:

— Пожалуйста, дядя Бруно, но еще слишком рано. Ты не мог бы подождать и провести свою небольшую беседу с Дирком попозже?

Фон Тилль бросил на нее испепеляющий взгляд:

— Делай, как говорит твой дядя. У меня несколько важных дел, которые я хотел бы обсудить с майором Питтом. Я уверен, что он не уйдет, не повидавшись с тобой.

Питт почувствовал раздражение. К чему вдруг семейная ссора? — удивлялся он. Он сделал глубокий вдох, чувствуя, что что-то было не так. Странное покалывание пробежало у него по спине, это было старое знакомое чувство опасности. Как старый и проверенный друг, оно похлопывало его по плечу и предупреждало, когда назревала угрожающая ситуация. Питт незаметно взял нож из блюда с фруктами и спрятал его в носок под брючину.

Тери смотрела на Питта, ее лицо было бледным:

— Пожалуйста, извини меня, Дирк, я не собираюсь показаться дурочкой.

Он улыбнулся:

— Не беспокойся, у меня слабость к хорошеньким дурочкам.

— Ты, наверное, никогда не говоришь правду, — тихо произнесла она.

Он пожал ее руку:

— Я присоединюсь к тебе, как только смогу.

— Я буду ждать. — Неожиданно ее глаза наполнились слезами, она повернулась и быстро побежала вверх по лестнице.

— Я очень сожалею, что так жестко говорил с Тери, — извинился старый немец. — Я должен переговорить с вами наедине, а она редко принимает во внимание мое желание побеседовать без женского вмешательства. С женщинами часто приходится проявлять твердость, вы согласны?

Питт кивнул. Он не мог придумать ничего подходящего для ответа.

Фон Тилль вставил сигарету в длинный мундштук из слоновой кости и прикурил ее:

— Я был крайне удивлен, услышав о вчерашнем нападении на Брейдт Филд. По моим данным, это был старый неизвестного типа самолет, который повредил ваше оборудование.

— Старый, может быть, — сказал Питт, — но не неизвестный.

— Не хотите ли вы сказать, что определили тип самолета?

Питт изучал лицо фон Тилля. Он молча повертел в руках вилку, затем осторожно положил ее обратно на стол.

— Самолет можно точно идентифицировать как Альбатрос D-3.

— А пилот? — слова медленно просачивались из плотно сжатых губ фон Тилля. — Вы установили личность пилота?

— Нет еще, но мы установим.

— Кажется, вы уверены, что быстро схватите его.

Питт ответил не сразу. Он медленно и методично прикурил сигарету:

— Почему бы нет. Кажется, не так трудно отыскать старый желтый аэроплан и его владельца.

Самодовольная улыбка скользнула по лицу фон Тилля:

— Македонская Греция — это район с холмистой местностью и пустынными сельскими территориями. Там тысячи квадратных километров долин, гор, выветренных равнин, где можно спрятать даже один из ваших огромных реактивных бомбардировщиков и никогда не найти.

Питт улыбнулся в ответ.

— Кто говорит об обследовании гор или долин?

— А где же еще вы собираетесь искать?

— В море, — ответил Питт, показывая на черную массу воды далеко внизу. — Возможно, в том самом месте, где Курт Хейберт разбился в далеком 1918 году.

Фон Тилль высоко поднял брови:

— Вы хотите заставить меня поверить в привидения?

Питт усмехнулся:

— Когда мы были маленькими мальчиками, мы верили в Санта Клауса, а когда мы стали взрослыми парнями, мы еще верили в девственниц, почему бы к этому списку не добавить еще и привидения?

— Нет, благодарю вас, майор. Я ставлю факты и цифры превыше суеверий.

Голос Питта был ровным и ясным:

— Вот поэтому у нас разные пути в поисках.

Фон Тилль сидел прямо, его глаза впились в Питта.

— Что если Курт Хейберт все еще жив?

У фон Тилля отвисла челюсть, затем он спохватился и выпустил облако сигаретного дыма:

— Это смешно. Если бы Курт был все еще жив, ему было бы около семидесяти лет. Посмотрите на меня, майор. Я родился в 1899 году. Неужели вы думаете, что человек моею возраста может летать на аэроплане с открытой кабиной, не говоря уж об атаке аэродрома? Нет, я так не считаю.

— Факты, конечно, на вашей стороне, — сказал Питт, он помолчал немного, проведя своими длинными пальцами по волосам. — Однако, меня не оставляет мысль, что Хейберт каким-то образом замешан здесь. — Его взгляд переместился со старого немца на огромного белого дога, и он почувствовал, как неясное напряжение сковало его тело. Нити заговора сплетались вокруг него. Он пришел на виллу по приглашению Тери, собираясь всего лишь насладиться тихим вечером. Вместо этого он оказался вовлеченным в состязание умов с ее дядей, проницательным старым тевтонцем, который (в этом Питт был уверен) знал гораздо больше о рейде на Брейди Филд, чем рассказывал. Пришло время бросить копье, несмотря на последствия. Он взглянул на фон Тилля:

— Если *Македонский Ястреб* действительно исчез шестьдесят лет назад и появился снова вчера, то возникает интересный вопрос: где он провел все это время? На небесах, в аду... или на Тасосе?

На лице фон Тилля вместо высокомерной маски промелькнуло смущение:

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду?

— Хитрый черт, — про себя огрызнулся Питт. — Либо вы принимаете меня за круглого дурака, либо сами прикидываетесь им. Не думаю, что я могу рассказать вам что-нибудь новенькое об атаке Брейди Филд, наоборот, вы должны рассказать мне. — Он растягивал слова, наслаждаясь ситуацией.

Фон Тилль моментально вскочил на ноги, его круглое лицо стало злым:

— Вы зашли слишком далеко, майор Питт, в сферы, которые меня не касаются. Я не намерен больше терпеть ваши абсурдные выпады. Я должен попросить вас покинуть мою виллу.

Удовлетворение промелькнуло на лице Питта:

— Вполне резонно, — ответил он, поворачиваясь к лестнице.

Фон Тилль злобно посмотрел на него:

— Нет необходимости возвращаться через кабинет, майор, — сказал он, указывая на маленькую дверь, находившуюся в дальней стене балкона. — Этот коридор выведет вас к главному входу.

— Мне бы хотелось попрощаться с Тери перед уходом.

— Не вижу причины для продолжения вашего визита.

Фон Тилль выпустил большое облако дыма в лицо Питту, усиливая этим оскорбительные слова:

— Я также требую, чтобы вы больше никогда не виделись и не разговаривали с моей племянницей.

У Питта сжались кулаки:

— А если я сделаю это?

Фон Тилль угрожающе усмехнулся:

— Я не буду угрожать вам, майор. Если вы будете проявлять настойчивость, упражняясь в агрессивной глупости, я просто накажу Тери.

— Паршивый немец, — огрызнулся Питт подавляя желание ударить фон Тилля между ног. — Я не знаю, в чем состоит ваш дьявольский заговор, но я могу со всей ответственностью заявить, что получу огромное удовольствие, раскрыв его. И я могу начать с того, что сообщу вам, что нападение на Брейди Филд не достигло своих целей. Корабль Национального Морского Ведомства Подводных работ будет стоять там, где находится сейчас, пока его научные исследования не будут закончены.

Руки у фон Тилля тряслись, но его лицо оставалось невозмутимым:

— Спасибо, майор. Это важная информация. Я не ожидал получить ее так скоро.

Наконец-то старый немец раскрылся, — подумал Питт. Теперь не оставалось никаких сомнений в том, что именно фон Тилль организовал

заговор, чтобы избавиться от *Первой Попытки*. Но для чего? Вопрос все еще оставался без ответа. Питт попытался выстрелить наугад:

— Вы напрасно тратите ваше время, фон Тилль. Водолазы с *Первой Попытки* уже обнаружили затонувшие сокровища. И сейчас они собираются поднять его.

Фон Тилль расплылся в широкой улыбке, и Питт моментально понял, что ложь была ошибкой.

— Жалкая попытка, майор. Вы сильно заблуждаетесь.

Он достал маузер из кобуры, висевшей подмышкой, и ткнул темным стволом Питту в шею, затем он открыл дверь в коридор:

— Не будете ли так любезны? — спросил он, указывая пистолетом в сторону порога.

Питт бросил быстрый взгляд в полутемный тоннель, лежавший перед ним. Коридор был едва освещен свечами и казался совершенно пустым. Он заколебался:

— Пожалуйста, передайте мою благодарность Тери за превосходный обед.

— Я передам ваш комплимент.

— И спасибо вам, герр фон Тилль, — с сарказмом произнес Питт, — за ваше гостеприимство.

Фон Тилль вытянулся, щелкнул каблуками и поклонился:

— Мне тоже было приятно. — Он опустил руку на голову собаки, которая злобно оскалила свои внушительные клыки.

Дверной проем был низким, и Питту пришлось согнуться, чтобы войти в тоннелеобразный коридор. Он сделал несколько осторожных шагов.

— Майор Питт!

— Да, — отозвался Питт. поворачиваясь и глядя на плотную фигуру у входа.

В голосе фон Тилля звучали садистские нотки:

— Очень жаль, что вы не сможете стать очевидцем следующего полета желтого Альбатроса.

Прежде чем Питт смог ответить, дверь захлопнулась, и тяжелый засов с грохотом опустился; этот зловещий звук гулким эхом прокатился по невидимой глубине темного коридора.

6

Приступ неудержимой злости охватил Питта. Он уже был почти готов броситься с кулаками на дверь, но одного взгляда на прочную дверную обшивку было достаточно, чтобы изменить свое первоначальное решение. Повернувшись назад, он увидел, что коридор все еще пуст. Он невольно съежился. У него не было ни малейшего представления о том, что его ждет впереди. Теперь было ясно, что фон Тилль не собирается отпускать его с виллы живым. Он вспомнил про нож и почувствовал небольшую уверенность, когда достал его из носка. Мерцающий желтый свет свечей, укрепленных в металлических подсвечниках высоко на стене, отражался на лезвии, что заставляло тонкий нож казаться совершенно неподходящим средством для самозащиты. Только одна успокаивающая мысль промелькнула в мозгу Питта: как бы он ни был мал, но этот нож все-таки лучше, чем ничего.

Вдруг резкий порыв холодного воздуха ударил по коридору, как невидимая рука, и погасил свечи, оставив Питта стоять в море сплошной темноты.

Его чувства напряглись, но, пытаясь проникнуть сквозь мрак, он не мог различить ни звука, ни мерцания огонька.

— Теперь начнется веселье, — пробормотал он, подбадривая себя перед неизвестностью.

Он ничего не улавливал и почувствовал первые тревожные признаки паники, быстро выраставшие в его сознании. Он вспомнил прочитанное им где-то, что нет ничего более устрашающего и непонятного для человеческого разума, чем полная темнота. Незнание или неспособность воспринимать то, что находится вне поля зрения или прикосновения, воздействует на мозг, как короткое замыкание в компьютере; он перестает логически мыслить. Воображение создает кошмарные картины и события, которые сильно преувеличены или приукрашены, как, например, предчувствие быть перекушенным акулой или стремление убежать от локомотива, хотя всего лишь оказываешься запертым в туалете. Вызвав в памяти такие полузабавные образы, он улыбнулся в темноте, и первые признаки паники медленно отступили перед состоянием уверенного спокойствия.

Его следующей мыслью было воспользоваться зажигалкой, чтобы зажечь свечи. Но если кто-то или что-то поджидает его в глубине коридора, подумал он, то лучше оставаться в темноте и оставить их в таких же трудных условиях. Остановившись, он быстро расшнуровал ботинки, сбросил их и наощупь стал продвигаться вдоль холодной стены. Коридор провел его мимо нескольких деревянных дверей, каждая была закрыта огромным металлическим засовом. Он как раз ощупывал одну из дверей, когда остановился, напряженно прислушиваясь.

Где-то впереди в темноте раздался звук. Он не поддавался объяснению или определению, но прозвучал совершенно внятно. Это было похоже на стон или рычание. Затем звук умолк и растворился в темноте.

Ощущение того, что теперь его ждала реальная опасность, какое-то создание тьмы, которое было материальным, могло издавать звуки и, возможно, имело разум, подстегнуло чувство самосохранения Питта. Он лег на пол коридора и беззвучно пополз вперед, прислушиваясь и ощупывая пальцами дорогу. Пол был гладким и твердым, сырым в некоторых местах. Он попал в масляное пятно, которое, наверное, испачкало его форму и, намочив материал, прикоснулось к коже. Питт мысленно проклинал свое неудобное положение, когда ползком продвигался вперед.

Казалось, что прошло несколько часов. Питт вообразил, что прополз на животе по цементному полу более двух миль, но его разум понимал, что он преодолел всего лишь около трех метров. Затхлый запах старины исходил от пола, и он напоминал ему о внутренности старого морского сундука, который когда-то принадлежал его дедушке. Он вспомнил, как прятался в его темной глубине и воображал, что плыл по бушующему морю на корабле, направляющемся к таинственному Востоку. Странно, совершенно не к месту подумал он, как запахи могут воскресить давно забытые воспоминания.

Внезапно поверхность пола и стен изменилась, вместо гладкого бетона пошла грубая каменная кладка. Более современная часть коридора закончилась и началась старая, сложенная вручную.

Рука Питта почувствовала, что стена закончилась и начиналось ответвление вправо. Легкое прикосновение воздуха к его щекам подсказало ему, что он добрался до поворота. Питт замер и прислушался.

Вот он возник снова… Звук был прерывающийся, крадущийся. На этот раз это был цокающий шум, который производит животное с длинными когтями, когда идет по твердой гладкой поверхности.

Питт непроизвольно вздрогнул и покрылся холодным потом. Он прижался всем телом к сырому полу, выставив нож в направлении приближающегося зверя.

Цоканье стало громче. Затем оно прекратилось, и воцарилась напряженная тишина.

Питт попытался сдержать свое дыхание, чтобы лучше слышать, но все, что могли различить его уши, были удары его сердца. Что-то было там, не далее чем в трех метрах. Он сравнил себя со слепым, к которому подкрадывались сбоку. Холодок пробежал по его спине. Мрачная

окружающая обстановка наполнила его чувством безнадежности. Он попытался подавить это ощущение, заставив свой мозг сконцентрироваться на методах борьбы с невидимым врагом.

Заплесневелое зловоние тоннеля вдруг начало давлеть над ним, отнимать силы. Он едва различал слабый запах животного. Но что это было за животное?

В мозгу Питта быстро созрел план, и он решил пойти на риск с неизвестным противником. Достав из кармана зажигалку, он нажал на маленькое колесико и подержал какой-то миг, пока пламя не стало ярким. Он подбросил зажигалку вверх. Тонкий язычок пламени скользнул в темноте по стене и высветил два больших зеленоватых глаза, позади них огромная тень зловеще отразилась на стенах и на полу коридора. Зажигалка упала на землю, её пламя погасло от удара. Низкое глухое рычание разнеслось глухим эхом по каменному лабиринту.

Питт среагировал мгновенно и перевернулся на полу. Затем он резко повернулся на спину и выставил нож в темную пустоту, крепко зажав его ручку вмиг вспотевшими ладонями обеих рук. Ему уже не обязательно было видеть своего призрачного врага, теперь он знал, что это было.

Зверь заметил точное положение Питта в мелькнувшей вспышке света от зажигалки. Он колебался мгновение, затем прыгнул.

Вечный животный инстинкт обнюхивания своей жертвы перед нападением сыграл роковую роль для собаки. Задержка дала Питту драгоценные секунды для быстрого неуловимого изменения положения, и огромный белый дог промахнулся. Все произошло с такой быстротой, и единственное, что мог Питт вспомнить после, это ощущение того, как нож вонзился в мягкое податливое покрытое шерстью тело, и теплые капли брызнули ему в лицо.

Рычание собаки-убийцы превратилось в вой смертельно раненого зверя, когда нож распорол весь бок дога. Стены каменных сводов содрогнулись от хриплого рыка, вырвавшегося из огромной глотки. Девяностокилограммовая масса зверя ударилась о стену около Питта и тяжело рухнула на землю, хрипя в агонии несколько мгновений перед смертью.

Сначала Питт подумал, что собака промахнулась. Затем он ощутил острую боль в области груди. Он лежал неподвижно, прислушиваясь к агонии животного в темноте. Прошло несколько бесконечных минут, прежде чем в тоннель снова возвратилась призрачная тишина, он оставался неподвижным на шероховатом полу. Напряжение, наконец, прошло, его мускулы начали расслабляться, и боль в груди резко усилилась, проясняя его мозг.

Питт с трудом поднялся на ноги и, ослабев, прислонился к невидимой стене, залитой кровью. Дрожь сотрясала его тело, и он подождал, пока нервы успокоятся, прежде чем шагнуть вперед в темноту. Он пошарил ногой взад и вперед, пока не натолкнулся на зажигалку. Он поднял металлическую коробочку и осмотрел свои раны.

Кровь сочилась из четырех равномерно расположенных царапин, которые начинались чуть выше левого соска и тянулись вдоль груди к правому плечу. Следы от когтей глубоко вонзились в кожу, но мышцы не были задеты. Рубашка Питта свисала вниз, как разорванный флаг цвета крови и хаки. Все, что он мог сделать в этот момент, — оторвать свисавшие полосы разодранной одежды и перевязать раны. Самым легким было бы упасть на землю и позволить волне удобного забвения унести себя. Соблазн был велик, но он устоял. Вместо этого он продолжал прочно держаться на ногах, разум был ясен, и он уже планировал следующий свой шаг.

Через минуту Питт подошел к собаке, держа в руке небольшой огонек зажигалки, он посмотрел на мертвое животное. Собака лежала на боку, внутренности вывалились из живота. Струйки крови заливали пол, они стекали отдельными маленькими ручейками к невидимому углублению где-то в том направлении, откуда он выбрался. Слабость и боль отступили от Питта при виде этого отвратительного зрелища. Гнев и злость заполнили все его существо и поднялись от состояния страха, чувства самосохранения к состоянию полного безразличия к опасности и смерти. Только одна мысль не давала ему покоя: убить фон Тилля.

Его следующий шаг определялся просто, абсурдно просто; он должен найти выход из лабиринта. Шансы были неравными, почти безнадежными, однако мысль о провале не приходила ему в голову. Слова фон Тилля о следующем полете желтого Альбатроса не оставляли никаких сомнений. Все мысли Питта были заняты расчетами, анализом фактов и возможностей.

Теперь, когда этот старый немец-махинатор знал, что *Первая Попытка* остается около Тасоса, он наверняка обстреляет корабль с Альбатроса. Конечно, слишком рискованно будет для старого самолета предпринимать еще одну дневную атаку, подумал Питт. Фон Тилль, без сомнения, пошлет его на задание как можно быстрее, возможно, на рассвете. Ганн и его команда должны быть предупреждены вовремя. Он посмотрел на светящийся циферблат своих наручных часов. Они показывали 9.55. Светать начнет около 4.40. подсчитал он, или минут на пять раньше или позже. Ему остается шесть часов и сорок пять минут, чтобы найти выход из этого лабиринта и привести корабль в состояние боевой готовности!

Питт засунул нож за ремень, потушил огонек зажигалки, чтобы сэкономить бензин, и пошел по левому туннелю навстречу очень слабому потоку свежего воздуха. Идти теперь было легче, Питт не собирался больше ползти. Он без колебаний спешил вперед. Коридор сузился до одного метра, но потолок находился высоко над его головой.

Неожиданно его вытянутая рука натолкнулась на прочную стену. Коридор закончился; это был тупик. Он щелкнул зажигалкой и увидел свою ошибку. Поток воздуха шел из небольшой трещины между скал. Внятный гудящий шум также доносился из трещины. Это был звук электрического двигателя, скрытый где-то за стеной, в недрах горы. Питт прислушивался какое-то время, но потом звук прекратился.

— Если тебе не повезло вначале, — задумчиво произнес он вслух, — попытайся в другом тоннеле. — Он развернулся и быстро добрался до пересечения, в этот раз он пошел по тоннелю, прямо противоположному тому, по которому он так осторожно полз.

Он ускорил шаг и погрузился в непроницаемую темноту; от холодных сырых камней его босые ноги закоченели. Он невольно предположил, сколько же мужчин, а может, и женщин фон Тилль буквально бросил на съедение своей собаке. Несмотря на прохладный воздух, пот градом стекал с него. Боль в груди казалась отдаленной, слишком отдаленной, чтобы принадлежать ему. Он чувствовал, как кровь смешивалась с каплями пота и стекала вниз по его брюкам. Он продолжал идти и идти. В его мозгу промелькнула мысль присесть и отдохнуть, но он отбросил, ее и ускорил шаг.

Снова и снова его ощупывающие руки и редкий, но такой желанный огонек зажигалки обнаруживали новые ходы, которые вели в бесконечную пустоту и тупики. Некоторые были завалены горной породой, закупоренные, возможно, навсегда.

Огонек был на своем последнем дыхании, горючее было на исходе. Питт пользовался им как можно меньше, все больше и больше полагаясь на свои исцарапанные и поврежденные пальцы. Прошел час, потом другой. Он продолжал идти, волоча свое усталое и израненное тело, по древним коридорам.

Вдруг Питт споткнулся обо что-то твердое и упал на нижние ступени каменной лестницы. Он ударился носом о край четвертой ступеньки, сильно поранив переносицу. Кровь стекала по щекам, заливала губы. Все разом: изнеможение, эмоциональное истощение, отчаяние — навалились на его истерзанное тело, и он безвольно растянулся на ступенях. Он лежал и слушал, как кровь капала на ступеньку под его головой. Мягкое белое облако возникло из черного мрака и нежно окутало его.

Питт с силой потряс пораненной и затуманенной головой, пытаясь прояснить сознание. Медленно, очень медленно, как человек, поднимающий непомерную тяжесть, он приподнял голову и плечи и начал судорожно ползти вверх по лестнице. Он преодолевал с трудом каждую ступеньку, пока, наконец, не добрался до верха.

Ограда из тяжелых каменных столбов окружала верхнюю часть лестницы. Решетка была очень старой, местами разрушенной, но оставалась еще крепкой и достаточно прочной, чтобы задержать слона.

Пигг еле-еле дотащился до площадки. Поток свежего воздуха охватил его кожу, вытеснив заплесневелый запах лабиринта. Он выглянул через прогалы в ограде, и его дух воспрянул при виде звезд, сверкавших в небе. Там, в извилистом лабиринте, он чувствовал себя как мертвец в гробу. Казалось, прошла целая вечность с того момента, как он в последний раз видел внешний мир. Он поднялся на ноги и потряс ограду. Она не шелохнулась. Щеколда на массивной калитке была недавно наглухо приварена.

Он претворил расстояние между каждой полосой, пытаясь отыскать самое большое отверстие. Третий промежуток слева был самым большим — почти двадцать сантиметров. Он аккуратно снял всю свою одежду и перебросил ее на другую сторону барьера. Следующее, что он сделал, размазал липкую кровь но телу вместе с потом и начал глубоко вдыхать, пока не заболели легкие. Затем, просунув голову между решетками, он постарался протащить свои девяносто килограммов во внешний мир. Куски ограды сыпались на его скользкую кожу и прилипали к клейкой крови. Глухой стон боли вырвался у него, когда его мошонка оцарапалась об острый край ограды. Он отчаянно уцепился за землю и предпринял последний рывок. Его тело оказалось на свободе.

Питт ухватился обеими руками за ободранную мошонку и уселся, не обращая внимания на острую боль, он никак не мог поверить в успех. Он вырвался наружу, но был ли он на свободе? Его глаза, уже привыкшие к темноте, внимательно осмотрели все вокруг.

Полукруглая ограда лабиринта выходила на сцену огромного амфитеатра. Внушительное сооружение отражало смутный неземной отблеск от белого света звезд и луны; его поврежденный купол поднимался к затемненной горной вершине. Архитектура была греческой, но массивность сооружения говорила о римских строителях. Край круглой сцены был отделен от верхней границы театра почти сорока рядами высоко поставленных скамеек. Весь амфитеатр был пуст, за исключением невидимого полета ночных насекомых.

Питт с трудом натянул остатки формы. Разорвав на лоскуты то, что осталось от его рубашки, он наложил тугую повязку на грудь.

Сама возможность идти и дышать теплым ночным воздухом придала ему новые силы. Он подвергался огромному риску там, в лабиринте, и, не имея путеводной нити, как Тезей, смог преодолеть невероятные трудности и победить. Хохот вырвался из его груди, громкое эхо донесло ею до последнего ряда амфитеатра и вернуло назад. Боль и изнеможение были забыты, когда он представил себе выражение лица фон Тилля при их следующей встрече.

— Как насчет билетов на это представление? — кричал Питт своей отсутствующей публике. Он стоял, потрясенный этим мрачным и захватывающим зрелищем. Не было ни ответа, ни аплодисментов, только тишина теплой ночи Тасоса. В какое-то мгновение ему показалось, что он увидел призраки римских зрителей, приветствующих его, но одетые в тогу фигуры безмолвно растворились среди белого мрамора, оставив Питта без ответа на его одинокое приглашение.

Он посмотрел вверх на скопление звезд в совершенно прозрачном воздухе, чтобы определить свое местонахождение. Полярная звезда приветливо светла ему и указывала на север. Глаза Питта напряженно исследовали всю поверхность неба. Что-то было не так. Созвездие Тельца и Плеяды должны были находиться у него над головой. Вместо этого они были далеко на востоке.

— Проклятье, — громко выругался Питт, посмотрев на свои часы. Было 3.22. До рассвета оставалось всего один час и восемнадцать минут. Он каким-то образом потерял почти пять часов. Что же произошло, спрашивал он себя, где было потеряно время?

Затем он понял, что, должно быть, потерял сознание, когда ударился о ступени.

Времени оставалось совсем немного. Он быстро пробежал по каменной сцене и в слабом свете увидел маленькую тропинку, которая вела вниз с горы. Он побежал по ней, стремясь обогнать солнце.

7

Через четверть мили спуска по крутому склону тропинка превратилась в дорогу — не в прямом смысле, а в колею из двух параллельных углублений на поверхности земли. Колея извивалась, спускаясь вниз, изобиловала крутыми поворотами и изгибами. Питт шел быстрой походкой, его сердце бешено стучало от напряжения. Он был ранен, не сильно, но он потерял много крови. Любой врач, которому довелось бы обследовать его, немедленно уложил бы его в госпиталь.

Вновь и вновь после того, как он выбрался из лабиринта, образы беззащитных ученых и команды *Первой Попытки,* подвергающихся атаке Альбатроса с бреющего полета, мелькали перед глазами Питта. Он

мог представить со всеми подробностями, как пули вонзались в их тела, оставляя большие кровавые лужи на белой поверхности океанографического судна. Кровавая бойня будет закончена прежде, чем новые реактивные перехватчики на Брейди Филд смогут вступить в сражение, если только пополнение самолетов прибыло до рассвета с базы в Северной Африке. Эти и другие видения заставили Питта приложить максимум усилий, превышающих обычные его возможности.

Вдруг он резко остановился. Что-то двигалось в темноте впереди. Он оставил колею, осторожно обошел вокруг толстого ствола дерева, пытаясь подобраться поближе к неожиданному препятствию. Затем он приподнялся и выглянул из-за упавшего трухлявого ствола. Даже при тусклом свете было невозможно ошибиться. Питт увидел силуэт хорошо откормленного ишака, который был привязан к одинокому валуну. Оставленное без присмотра маленькое животное повернуло ухо в сторону Питта и закричало нежно, почти трогательно.

— Ты едва ли отвечаешь запросам жокея, — с улыбкой произнес Питт, — но нищим не приходится выбирать. — Он отвязал длинную веревку от камня и быстро соорудил грубую уздечку. Он нетерпеливо пристроил ее на морду осла, затем, сел на него верхом.

— О'кей, мул, давай спускаться.

Маленькое создание не двигалось с места.

Питт хлопнул по крутым бокам. Никакой реакции. Он ударял ногами, подпрыгивал, толкал осла. Ничего, даже ни одного звука. Длинные ослиные уши были прижаты, а их упрямый обладатель отказывался шевельнуться.

Питт не знал ни одного греческого слова, только несколько имен. Надо попробовать, подумал он. Может, этот немой ишак назван именем греческого бога или героя.

— Громовержец Зевс... Аполлон... Посейдон... Геракл. Как насчет Атласа? — Показалось, что осел повернулся к камню. Неожиданно Питта осенила одна идея. Он наклонился и похлопал по животу осла. Тот был совершенно пуст.

— Мои искренние извинения, прелестное создание, — произнес Питт, наклонившись к ушам осла. — Давай, прекрасная Афродита, выберемся отсюда.

Осел дернулся и Питт понял, что он почти угадал.

— Атланта?

Никакой реакции.

— Афина?

Уши поднялись и осел повернулся, глядя на Питта большими грустными глазами.

— Давай, Афина, вперед!

Афина, к большой радости и облегчению Питта, ударила пару раз копытом о землю и затем послушно начала спускаться по дороге.

Раннее утро было прохладным, и роса начала оседать на деревьях и лугах, когда, наконец, Питт добрался до окрестностей Лиминаса. Лиминас был средним греческим поселком на побережье. Уникальное сочетание современных домов с черепичными крышами, построенных на месте античного города и его древних руин. На береговой линии, вдающейся в город в форме полумесяца, вся гавань была завалена плоскодонными рыбачьими лодками, раскиданными в живописном беспорядке. Кругом пахло соленой водой, рыбой и дизельным топливом. Деревянные баркасы неподвижно лежали вдоль берега, как стая выброшенных на сушу китов, их мачты были аккуратно сложены вдоль планширов, а якорные цепи тянулись к морю. На белом береговом песке стояли ряды высоких вертикальных столбов, на которых были растянуты длинные рыбацкие сети. А позади них снова продолжалась главная улица поселка. Закрытые маленькие двери и окна не проявляли никаких признаков жизни. Им не было дела до перемазанного Питта и его голодного транспортного средства. Белые оштукатуренные дома с крошечными балконами представляли собой при лунном свете картину спокойной размеренной жизни; картину, которая не имела никакого отношения к событиям, приведшим Питта в этот поселок.

В узком переулке Питт слез с ослика и привязал его к почтовому ящику. Затем он достал из бумажника десятидолларовую банкноту и засунул ее за повод.

— Спасибо за доставку, Афина, и получи плату.

Он ласково похлопал животное по мягкой круглой морде и пошел по улице, которая тянулась вдоль берега.

Питт искал телефон, но не находил. Вдоль улицы не было ни автомобилей, ни других припаркованных транспортных средств, только велосипед. Но Питт был слишком изможден и вряд ли смог бы крутить педали семь миль до Брейди Филд. Хорошенькое дельце, подумалось ему; если даже удастся найти телефон или того, кто имеет автомобиль, то он ведь ни слова не знает по-гречески.

Светящиеся стрелки на циферблате его часов показывали 3.59. Следующий жаркий рассвет поднимется над островом через сорок одну минуту. Сорок одна минута, чтобы предупредить Ганна и людей на *Первой Попытке*. Питт смотрел на море, следя за внутренним изгибом острова. Если по суше до Брейди Филд было семь миль, тогда до корабля по прямой по морю будет четыре мили. Он не мог медлить, ему нужно было всего лишь добыть лодку. Если уж он смог похитить осла, он сможет достать и лодку.

Через несколько минут он нашел старенькую рыбацкую лодку с высоко поднятыми бортами и прикрепленным одноцилиндровым бензиновым двигателем. Пошарив в темноте, он нащупал тросик и переключатель зажигания. Маховое колесо было массивным, но единственное, что мог сделать Питт, — это попытаться запустить его с помощью рукоятки. Его ноющие мышцы напрягались при каждом рывке, капли пота стекали со лба и ударялись о мотор. Голова у него тряслась, темные круги плавали перед глазами. Раз за разом он дергал рукоятку, срывая кожу с рук. Все было бесполезно, двигатель не запускался.

Если раньше скорость была жизненно необходима, то теперь положение казалось отчаянным. Драгоценные минуты истекали, пока он старался привести в действие упрямый двигатель. Питт глубоко вдохнул, собрав остатки сил. Стиснув зубы, он резко рванул ручку. Мотор коротко чихнул и заглох. Он снова дернул за ручку и, потеряв равновесие, упал в воду на дне лодки. Мотор чихнул раз, затем другой, замолк, чихнул снова и наконец заработал с глухим стуком, его единственный поршень начал двигаться вверх и вниз внутри своего цилиндра. Совершенно не имея сил, чтобы подняться, Питт наклонился, перерезал ножом веревку, к которой была привязана лодка, и переключил рычаг передачи на ход. Маленькая утлая лодчонка с облупившейся краской и обшарпанными бортами проскользнула по бухте, обогнула старый римский волнорез и вышла в море.

Питт включил газ на полную мощность, и рыбацкая лодка помчалась по зыбким волнам с предельной скоростью, около семи узлов в час. Он сел прямо на кормовой скамье, крепко зажав руль между ладонями, ободранными до крови о ржавую заводную ручку.

Прошло полчаса, показавшиеся бесконечными под безоблачным небом и розовеющей полосой на востоке, а лодка все еще находилась недалеко от острова. Питту движение казалось крайне медленным. Но каждый выигранный метр приближал его к *Первой Попытке*. Время от времени он засыпал, но, как только его голова падала на грудь, он резко просыпался. Питт заставлял работать свой затуманенный мозг, управляя им с неистовством, о котором даже не подозревал.

Вскоре его уставшие глаза увидели низкий серый силуэт. До него оставалось не более мили. Он различил два белых и тридцать два цветных огонька на носу и на корме, это означало, что судно стояло на якоре. Первые лучи солнца осветили небо, четко обозначив очертание *Первой Попытки* на востоке; сначала надпалубные сооружения, затем кран и мачту радара, потом беспорядочное множество исследовательского оборудования, разбросанного по палубе.

Питт умолял старый дребезжащий двигатель делать побольше оборотов. Единственный цилиндр в ответ щелкал, хлопал и трещал, вращая перекошенный и изогнутый вал, который зловеще грохотал внутри изношенного двигателя. Бег наперегонки с рассветом близился к концу.

Горячий оранжевый диск солнца показался над горизонтом, когда Питт резко сбросил газ, заглушил двигатель и приблизился к борту *Первой Попытки*.

— Эй, на корабле! — Питт кричал слабо, у него не было сил двигаться.

— Ты чертов осел, — раздался раздраженный голос. — Неужели не видишь, куда плывешь? — Заспанное лицо появилось над поручнем и уставилось вниз на рыбацкую лодку, выглядывая из-за высокого борта судна. — В следующий раз дай нам знать о своем прибытии, чтобы мы могли нарисовать цель на борту.

Несмотря на напряжение и нестерпимую боль, Питт не смог сдержать улыбки:

— Слишком рано для шуток. Оставь остроты и спустись сюда, дай мне руку.

— Чего это ради? — ответил вахтенный, напряженно всматриваясь в предрассветную мглу. — Кто вы, черт возьми?

— Я Питт, и я ранен. Хватит ходить вокруг да около, поспеши.

— Это действительно вы, майор? — с сомнением спросил вахтенный.

— Что, черт побери, тебе надо? — рассердился Питт, — свидетельство о рождении, что ли?

— Нет, сэр. — Вахтенный исчез за поручнем, а через мгновение появился на бортовом трапе с багром в руках. Он зацепил лодку за планшир на носу и подтянул ее к трапу. Привязав лодку веревкой, он перепрыгнул в нее, задел ногой за скамейку и неловко растянулся около Питта.

Питт зажмурил глаза, застонав от резкого прикосновения другого человека. Когда он снова открыл глаза, то обнаружил перед собой желтую бороду Кена Найта.

Найт начал было что-то говорить, но тут он более ясно увидел перед собой окровавленное и истерзанное тело. Вид Питта заставил молодого ученого содрогнуться, его лицо сделалось мертвенно-бледным. Он застыл в шоке.

Губы Питта растянулись в смущенной улыбке.

— Не трать время даром, сидя здесь, как курица на яйцах. Помоги мне добраться до каюты капитана Ганна.

— Боже мой, боже мой, — причитал Найт, изумленно покачивая головой. — Что с вами произошло?

— Позже, — отозвался Питт. — Когда будет время. — Он подтянулся вперед на руках. — Да помоги же мне, болван, пока не поздно. — В голосе Питта слышалось такое отчаяние и плохо скрываемая ярость, что это привело Найта в движение.

Найт почти на себе донес Питта до трапа и втащил его на палубу. Он остановился у каюты Ганна и постучал в дверь:

— Откройте, капитан Ганн. Это срочно.

Ганн быстро открыл дверь, на нем не было ничего, кроме трусов и его неизменных очков в роговой оправе. Он напоминал смущенного профессора, которого только что застали в номере мотеля с женой декана университета:

— Что случилось?.. — Он внезапно остановился, уставившись на окровавленного человека, которого поддерживал Найт. Его карие глаза казались невероятно огромными за толстыми стеклами. — Боже мой, это ты, Дирк? Что произошло?

Питт попытался изобразить улыбку, но получился только слабый изгиб верхней губы.

— Я выбрался из ада! — Его голос был тихим, затем он зазвучал увереннее. — У вас на борту есть какое-нибудь метеорологическое оборудование?

Ганн не ответил. Вместо этого он приказал Найту привести корабельного врача. Затем маленький капитан-очкарик завел Питта в каюту и осторожно уложил на кровать:

— Отдохни немного, Дирк. Мы быстро починим тебя.

— Это подождет, Руди, сейчас нет времени, — сказал Питт, схватив Ганна за запястье своими изодранными руками. — У вас есть какое-нибудь метеорологическое оборудование на борту? — нетерпеливо переспросил он.

Ганн смотрел на Питта. его глаза выражали недоумение.

— Да, у нас есть оборудование для проведения некоторых метеорологических измерений. А почему ты спрашиваешь об этом?

Руки Питта отпустили запястья Ганна. Самодовольный холодный блеск скользнул в его глазах, а губы растянулись в улыбке. Он с трудом приподнялся на локтях:

— Этот корабль с минуты на минуту будет атакован тем же самым самолетом, что совершил воздушный налет на Брейди Филд.

— Ты, должно быть, бредишь, — ответил Ганн, подойдя к Питту, чтобы помочь ему сесть.

— Мое тело может выглядеть как угодно, но мой мозг в эту минуту соображает острее, чем ваш, — отозвался Питт. — Теперь слушай, и слушай внимательно. Вот что нужно сделать…

Вахтенный, находившийся на башне крана, был первым, кто заметил маленький желтый самолет в голубой дали. Затем Питт и Ганн тоже увидели его, он был не далее чем в двух милях и летел на высоте около двухсот сорока метров. Они заметили бы его раньше, но он приближался к *Первой Попытке* со стороны восходящего солнца.

— Он опоздал на десять минут, — отметил Питт, держа руки вверх для седого доктора с козлиной бородкой, который работал быстро и умело, перевязывая его грудь.

Пожилой врач, не обращая внимания на передвижения Питта по капитанскому мостику, продолжал обрабатывать и перевязывать раны, он даже не повернулся и не взглянул на приближающийся самолет. Он крепко завязал последний узел, при этом лицо Питта перекосилось от боли.

— Это все, что я могу сделать для вас, майор, пока вы не перестанете бегать вверх и вниз по палубе и выкрикивать приказы, как капитан Блад.

— Извините, доктор, — произнес Питт, не отрывая глаз от неба, — но сейчас нет времени для более тщательного обследования. Теперь вам лучше спуститься вниз. Если моя небольшая военная хитрость не сработает, то вы через десять минут можете превратиться в сухопутного врача.

Не говоря ни слова, сухопарый, сильно загорелый доктор закрыл объемистый кожаный чемоданчик и спустился вниз с капитанского мостика.

Питт отодвинулся от поручня и взглянул на Ганна:

— Ты все соединил?

— Скажи только, когда. — Ганн был весь напряжен, но в то же время сохранял готовность и энергию. Он держал в руках маленькую черную коробочку, присоединенную к проводу, который тянулся к мачте радара, а затем исчезал в сияющем утреннем небе. — Ты думаешь, что пилот этого старого корыта клюнет на приманку?

— История никогда не устает повторяться, — глубокомысленно заявил Питт, глядя на приближающийся самолет.

Даже в этот момент напряженного ожидания Ганн нашел время, чтобы удивиться полной трансформации Питта после рассвета: человек, который, шатаясь, появился на борту *Первой Попытки,* весь израненный, в плачевном состоянии, разительно отличался от того человека, который сейчас стоял на мостике со сверкающими глазами в выжидательной позе боевого коня, втягивающего запах сражения разгоряченными ноздрями. Это казалось странным, но Ганн ничего не мог поделать с собой, его мозг перенесся в воспоминаниях на много месяцев назад на мостик другого корабля, тяжелого парохода, который назывался *Дана Гейл*. Он помнил, словно это было всего час назад, что видел такое же выражение на лице Питта незадолго до того, как старому, ржавому, неповоротливому судну удалось обнаружить и разрушить загадочную подводную установку в Тихом океане, к северу от Гавайских островов. Внезапно крепкое пожатие руки вернуло его в настоящее время.

— Пригнись, — настоятельно сказал Питт, — а то взрывная волна выбросит тебя за борт. Будь готов соединить контакты в тот момент, когда я тебе скажу.

Ярко-желтый самолет спикировал вниз и кружил вокруг корабля, проверяя его защищенность. Громкое назойливое жужжание двигателя отражалось от воды и закладывало уши Питту. Он наблюдал за самолетом в бинокль и удовлетворенно улыбнулся, когда заметил маленькие круглые отверстия на крыльях и фюзеляже: памятка о метких выстрелах Джордино. Подняв бинокль почти в вертикальное положение, он посмотрел на черный провод, который тянулся вверх, и сразу ощутил надежду, которая начала перерастать в полное убеждение.

— Спокойно… спокойно, — произнес Питт. — Я думаю, он собирается отведать сыра.

— Сыр, — удивленно подумал Ганн. — Он называет сыром этот чертов воздушный шар там, наверху. — Кто бы мог подумать, что Питт имел в виду этот шар для наблюдения за погодой, когда спрашивал, есть ли на борту *Первой Попытки* метеорологическое снаряжение. Теперь этот чертов шар парит там в небе с сорока килограммами взрывчатки, взятой

из сейсмической лаборатории. Ганн взглянул вверх на большой серебристый воздушный шар и на смертоносный груз, висевший под ним. Трос, к которому был прикреплен воздушный шар и электрический провод, тянувшийся от взрывчатки, достигали в длину почти двести пятьдесят метров. Шар находился за кормой примерно в ста двадцати метрах, это равносильно длине четырех футбольных полей. Он покачал головой; было необычно, что взрывчатку, которой обычно пользовались для проведения подводных взрывов при изучении морского дна, сейчас использовали для того, чтобы взорвать самолет в воздухе.

Шум двигателей самолета становился громче, и в какой-то миг Питту показалось, что тот собирается пикировать прямо на корабль, но затем он увидел, что угол снижения был слишком маленьким. Пилот направлял Альбатрос прямо к воздушному шару. Питт поднялся, чтобы лучше видеть, хотя и понимал, что превращается в заманчивую и доступную мишень. Шум двигателя перешел в сплошной рев, и пулеметы нацелились на воздушный шар, лениво парящий над сверкающей водой. Не было ни задержки, ни предварительной подготовки; желтые крылья сверкнули на солнце, затмевая вспышки выстрелов из двух пулеметов, укрепленных на капоте двигателя. Звук разрывов и свист пуль означали начало атаки.

Нейлоновая оболочка наполненного гелием шара содрогнулась от бешеной пулеметной стрельбы. Сначала она осела, затем сморщилась, как чернослив, свернулась и начала падать в море. Желтый Альбатрос пролетел над поверженным шаром, выходя на прямую линию к *Первой Попытке*.

— Давай! — крикнул Питт, бросаясь на палубу.

Ганн нажал кнопку.

Следующее мгновение казалось бесконечным. Затем раздался оглушительный взрыв, который сотряс судно от киля до мачты. Тишина раннего утра была разорвана резким звуком, словно тысячи окон были разбиты при шторме. В небо вознесся огромный столб дыма и пламени, где перемешались черный и оранжевый цвета. Взрывная волна отбросила Питта и Ганна, прижав их внутренние органы к позвоночнику, словно от резкого и сильного удара кулаком.

Медленно, превозмогая боль от тугих бинтов и пытаясь восстановить дыхание, Питт поднялся на ноги и стал всматриваться в темное облако взрыва в поисках признаков Альбатроса. Его глаза смотрели слишком высоко, и он не заметил ничего, кроме клубов дыма; самолет и его пилот исчезли. Затем он понял, что случилось. Тот короткий миг между его устным сигналом и самим взрывом спас самолет от мгновенного разрушения. Проследив взглядом до линии горизонта, он увидел его. Самолет тихо планировал по воздуху, его двигатель был мертв.

Питт быстро схватил бинокль и посмотрел на Альбатрос. Аэроплан был охвачен пламенем, за ним тащился черный шлейф дыма. Он наблюдал с нездоровым удовольствием, как одно из нижних крыльев вдруг оторвалось и упало вниз, бросив самолет в дикий круговорот, как листок бумаги, выброшенный из высотного здания. Затем показалось, что он завис на какое-то мгновение, прежде чем рухнуть в море, оставив в теплом воздухе полосу дыма.

— Он упал! — взволнованно закричал Питт. — Мы победили!

Ганн лежал в углу возле дальней переборки. Он прополз по палубе и с трудом поднял голову:

— Куда он упал?

— Около двух миль позади кормы, со стороны правого борта, — отозвался Питт. Он опустил бинокль и взглянул на бледное лицо Ганна. — С тобой все в порядке?

Ганн кивнул:

— Я немного ударился, только и всего.

Питт улыбнулся, но его глаза оставались серьезными. Он был очень доволен собой и результатами своего плана:

— Нужно послать вельбот и несколько человек, чтобы они спустились под воду на месте крушения. Я сгораю от нетерпения увидеть, как выглядит наш призрак.

— Конечно, — ответил Ганн. — Я лично возглавлю группу подводников. Но только при одном условии… ты немедленно отправишься в мою каюту. Доктор еще не закончил с тобой.

Питт пожал плечами:

— Ты капитан. — Он отвернулся к поручням и снова посмотрел на пятно, которое обозначало могилу Альбатроса.

Он оставался стоять у поручня и десять минут спустя, когда Ганн и четверо человек из экипажа *Первой Попытки* погрузили подводное снаряжение на вельбот и отчалили. Маленькой лодке не нужно было кружить и исследовать значительную водную поверхность, она направилась прямо к тому месту, где исчез самолет. Питт продолжал смотреть, пока пловцы ныряли в сверкающую голубую воду с определенными интервалами, чтобы сойтись под водой там, где было место падения разбитого самолета.

— Пойдемте, майор, — раздался голос сбоку.

Он нехотя повернулся и посмотрел в лицо бородатого врача:

— Нет необходимости преследовать меня, доктор. Я. все равно не женюсь на вас, — сказал Питт, широко улыбаясь.

Голубоглазый пожилой корабельный врач не улыбнулся в ответ. Он указал вниз на лестницу, ведущую в каюту Ганна.

Питту ничего не оставалось, как безропотно покориться и предоставить свое израненное тело заботам доктора. В каюте он изо всех сил пытался не отключиться, но введенное успокоительное победило его горячую голову, и скоро он погрузился в глубокий сон.

8

Питт взглянул на свое отражение в маленьком зеркале, висевшем в каюте, и увидел худое изможденное лицо. Черные волосы спадали на лоб и закрывали уши, создавая неопрятный венчик над темно-зелеными глазами, покрытыми красными прожилками. Темные круги лежали под глазами. Он проспал совсем недолго, часы показывали, что прошло всего четыре часа. Его разбудила жара: раскаленный утренний воздух, распространявшийся над морем со стороны Африки, опалил своим горячим дыханием его кожу. Он увидел, что вентилятор был отключен, и включил его, но горячий воздух уже наполнил каюту. Теперь никакой кондиционер не сможет охладить воздух в каюте, по крайней мере, до вечера. Он открыл кран и ополоснул лицо водой, позволяя прохладе проникать в его поры, когда капли воды стекали вниз по плечам и спине.

Он проворно вытер влажную кожу и попытался вспомнить по порядку все, что произошло прошлой ночью. Вилли и Майбах-Цепплин. Вилла. Беседа с фон Тиллем. Красота Тери и ее бледное личико. Затем лабиринт, собака и спасение, Афина; интересно, нашел ли ее хозяин? Рыбацкая лодка, раннее утро, желтый Альбатрос и взрыв. Теперь он ждал, когда Ганн и его экипаж обнаружат самолет и найдут тело его загадочного пилота. Какая же здесь связь с фон Тиллем? Какие цели преследовал старый немец? А Тери? Знала ли она о ловушке? Пыталась ли она предупредить его? Или она заманила его, чтобы выудить информацию для своего дяди?

Он отбросил все мысли и вопросы. Кожа под бинтами зудела, и его одолевало нестерпимое желание содрать их...

Господи, как же жарко... сейчас бы выпить чего-нибудь холодного. Единственная одежда, которую доктор оставил на нем, были трусы. Он намочил их под краном и надел мокрыми. Через несколько минут они были совершенно сухими.

Раздался легкий стук в дверь. Она медленно приоткрылась, и возле переборки показалась рыжеволосая голова юнги.

— Вы уже проснулись, майор Питт? — тихо спросил он.

— Да, только что, — отозвался Питт.

— Я… я не собирался беспокоить вас, — запинаясь, произнес мальчик. — Доктор попросил меня проверять вас каждые пятнадцать минут, чтобы удостовериться, что вы спокойно отдыхаете.

Питт бросил уничтожающий взгляд на юнгу.

— Кто, черт возьми, может спокойно отдыхать в этом пекле с отключенным кондиционером?

Растерянное, жалкое выражение появилось на лице паренька.

— О, боже мой, извините меня, сэр. Я думал, что капитан Ганн включил его.

— Что сделано, то сделано, — произнес Питт, пожимая плечами. — Как насчет того, чтобы выпить чего-нибудь холодненького?

— Вы хотите бутылку ФИКСА?

Глаза Питта сузились.

— Бутылку чего?

— ФИКС. Это греческое пиво.

— Хорошо, давай попробуем. — Питт не мог сдержать улыбку. — Я слышал раньше о фиксе, но никогда не доводилось пробовать.

— Я сейчас, сэр. — Паренек повернулся к переборке и закрыл дверь. Вдруг она резко открылась, и опять показалась рыжая голова юнги.

— Извините, майор, я совсем забыл. Полковник Льюис и капитан Джордино ждут вас. Полковник хотел сразу пройти сюда и разбудить вас, но доктор не захотел и слышать об этом. Он даже пригрозил выбросить полковника за борт, если тот попытается сделать это.

— Хорошо, пришли их сюда, — с нетерпением сказал Питт. — Только поторопись с пивом, пока я не испарился.

Питт снова лег на кровать, капли пота стекали по его телу прямо на простыни. Его мозг опять включился, выискивая каждую деталь в прошлом, собирая их для настоящего, анализируя и намечая направления для будущего.

Льюис и Джордино.

Они не замедлили появиться. Если Джордино получил ответ из штаб-квартиры НУМА, это может помочь заполнить одну из многочисленных недостающих частей в головоломке. Четыре грани были обозначены, но середина представляла собой разрозненное скопление неизвестных и непроверенных данных. Злое лицо фон Тилля искоса смотрело из лабиринта, ею тонкие, плотно сжатые губы скривились в самодовольной улыбке. Мозг Питта работал…

Большой белый дог. Он попытался переместить ею в другую часть головоломки, но не получалось. Это странно, подумал он, собака не соответствует предназначенной ей части. По какой-то необъяснимой причине он не мог поместить животное между фон Тиллем и Куртом Хейбертом.

Льюис резко и шумно ворвался в каюту. У него было красное, покрытое потом лицо, тонкие струйки стекали по носу и попадали на усы, где они собирались, как капли дождя в лесу.

— Ну, майор, разве ты не жалеешь, что отказался от моего приглашения на обед?

Питт едва заметно улыбнулся:

— Признаю, было раза два прошлой ночью, когда я пожалел, что отверг ваши устрицы. — И он показал на бинты, перевязывавшие его грудь. — Но, по крайней мере, другое приглашение на обед оставило мне несколько моментов, которые я запомню надолго.

Джордино выступил из-за спины Льюиса, одетого в форму цвета хаки, и приветливо помахал Питту:

— Видишь, что случается каждый раз, когда я позволяю тебе уходить кутить одному?

Питт видел широкую добродушную улыбку на лице Джордино, но он также заметил и озабоченность в его дружеском взгляде:

— В следующий раз, Ал, я пошлю тебя вместо себя.

Джордино рассмеялся:

— Не делай мне таких одолжений, если являешься в таком виде на следующее утро.

Льюис тяжело опустился в кресло, повернутое к кровати:

— Господи, как же здесь жарко. Неужели это плавающее корыто не имеет кондиционеров?

Питт получал некоторое удовольствие от страданий Льюиса:

— Сожалею, полковник, но вентилятор, кажется, сломался. Сейчас принесут пиво, которое сделает жару более терпимой.

— Как раз сейчас, — отозвался Льюис, — я бы с удовольствием выпил стакан газированной воды.

Джордино наклонился над кроватью:

— Ради всего святого, Дирк, в какую переделку ты попал после того, как покинул нас прошлым вечером? Ганн в сообщении по радио говорил о какой-то бешеной собаке.

— Я расскажу тебе, — ответил Питт, — но сейчас мне нужно получить ответы на пару вопросов. Он взглянул на Льюиса:

— Полковник, вы знакомы с Бруно фон Тиллем?

— Знаю ли я фон Тилля? — повторил Льюис. — Только поверхностно. Я был представлен ему однажды и видел его иногда на вечерах, которые давала местная знать, только и всего. Все, что я слышал, это то, что он очень загадочная личность.

— А вы случайно не знаете, чем он занимается? — с надеждой спросил Питт.

— Он владеет небольшой флотилией. — Льюис замолчал на мгновение, закрыв в задумчивости глаза. Затем он открыл глаза, показывая всем видом, что вспомнил. — Минерва, да, Минерва Лайнс — название его флотилии.

— Я никогда не слышал о ней, — пробормотал Питт.

— Ничего удивительного, — отозвался Льюис. — Судя по изношенным ржавым трубам, которые, как я видел, дымят вокруг Тасоса, сомневаюсь, что кто-нибудь еще знает о ее существовании.

Глаза Питта прищурились:

— Корабли фон Тилля плавают вокруг побережья Тасоса?

Льюис кивнул:

— Да, один рейс в неделю или около того. Их легко отличить: у них всех на дымовой трубе изображена большая желтая буква "M".

— Они бросают якорь около берега или заходят в док Лиминаса?

Льюис отрицательно покачал головой:

— Никогда. Каждый корабль, который мне доводилось замечать, плыл с юга, огибал остров и снова ложился в обратный курс на юг.

— Не останавливаясь?

— Они ложились в дрейф где-то на полчаса, не больше, как раз напротив старых развалин.

Питт поднялся с кровати. Он вопросительно посмотрел на Джордипо, затем на Льюиса:

— Это странно.

— Почему? — спросил Льюис, закуривая сигарету.

— Тасос лежит, по крайней мере, в пятистах милях к северу от основных магистральных путей, ведущих к Суэцкому каналу, — задумчиво произнес Питт. — Почему же фон Тилль заставляет свои корабли делать тысячемильный крюк?

— Я не знаю, — нетерпеливо перебил его Джордино. — И, сказать по правде, меня это меньше всего интересует. Почему бы не прекратить эту пустую болтовню в не поговорить о твоих ночных похождениях?

Питт встал и потянулся, морщась от неприятного ощущения. Во рту першило, он не мог припомнить, когда у него так пересыхало в горле. Куда запропастился этот чертов юнга с пивом? Питт увидел сигареты у Джордино и попросил одну. Он прикурил ее и затянулся, неприятный вкус во рту усилился.

Он пожал плечами, кисло улыбаясь.

— О'кей, я расскажу вам все от начала до конца, но, прошу вас, не смотрите на меня, как на сумасшедшего.

В раскаленной тесной каюте, где до металлических стен нельзя было дотронуться, Питт рассказал свою историю. Он ничего не утаил, даже небольшого подозрения, что Тери должна была каким-то образом заманить его к фон Тиллю. Льюис задумчиво кивал время от времени, но не делал никаких замечаний; казалось, его мысли витали где-то еще, возвращаясь только, когда Питт логично излагал все происшедшее. Джордино неторопливо вышагивал по маленькому кубрику, слегка наклоняясь при небольшой качке корабля.

Когда Питт закончил, никто не проронил ни слова. Десять секунд прошло, двадцать, затем тридцать. Воздух стал влажный от пота и быстро пропитался сигаретным дымом.

— Я знаю, — немного устало произнес Питт. — Это звучит как выдумка и имеет мало смысла. Но все произошло именно так, я ничего не упустил.

— Даниил в логове льва, — ровно, без особой интонации, произнес Льюис. — Я допускаю, все, что ты рассказал, звучит невероятно, но

факты некоторым образом подтверждают твои слова. — Он достал носовой платок из кармана брюк и вытер им лоб. — Ты оказался прав, предсказав, что допотопный самолет предпримет атаку против этого корабля, и ты даже узнал, когда.

— Фон Тилль дал мне намек. Остальное было догадкой.

— Я не могу представить себе такой странный план, — сказал Джордино. — Использовать старый аэроплан, чтобы обстреливать море и базу на суше только для того, чтобы избавиться от *Первой Попытки,* — это кажется чересчур сложным.

— Не совсем, — сказал Питт. — Фон Тиллю очень быстро стало ясно, что его диверсионные действия при проведении научных исследований экспедиции НУМА не увенчались успехом.

— Что же помешало ему? — спросил Джордино.

— Ганн был упрям, — Питт спокойно улыбнулся. — Хотя он думал, что все происшествия и срывы можно объяснить естественными причинами, он отказался сняться с якоря и убраться.

— Бог с ним, — прохрипел Льюис и прокашлялся, прочищая горло, но Питт спокойно продолжал:

— Фон Тилль был поставлен перед необходимостью найти другой способ. Использовать старый самолет было гениальной идеей. Если бы он послал современный реактивный истребитель для бомбардировки Брейди Филд, то события могли бы принять форму международного скандала: греческое правительство, русские, арабы — весь мир оказался бы втянутым, и весь остров был бы битком набит военными, поднятыми по тревоге. Нет, фон Тилль проявил ловкость и находчивость: старый Альбатрос доставил некоторое беспокойство нашему правительству и обошелся в несколько миллионов долларов военно-воздушным силам, но не произошло никаких дипломатических осложнений и вооруженных конфликтов.

— Очень интересно, майор, — голос Льюиса был ровным и скептическим. — Очень интересно и весьма поучительно. Но не будешь ты так любезен ответить на вопрос, который вертится у меня на языке.

— Слушаю вас, сэр, — Питт впервые так обратился к Льюису, назвав его сэром, и ему это показалось весьма неприятным.

— Что же такое эти яйцеголовые ученые здесь ищут, что от их тухлого бизнеса пострадали наши головы?

— Рыбу, — улыбаясь, ответил Питт.

Глаза у Льюиса округлились, и он едва не выронил сигару себе на колени.

— Кого?

— Рыбу, — повторил Питт. — Ее прозвали Задира; редкая особь, которая может оказаться живым ископаемым. Ганн уверяет меня, что поимка одной такой особи может оказаться величайшим научным открытием века. — Питт полагал, что немного переборщил, но его разозлило явное высокомерие Льюиса.

На лице у Льюиса было неприятное выражение, когда он нервно поднялся с кресла:

— Ты хочешь сказать, что я получил пятнадцать миллионов долларов ущерба от разбитых самолетов, находившихся под моим личным командованием, моя военная карьера полетела ко всем чертям, и все это из-за проклятой рыбы?

Питт изо всех сил старался выглядеть серьезным:

— Да, полковник, я считаю, что вы можете сказать так.

Унылый вид полного поражения появился на лице Льюиса, когда он покачивал головой из стороны в сторону:

— Боже мой, боже мой, это несправедливо, это не только…

Его прервал стук в металлическую дверь. Вошел юнга, неся поднос с тремя коричневыми бутылками.

— Принеси еще, — приказал Питт. — И охлади их хорошенько.

— Хорошо, сэр, — ответил паренек. Он поставил поднос на стол и быстро вышел из каюты.

Джордино передал Льюису пиво.

— Возьмите, полковник, выпейте и забудьте об ущербе, причиненном базе. Налогоплательщики в любом случае возместят все убытки.

— Тем временем я, вероятно, получу инфаркт, — мрачно буркнул Льюис. Он сел назад в кресло, согнувшись, как выжатый тюбик.

Питт взял покрытую льдом бутылку и провел ее холодной поверхностью по лбу. К изогнутому горлышку была прикреплена красно-серебристая этикетка. Он лениво посмотрел на надпись, гордо провозглашавшую: ПРЕДНАЗНАЧЕНО ДЛЯ ГРЕЧЕСКОГО КОРОЛЕВСКОГО ДВОРА.

— Куда мы направимся отсюда? — спросил Джордино между глотками.

Питт пожал плечами:

— Я еще не уверен. Многое зависит от того, что Ганн обнаружит среди обломков Альбатроса.

— Есть какая-нибудь идея?

— Никакой в данный момент.

Джордино затушил сигарету в пепельнице.

— Если ничего больше нет, то я мог бы сказать, что мы далеко продвинулись в этой игре, особенно в сравнении со вчерашним днем. Благодаря тебе, нашему призраку из первой мировой войны пришел капут, и у нас есть достаточно данных, чтобы назвать подстрекателя этих атак. Все, что нам нужно сделать, — это заставить греческие власти задержать фон Тилля.

— Этого не вполне достаточно, — задумчиво произнес Питт. — Это примерно то же самое, если окружной прокурор предъявляет обвинение в убийстве подозреваемому, у которого нет никаких мотивов. Нет, здесь должна быть причина, может, не очень веская в наших глазах, но все-таки причина для всех этих интриг и разрушений.

— Что бы это ни было, но только не сокровище.

Питт взглянул на Джордино.

— Я совсем забыл спросить. Адмирал Сандекер прислал ответ на твой запрос?

Джордино бросил пустую бутылку в мусорную корзину:

— Он пришел сегодня утром, как раз перед тем, как мы с полковником собирались покинуть Брейди Филд и отправиться на *Первую Попытку*. — Он замолчал, глядя на муху, ползавшую по потолку. Потом он икнул.

— Ну? — нетерпеливо переспросил Питт.

— Адмирал заставил группу из десяти человек перерыть национальные архивы в поисках данных о кораблекрушениях. Когда они закончили, то пришли к единому заключению: нигде не зарегистрировано документов, где сообщалось бы о затонувших сокровищах около побережья Тасоса.

— А грузы? Может, какой-нибудь из затонувших кораблей имел ценный груз?

— Ничего, что привлекло бы внимание, — Джордино достал листок из нагрудного кармана. — Секретарь адмирала продиктовал по радио названия всех кораблей, которые пропали в районе Тасоса в последние двести лет. Список не впечатляет.

Питт смахнул соленые капли пота возле глаз.

— Давай посмотрим.

Джордино положил лист бумаги на колени и начал быстро и громко читать.

— *Мистраль,* французский фрегат, затонул в 1753 году. *Клара О. Г.,* английский угольщик, затонул в 1856. *Адмирал де Фоссе,* французский броненосец, затонул в 1872. *Сцила.* итальянский бриг, затонул в 1876. *Дафна,* британская канонерская лодка...

— Переходи к 1915 году, — прервал его Питт.

— *Х. М. С. Форшайр,* британский крейсер, потоплен немецкими береговыми батареями в 1915. *Фон Шродер,* германский эскадренный миноносец, потоплен британским линкором в 1916. U-19, немецкая подводная лодка, потоплена британским самолетом в 1918.

— Нет нужды продолжать, — зевая, сказал Питт. — Большинство из затонувших судов в твоем списке были военными кораблями. Очень мало шансов, что один из них мог перевозить золото.

Джордино кивнул.

— Как сказали парни из Вашингтона, нет зарегистрированных документов о затонувших сокровищах.

Разговор о сокровищах вызвал заинтересованный блеск в глазах Льюиса.

— А как насчет античных греческих или римских кораблей? Данные о них вряд ли могли дойти до наших дней.

— Это правда, — отозвался Джордино. — Но, как уже раньше заметил Дирк, Тасос расположен далеко от оживленных морских путей. То же самое можно сказать и об античных торговых путях.

— Но если счастливый случай у нас под ногами, — продолжал настаивать Льюис, — и фон Тилль нашел сокровища и пытается сохранить все это в тайне?

— Не существует законов, запрещающих поиски затонувших сокровищ. — Джордино выпустил через ноздри две струйки дыма. — Зачем стараться скрыть это?

— Жадность, — сказал Питт, — Нездоровая жадность; стремление получить все, нежелание поделиться с другими или платить налоги правительству, на чьей территории найдены богатства.

— Принимая во внимание огромную долю, которую требует большинство правительств, — сердито сказал Льюис, — я не могу сказать, что я обвиняю фон Тилля за то, что он пытается сохранить открытие в тайне.

Вошел юнга и, оставив еще три бутылки пива, вышел. Джордино поблагодарил его кивком головы и бросил пустую бутылку в стоявшую рядом мусорную корзину.

— Вся эта игра напоминает плохую сделку, — заметил он. — Мне это не нравится.

— Мне тоже это не нравится, — спокойно произнес Питт. — Любая логическая цепочка приводит в тупик. Даже этот разговор о сокровищах не имеет смысла. Я пытался завлечь фон Тилля, чтобы он обмолвился о сокровищах, но хитрая старая бестия не проявила ни малейшего интереса. Он старается что-то скрыть, но это не затонувшие золотые слитки или затерянные алмазы. — Питт поднялся и показал на лежавший за полосой моря Тасос, который дремал в жарком мареве.

— Решение лежит где-то еще, около острова, или на нем, или, может быть, все вместе. Скоро мы будем знать больше, когда Ганн поднимет Альбатрос и его содержимое.

Джордино, сцепив руки за головой, наклонил свой стул назад.

— Судя по всему, мы можем сейчас уехать и быть в Вашингтоне завтра примерно в это же время. С тех пор как загадочный вражеский самолет уничтожен и мы узнали кто стоял за всеми этими происшествиями на борту *Первой Попытки,* все вернется в нормальное русло. Я не вижу никакой причины, почему мы не могли бы собраться и отправиться домой. Он бросил на Льюиса спокойный взгляд.

— Я уверен, что полковник сможет справиться с любыми неожиданностями, которые могут возникнуть на Брейди Филд.

— Вы не можете сейчас уехать! — Льюис покрылся каплями пота, он задыхался, едва сдерживая свой темперамент. — Я свяжусь с адмиралом Сандекером и заставлю…

— Не беспокойтесь, полковник, — прервал его Ганн. Он тихо отворил дверь каюты и теперь стоял, прислонившись к переборке. — Майор Питт и капитан Джордино останутся на Тасосе.

Питт быстро и выжидательно взглянул на него. На лице Ганна не было ликующего выражения, скорее, оно отражало уныние, удрученность и опустошенность. Тонкие ключицы выпирали, плечи ссутулились от изнеможения, на коже блестели капли соленой воды. На нем не было ничего, кроме привычных очков в роговой оправе и черных плавок

европейского стиля, которые еще больше подчеркивали его худобу. Четыре часа подводного плавания истощили Ганна, каждая косточка, каждый его мускул жаждали отдыха.

— Извините, сэр, — тихо пробормотал Ганн. — Боюсь, я принес плохие новости.

— Ради всего святого, Руди, — спросил Питт. — Что случилось? Вы не смогли поднять самолет и вытащить тело пилота?

Ганн передернул своими худыми плечами:

— Ни то, ни другое.

— Так плохо? — спросил Питт, его лицо и голос были очень серьезными.

— Хуже, — мрачно ответил Ганн.

— Давай, выкладывай.

Целых тридцать секунд Ганн хранил молчание. Сидевшие в каюте могли слышать тихое поскрипывание корабля, качавшегося на легких средиземноморских волнах, и видели плотно сжатые губы Ганна.

— Поверьте мне, мы пытались, — тихо произнес Ганн. — Мы использовали все известные методы подводного поиска, но мы не смогли обнаружить разбитый самолет. — Он беспомощно развел руками. — Он растворился, исчез бог знает куда.

9

— Жители Тасоса были большими любителями театра, считая его жизненно важной частью своего существования, и каждый, включая городского нищего, считал своим долгом посещать театр. В античном городе во время премьер новых драм, которые привозили с материка, закрывались все лавки, прекращались все дела, узников отпускали из тюрем. Даже городским шлюхам, которых не пускали на большинство общественных мероприятий, разрешалось заниматься их ремеслом в кустах у входа в театр, без страха преследования по закону.

Смуглый гид из Греческой Национальной Туристической Компании прекратил свое разглагольствование и скривил губы в довольной улыбке, глядя на шокированные выражения лиц женщин-туристок. «Всегда одно и то же, — подумал он. — Женщины смущенно перешептываются между собой, в то время как мужчины, одетые в шорты-бермуды и обвешанные экспонометрами и кинокамерами, смеются и многозначительно подмигивают друг другу».

Гид подкрутил конец своих великолепных усов и более внимательно посмотрел на группу. Там были обыкновенно толстые, отошедшие от дел

бизнесмены и их располневшие жены, которые созерцали руины не из интереса к истории, а ради того, чтобы поразить своих друзей и соседей. Его взгляд задержался на четырех молодых школьных учителях из Альгамбры, штат Калифорния. У троих были приятные открытые лица, они носили очки и постоянно хихикали. Четвертой была девушка, которая привлекла его внимание. Великолепные данные. Большая, выступающая вперед грудь, рыжие волосы, длинные ноги — как у большинства американок — и довольно стройные. Глаза, которые заинтриговывали и многое обещали. Позже — вечером — он пригласит ее на индивидуальную прогулку по руинам при свете луны.

Гид провел рукой по лацканам узкого пиджака и аккуратно расправил складочку.

Медленно, с профессионально отработанной небрежностью, он обвел взглядом задние ряды своей маленькой группы. Его взор непроизвольно задержался на двух мужчинах, которые с безразличием прислонились к упавшей колонне. Крепкая, видавшая виды злодейская парочка; ему еще не доводилось встречаться с такими типами. Коротышка с выпяченной грудью, очевидно, итальянец, больше напоминал обезьяну, чем человека. Высокий тип с проницательными зелеными глазами держался уверенно, в нем чувствовались сила и опыт; казалось, от него исходило предупреждение: «Осторожно, очень опасно». Гид снова подкрутил свои усы. Этот похож на немца. Большой любитель подраться, судя по повязкам на носу и на руках. Странно, очень странно, размышлял гид, почему эти двое решили совершить скучное путешествие по старым развалинам? Вероятно, это парочка моряков, сошедших с корабля. Да, так, наверное, оно и есть, самодовольно внушил себе гид.

— Этот театр был найден во время археологических раскопок в 1952 году, — продолжал гид, сверкая белыми зубами. — Он был погребен под многовековыми наносами с гор, и понадобилось два года, чтобы полностью откопать его. Пожалуйста, обратите внимание на геометрическую мозаику пола сцены. Он был выложен галькой естественных цветов. — Гид выдержал небольшую паузу, давая возможность экскурсантам полюбоваться цветным орнаментом потертых старых камней. — Теперь, если вы подниметесь вслед за мной по лестнице, что слева от вас, то мы совершим небольшую прогулку к следующему холму, где расположен Храм Посейдона.

Питт, разыгрывая роль и утомленного зрителя, симулировал изнеможение и опустился на ступени, глядя как остальная группа туристов поднимается по гранитной лестнице. Его часы показывали 4.30. Прошло ровно три часа с того момента, как они с Джордино оставили *Первую Попытку* и добрались до Лиминаса, присоединившись к группе туристов осматривавших античные

развалины. Теперь они с Джордино (маленький капитан нетерпеливо вышагивал по каменному полу возле него, сжимая небольшую летную сумку) подождали еще несколько минут, чтобы быть абсолютно уверенными, что группа продолжила экскурсию без них. Удовлетворенный тем, что их не заметили, Питт молча кивнул Джордино.

В сотый раз Питт дергал за раздражавшую повязку на груди, вспоминал о корабельном докторе и весело улыбался. Судовой врач, да и Ганн тоже, категорически отказывались дать ему разрешение покинуть корабль и вернуться на виллу фон Тилля. Но Питт продолжал настаивать, и, когда стало ясно, что он готов сразиться со всей корабельной командой и добраться до Лиминаса вплавь, старый доктор беспомощно развел руками и выбежал из каюты. Итак, плата за вино, когда они убивали время в маленькой таверне в ожидании начала экскурсии, была его единственным вкладом в поиск тайного хода на виллу. Все остальное делал Джордино. Это он мудрил и потел над огромным куском ржавчины, прикрепленным к гребному валу, пытаясь возродить его к жизни. Именно Джордино привел потрепанное разбитое корыто в порт Лиминаса. К счастью, никто не заметил пропажи старой лодки, не было разгневанного владельца или офицера местной полиции, ожидавших на берегу, чтобы наказать пиратов-янки за кражу лодки. Всего несколько минут потребовалось на то, чтобы привязать лодку на ее место и добраться пешком вдоль берега до главной части города. Питт, хотя и был уверен, что это пустая трата времени, прошел с Джордино целый квартал, чтобы посмотреть, не оставалась ли Афина все еще привязанной к угловому почтовому ящику. Ослика не было, но прямо через узкую улицу в аккуратном маленьком белом офисе с надписью, сделанной на английском языке, располагалось Греческое Национальное Туристическое Бюро. Все остальное оказалось просто; присоединившись к туристам, в чей маршрут входило посещение амфитеатра, и смешавшись с группой зрителей, можно было получить прекрасное прикрытие, чтобы добраться до лабиринта и незаметно найти вход в убежище фон Тилля.

Джордино вытер рукавом пот со лба.

— Взлом и проникновение внутрь среди бела дня. Неужели мы не можем подождать до темноты, как другие уважающие себя грабители?

— Чем скорее мы поймаем фон Тилля, тем лучше, — резко отозвался Питт. — Если его вывела из равновесия гибель Альбатроса сегодня утром, то самое невероятное, что он может ожидать — появление ясным днем воскресшего Дирка Питта.

Джордино мог легко почувствовать и увидеть жажду мести в глазах Питта. Ему вдруг припомнилось, как Питт медленно, изо всех сил

превозмогая боль, двигался по тропинке через руины, не проронив ни стона, ни жалобы. Он также видел огорчение и безнадежность, появившиеся на лице Питта, когда Ганн сказал об исчезновении таинственного самолета. Было что-то зловещее в мрачных чертах Питта и его застывшей сосредоточенности. Джордино пытался определить, что руководило Питтом: чувство долга или нездоровое стремление к возмездию.

— Ты уверен, что это верный путь? Может, было бы проще...

— Это единственный способ, — оборвал его Питт. — Ведь не кит же проглотил Альбатрос. Однако он исчез, не оставив ни обломка болта, ни одного винтика. Если мы установим личность пилота, это поможет нам связать много концов. У нас нет выбора. Только одни путь нам доступен — обследовать виллу.

— Я все же считаю, что нам следует взять взвод охранников с базы и ворваться через парадную дверь, — угрюмо сказал Джордино.

Питт посмотрел на него, затем через его плечо еще раз взглянул на лестницу. Он прекрасно знал, что ощущал Ал Джордино, потому что он чувствовал себя точно так же... неудовлетворенно, неуверенно, хватаясь за каждую ниточку, пусть даже самую маленькую, которая могла бы привести к ответу на странные события нескольких последних дней. Слишком многое зависело от следующего часа; смогут ли они незаметно пробраться на виллу, удастся ли найти данные против фон Тилля, играла ли Тери преднамеренную роль в схеме ее дяди, пока еще непонятной. Питт снова бросил взгляд на Джордино, увидел знакомые карие глаза, упрямый рот, сжатые кулаки, заметил все признаки напряженной умственной сосредоточенности; сосредоточенности на возможных опасностях, ожидавших их впереди. Нельзя было и мечтать о лучшем товарище в трудных обстоятельствах.

— Кажется, я никак не могу пробить твою твердолобость, — спокойно сказал Питт. — Это греческая территория. У нас нет никаких законных прав вторгаться в частную резиденцию. Я не могу не думать о проблемах, с которыми столкнется наше правительство, если мы взломаем дверь фон Тилля. Сейчас, если нас задержат греческие власти, мы можем прикинуться членами экипажа *Первой Попытки,* которые забрались в подземный тоннель, чтобы спокойно проспаться в тени. Они купятся на это, у них нет причин, чтобы не поверить.

— Вот почему мы не захватили никакого оружия?

— Ты угадал, нас могут застигнуть, и нужно предотвратить возможные осложнения. — Питт остановился возле осыпающейся арки. Металлическая решетка казалась другой при дневном свете, не такой массивной и неприступной, как он запомнил ее. — Вот это место, —

сказал он, касаясь пальцами пятен засохшей крови на одном из массивных столбов.

— Ты протиснулся здесь? — недоверчиво спросил Джордино.

— Это ерунда, — ответил Питт, широко улыбаясь. — Всего лишь одно из моих многочисленных достоинств. — Улыбка быстро исчезла. — Поспеши, у нас не так много времени. Следующая экскурсия появится здесь минут через сорок пять.

Джордино подошел к массивным столбам и через несколько секунд превратился в человека, поглощенного трудной и ответственной работой, которую ему предстояло сделать. Он открыл лётную сумку и осторожно вытащил содержимое, разложив его в определенном порядке на старом полотенце. Он быстро приладил два маленьких заряда взрывчатки вокруг одного столба, расположив их в сорока сантиметрах друг от друга, вставил запал и плотно обернул каждый заряд несколькими слоями металлической ленты. Затем он обмотал толстой проволокой каждый из этих двух выпуклых стержней и после всего обернул проволоку несколькими слоями плотной клейкой ленты. Посмотрев на заряды, помещенные в толстую оболочку, как в коконы, он присоединил провода к детонатору. Джордино был явно доволен своей работой, на всю операцию от начала до конца ушло менее шести минут; он махнул Питту, чтобы тот отошел в безопасное место к толстой опорной стене. Джордино начал медленно пятиться назад, разматывая провода, идущие от детонатора к зарядам. Около стены Питт схватил его за руку, чтобы привлечь внимание.

— Взрыв далеко будет слышен?

— Если я все сделал правильно, — ответил Джордино, — он прозвучит не громче, чем хлопушка для того, кто находится метрах в тридцати от нее.

Питт взобрался на нижний выступ стены и внимательно осмотрел все кругом. Не заметив никаких признаков человеческого присутствия, он, улыбаясь, кивнул Джордино.

— Я надеюсь, проникновение без приглашения через служебный вход не унизит твоего достоинства.

— Мы, Джордино, весьма либеральны, — ответил он, улыбнувшись Питту.

— Приступим?

— Если ты настаиваешь.

Они оба растянулись под выступом старой стены, ухватившись руками за нагретые солнцем камни, чтобы их не отбросило взрывной волной.

Затем Джордино крутанул маленький пластмассовый выключатель на детонаторе.

Даже на таком маленьком расстоянии в три или четыре метра взрыв показался не более чем глухим звуком. Земля не содрогнулась, не было черных клубов дыма или вырывавшихся языков пламени возле арки, не было оглушающего грохота, от которого заложило бы уши, только тихий неопределенный глухой звук.

Осторожно, в тишине, наполненной ожиданием, они поднялись на ноги и подошли к железным воротам. Два комка проволоки и ленты были разодраны в клочья и продолжали тлеть, распространяя едкий запах, напоминавший подгоревшее печенье. Маленькая струйка дыма извивалась, как змеиный хвост между решеткой, и исчезала в сырой темноте внутреннего тоннеля. Столб продолжал стоять на месте.

Питт вопросительно посмотрел на Джордино:

— Удар был недостаточный?

— Все в порядке, — уверенно сказал Джордино. — Заряды были как раз такого размера, чтобы справиться с этой работой. Смотри. — Он легонько ударил по столбу ногой. Тот не шелохнулся, остался прочно стоять. Он ударил по нему снова, гораздо сильнее, его губы скривились от острой боли, пронзившей пятку. Верхняя часть столба обломилась, его зазубренный неровный конец стал изгибаться внутрь, пока не упал в горизонтальном положении. Довольная улыбка появилась на лице Джордино, обнажив зубы. — А теперь для моего следующего трюка...

— И не думай, — перебил его Питт. — Давай приниматься за дело. Нам нужно добраться до виллы и вернуться назад, чтобы успеть присоединиться к следующей экскурсии.

— Сколько нам понадобится времени, чтобы добраться туда?

Питт уже перебрался через пролом в ограде:

— Прошлой ночью мне потребовалось восемь часов, чтобы выбраться, а мы сможем уложиться в восемь минут.

— Каким образом, разве у тебя есть карта?

— Кое-что получше, — спокойно, почти торжественно сказал Питт, указывая на летную сумку. — Передай мне фонарь.

Джордино залез в сумку, вытащил большой желтый фонарь, около двадцати сантиметров в диаметре, и передал его в пролом,

— Он очень большой. Для чего он?

— Это подводный фонарь. Водонепроницаемый алюминиевый корпус позволяет ему выдерживать давление на глубине до тридцати метров. Мы не собираемся погружаться под воду, но он светит ярким тонким лучом мощностью в сто тысяч свечей. Вот почему я прихватил его с корабля.

Джордино больше ничего не сказал, пожал плечами и проскользнул между столбами в тоннель следом за Питтом.

— Подожди секунду, пока я уничтожу следы.

Руки Джордино проворно размотали разорванные оболочки, спрятав тлеющие остатки под грудой древних обвалившихся камней, затем он повернулся к Питту и сощурил глаза, пока они не привыкли к темноте.

Питт направил луч света в темноту.

— Посмотри сюда, на землю. Видишь, почему я не нуждаюсь в услугах подробной карты?

Мощный луч света высветил разорванную цепочку засохших и запекшихся пятен крови, которые вели вниз по неровной лестнице. Питт спускался по ступеням с дрожью, не столько из-за вида своей застывшей крови, сколько из-за резкого перепада температуры — на улице стоял полуденный зной, а здесь сырой холод темного лабиринта. В тоннеле он пошел быстрее, тени от фонаря прыгали по полукруглому, выбитому в камне потолку и спускались к грубому полу. Одиночество и страх, которые окружали его здесь прошлой ночью, исчезли. Ведь сейчас рядом с ним находился Джордино, давний испытанный друг, комок железных мускулов. Не поздоровится тому, кто попытается остановить их в этот раз, гордо подумал он.

Поворот за поворотом, как зияющие в темноте рты, открывались перед ними. Питт постоянно смотрел на пол, следя за темно-красными пятнами. Там, где пересекались несколько отверстий, он резко останавливался, изучая следы. Если кровавый след тянулся в тоннель, а потом возвращался, значит, там был тупик. Он шел по одинокому кровавому следу. Все его тело ныло, а глаза смутно различали внешние очертания стен и пола; плохой признак. Его одолевала крайняя усталость, и каждый кончик его нерва ощущал это. Питт споткнулся и едва не упал, но Джордино крепко схватил его за руку и удержал.

— Расслабься, Дирк, — решительно произнес Джордино. Эхо глухо повторило его голос. — Не надо слишком усердствовать. Ты же не собираешься играть всеамериканского героя.

— Уже недалеко, — хрипло произнес Питт. — Собака должна лежать где-то через два поворота.

Но тела собаки не было. Только большие кровавые пятна остались там, где огромное белое животное встретило свою смерть. Питт молча уставился на эти пятна. Тяжелый запах крови заполнял коридор, смешиваясь с затхлой атмосферой подземелья. Он живо припомнил атаку: сверкнувшие глаза собаки, прыжок в темноте, нож, вонзившийся в мягкую плоть и предсмертный вой животного.

— Пойдем, — мрачно сказал Питт, вся его слабость прошла. — Вход должен быть метрах в тридцати.

Они продвигались в черной глубине горы. Питту уже больше не нужно было искать кровавый след; он прекрасно помнил эти стены и пол и был совершенно уверен, что может найти дверь без света и в абсолютной темноте. Луч света задрожал в его руке, когда они шагнули в часть коридора современной постройки.

Неожиданно фонарь высветил массивную дверь, яркий круг свеча уперся в нее.

— Вот она, — тихо прошептал Питт. сдерживая дыхание.

Джордино обошел его и опустился на колени, обследуя внутреннее крепление двери. Он не тратил времени зря, его пальцы уже нащупали небольшую трещину, отделявшую дверь от дверной коробки.

— Черт возьми, — прошептал он.

— Что такое?

— Большая щеколда на той стороне. У меня нет инструментов, чтобы отодвинуть ее отсюда.

— Попробуй петли, — прошептал Питт. Он направил свет на противоположную часть двери. Но прежде чем он успел сказать это, Джордино уже достал отвертку из летной сумки и начал выворачивать длинные шурупы из их заржавевших гнезд.

Джордино осторожно положил длинные шурупы на пол и помог Питту приоткрыть дверь. От их нажатия она бесшумно отворилась, всего на три сантиметра. Питт выглянул в расширившееся отверстие, внимательно осмотрел все кругом; но никого не было видно и не слышно, ни звука, кроме их собственного дыхания.

Питт отодвинул дверь в сторону, прошел через балкон, раскаленный солнцем, и поспешил к лестнице. Он знал, что Джордино следует за ним по пятам. Дверь в кабинет была открыта, шторы внутри колыхались от легкого морского бриза. Он прильнул к стене, прислушиваясь к звукам. Прошло несколько секунд, затем минута. В кабинете было тихо. Никого

нет дома, подумал он, или если они дома, то где-то в дальнем конце. Питт глубоко вздохнул и быстро шагнул внутрь комнаты.

Кабинет казался совершенно пустым. Он был в точности таким, каким Питт запомнил его: колонны, классическая мебель, бар. Его глаза скользнули по комнате, остановившись на полке, где находилась модель подводной лодки. Вырезанные из темно-красного дерева корпус и боевая рубка отражали ровный блеск. Каждая деталь — от заклепок до маленького военно-морского флага Германской империи — казалась настолько реальной, что у Питта даже возникло ощущение, что из люка вот-вот появится миниатюрный экипаж и займет позицию у палубного орудия.

Тщательно выписанные номера на одной стороне боевой рубки свидетельствовали о том, что это была U-19, родная сестра той подводной лодки, что потопила «Лузитанию».

Питт резко отвернулся от модели, когда пальцы Джордино сильно сжали его запястье и голова Джордино склонилась к его голове.

— Мне показалось, я что-то услышал, — его голос был, как дыхание.

— Где? — шепотом спросил Питт.

— Я не уверен, я не понял точно, откуда это, — Джордино вытянул шею, прислушиваясь. Затем пожал плечами. — Наверное, показалось.

Питт снова повернулся к модели субмарины.

— Ты не помнишь номер подводной лодки времен первой мировой, которая затонула недалеко отсюда?

Джордино на мгновение задумался.

— Да... Это была U-19. А почему ты спрашиваешь?

— Я позже тебе объясню. Пошли, Ал, давай убираться отсюда поскорей.

— Мы только что пришли, — возразил Джордино, повысив голос до шепота.

Питт кивнул на модель:

— Мы нашли, что искали...

Вдруг он застыл неподвижно, напряженно прислушиваясь, его рука подала молчаливый знак Джордино.

— Здесь кто-то есть, — тихо выдохнул Питт. — Разделимся и обойдем вокруг к дальнему концу комнаты, к той второй колонне. Я пройду вдоль окон.

Джордино молча кивнул. Он даже не повел бровью.

Через минуту их осторожные шаги сошлись у длинной софы с высокой спинкой. Оба осторожно подкрались и заглянули через спинку.

Питт стоял неподвижно, не проронив ни слова, казалось, он прирос к ковру. Он стоял там целую вечность, как показалось Джордино, его мозг пытался оправиться от шока при виде мирно спящей на софе Тери. Но прошла не вечность, а каких-то пять секунд, прежде чем Питт начал действовать.

Тери лежала, свернувшись калачиком, ее голова покоилась на большом изогнутом подлокотнике, а длинные черные волосы едва не касались пола. На ней был длинный красный пеньюар с широкими рукавами, который укрывал ее тело от шеи до ступней; через прозрачный материал дразняще просвечивал черный треугольник внизу ее живота и розовые круглые груди. Питт достал свой носовой платок и засунул ей в рот прежде чем Тери успела проснуться. Затем он схватил за низ ее пеньюара, рванул его вверх и завязал вокруг ее рук. Тери, очнувшись, начала оказывать сопротивление, но было слишком поздно. Прежде чем она смогла осознать, что произошло, Джордино перебросил ее через плечо и вынес на залитый солнцем балкон.

— Ты, наверное, совсем с ума сошел, — разъяренно ворчал Джордино, когда они спускались по лестнице. — Все это хлопоты только ради того, чтобы поглазеть на игрушку и украсть девчонку?

— Помолчи и иди, — ответил Питт, не оборачиваясь. Он отодвинул в сторону дверь, ведущую в лабиринт, чтобы Джордино мог пройти первым со своим брыкающимся грузом. Потом Питт надел дверь на петли, прежде чем вставить болты.

— Зачем возиться с этой дверью? — нетерпеливо спросил Джордино.

— Нужно, чтобы нас не обнаружили, — откликнулся Питт, хватая летную сумку. — Я хочу, чтобы фон Тилль оставался в неведении как можно дольше. Держу пари, он обнаружил, что я был ранен собакой, и думает, что я заблудился в этом бесконечном лабиринте и уже умер от потери крови.

Питт быстро повернулся и побежал по тоннелю, направляя луч света ниже, чтобы Джордино, согнувшийся под свой сопротивляющейся ношей, мог видеть, куда наступает. Толстое покрывало темноты, разрываемое маленьким островком света, быстро приподнималось при их появлении и затем опускалось, снова погружая лабиринт в вечную ночь. Шаг за шагом они продвигались по бесконечному лабиринту. Они двигались по неровному каменному полу, их шаги гулко отдавались в темноте.

Питт шагал впереди, крепко сжимая в руках фонарь и летную сумку, только смутное ощущение тревоги трепетало у него в груди. Он шел быстро, без предосторожностей, не ожидая неприятностей, его переполняло странное внутреннее чувство, убежденность человека, который совершил невозможное. Я на пути к секрету фон Тилля, и я захватил его племянницу, снова и снова повторял про себя Питт. Но иногда томительный оттенок страха проскальзывал у него в мозгу.

Через пять минут они добрались до лестницы. Питт отступил в сторону, освещая ступени, чтобы Джордино поднялся первым. Затем он повернулся и направил свет в тоннель, бросив туда прощальный взгляд, его лицо помрачнело, он подумал, что может, только нескольким мужчинам и женщинам посчастливилось выбраться из этого проклятого лабиринта. Никто наверняка никогда не узнает полную историю подземелья, подумалось ему. Остались только призраки тех, чьи тела давно превратились здесь в прах. Его губы скривились и он отвернулся. Не оглядываясь, Питт в последний раз пробежал по ступеням до верхней площадки, почувствовав огромное облегчение при виде солнечного света. Он уже собрался было пролезть между столбами решетки, когда смутно осознал, что Джордино застыл как-то неестественно спокойно с Тери на плече, и вдруг услышал громкий презрительный хохот возле арки:

— Мои восторженные комплименты, джентльмены, вашему восхитительному вкусу в выборе сувениров. Однако я считаю своим гражданским долгом предупредить вас, что воровство ценных объектов с исторических мест категорически запрещено греческими законами.

10

Питт застыл, в то же время его мозг работал с молниеносной скоростью, пытаясь оправиться от шока. Он так и остался стоять там, одной ногой наружу, другая была неуклюже согнута на ступени тоннеля; этот миг показался ему длиной в целую жизнь. Он догадался опустить фонарь и летную сумку позади себя на лестницу и заморгал, ожидая, пока его глаза привыкнут к яркому солнечному свету: он едва мог различить неясную, бесформенную тень, которая отошла от небольшого камня и двигалась перед ним.

— Я… я не понимаю, — пробормотал Питт глупо, пытаясь изобразить дурачка. — Мы не воры.

Снова оглушающий хохот. И неясная фигура обрела очертания гида Греческой Национальной Туристической Компании, с широкой белозубой улыбкой под пышными усами; смуглая рука сжимала девятимиллиметровый автоматический пистолет, нацеленный прямо в грудь Питта.

— Не воры, — с сарказмом произнес гид на чистейшем английском. — Тогда похитители, вероятно?

— Нет, нет, — оправдывался Питт, в его голосе слышалась дрожь. — Мы два одиноких моряка, которые оказались на берегу и решили немного поразвлечься. — Он подмигнул и улыбнулся многозначительной улыбкой. — Ну вы понимаете.

— Да, я прекрасно понимаю. — Пистолет оставался неподвижным. — Вот поэтому вы и арестованы.

Питт почувствовал себя так, словно получил удар в живот ниже пояса, во рту появилась сухость и горечь поражения. Господи, это даже хуже, чем он ожидал: это может оказаться концом всего; судебное разбирательство и затем выдворение из страны. Он сохранял глупое, туповатое выражение лица. Затем он шагнул вперед, в проход, отчаянно жестикулируя руками.

— Вы должны поверить мне. Мы никого не похищаем, посмотрите, — сказал он, показывая на выступающий голый зад Тери. — Эта женщина — деревенская проститутка, которую мы встретили в свинарнике, возле таверны. Она сказала, чтобы мы пошли на экскурсию к развалинам, и обещала встретиться с нами в амфитеатре.

Гид, казалось, смутился. Он протянул свободную руку и пощупал материал пеньюара Тери, затем кончиками пальцев скользнул по ее гладким округлым ягодицам, вызвав дрожь, пробежавшую по ее ногам.

— Скажите мне, — медленно спросил он, — сколько она попросила?

— Сначала она попросила две драхмы, — сердито сказал Питт. — Но после всех игр и развлечений она пыталась получить с нас еще двадцать драхм. Мы, конечно, отказались платить.

— Конечно, — монотонно повторил гид.

— Он говорит правду, — прорвался Джордино, он произносил слова медленно, словно нехотя. — Это дешевая проститутка — воровка, а не мы.

— Мастерский спектакль, — съехидничал гид. — Какая жалость, что аудитория слишком малочисленна. Мы, греки, ведем простую, мирскую жизнь по сравнению с вашей в развитых станах, но мы не совсем уж такие тупые. — Он показал пистолетом в сторону Тери. — Эта девушка не дешевая проститутка. Дорогая, может быть, но уж никак не дешевая. Ее кожа также говорит о том, что вы лжете. Она слишком белая. Наши девушки с острова славятся смуглой загорелой кожей и пышными бедрами, а у этой они слишком узкие.

Питт ничего не ответил, он внимательно смотрел на гида, ожидая развязки. Он знал, что любое движение с его стороны может привести Джордино к моментальному действию. Грек казался опасным мужчиной, ловким и внимательным, но не было и намека на враждебность с его стороны, которую Питт смог бы сразу заметить в темном, загорелом на солнце лице.

Гид повернулся к Джордино.

— Освободите девушку, дайте посмотреть на другую часть ее тела.

Джордино, не спуская глаз с Питта, медленно подхватил Тери и аккуратно опустил ее с плеча на землю. Она покачивалась какое-то мгновение, не обретя еще равновесия, руки были связаны; она напоминала огромный тюльпан на ветру, пока Джордино не развязал пеньюар на груди Тери. Как только она оказалась свободной, Тери вытащила изо рта кляп и уставилась на Джордино сверкающими от гнева глазами.

— Ты, грязная скотина, — прокричала она, — что все это значит?

— Это была не моя идея, милочка, — сказал Джордино, его брови немного приподнялись, — поговори со своим другом, вон там. — Он показал большим пальцем на Питта.

Ее голова повернулась к Питту, она открыла рот, пытаясь что-то сказать, но слова застряли у нее в горле. В огромных карих глазах промелькнуло удивление, затем с огромной быстротой удивление сменилось ледяной холодностью, а потом в них сверкнула радость и теплота. Тери обняла Питта и пылко поцеловала. Слишком пылко для такой ситуации, подумал он.

— Дирк, это действительно ты, — прошептала она. — Там, в темноте, твой голос… я не совсем была уверена. Я думала, ты… я думала, что больше никогда не увижу тебя.

— Кажется, — сказал он с улыбкой, — наши встречи становятся бесконечным, постоянным источником сюрпризов.

— Дядя Бруно сказал, что ты мне даже не позвонишь.

— Не верь тому, что он сказал.

Тери осторожно коснулась повязки на его носу:

— Ты ранен. — В ее голосе прозвучали нотки сочувствия и сожаления. — Это сделал дядя Бруно? Он угрожал тебе?

— Нет, я поднимался по ступенькам, споткнулся и упал, — ответил он, слегка искажая правду. — Вот и все, что произошло.

— Что все это значит? — с раздражением спросил гид. Его рука с пистолетом начала опускаться. — Не будет ли молодая леди так любезна назвать свое имя?

— Я племянница фон Тилля, — вспыльчиво ответила она. — И вообще, вас это не касается.

Грек издал короткое восклицание и сделал пару шагов вперед, внимательно всматриваясь в лицо Тери. Он почти полминуты вглядывался в ее лицо, затем медленно и осторожно снова приподнял пистолет, все еще направленный на Питта. Он несколько раз подергал свои усы, задумчиво кивая головой.

— Вы, может быть, и говорите правду, — спокойно произнес он, — но вы с таким же успехом можете и солгать, чтобы выгородить этих мерзавцев.

— Ваши смешные намеки не имеют никакого значения. — Тери гордо подняла свой подбородок, при этом чуть выпятив грудь. — Я требую, чтобы вы убрали свой отвратительный пистолет и оставили нас одних. Мой дядя имеет огромное влияние среди властей острова. Одно его слово — и вы проведете остаток своей жалкой жизни далеко отсюда, может, даже в тюрьме на материке.

— Я прекрасно осведомлен о влиянии Бруно фон Тилля, — спокойно ответил гид. — К сожалению, это не произвело на меня должного впечатления. Окончательное решение в отношении вашего ареста или освобождения всецело зависит от моего начальника в Панагии, инспектора Закинтаса. Он жаждет встретиться с вами. Любая ложь с вашей стороны — и ваше будущее представляется мне довольно жалким. А теперь вы не спеша обойдете стену и увидите тропинку, которая метров через шестьсот приведет к поджидающему вас автомобилю. — Он перевел пистолет с Питта на Тери. Предупреждаю, джентльмены, оставьте всякие помыслы о глупых движениях. Если я замечу хоть легкий тик на лице у одного из вас, я тут же всажу пулю в голову этого нежного и изящного создания. Итак, двигаемся?

Через пять минут они добрались до автомобиля; черный «Мерседес» стоял неприметно в рощице фиговых деревьев. Водительская дверца была распахнута, и мужчина, одетый в чистый белоснежный костюм, привычно сидел за рулем, выставив одну ногу из машины на землю. При их появлении он поднялся и распахнул заднюю дверцу.

Питт внимательно посмотрел на мужчину. Контраст между аккуратно сшитым белым костюмом и темным уродливым лицом был слишком разительным. Мужчина был сантиметров на пять выше Питта, он напоминал высеченного из камня колосса, такого же прочного и величественного. У него были такие огромные плечи, какие Питту еще не приходилось видеть, и весил он не менее ста восьмидесяти

килограммов. Лицо было с неправильными чертами и поразительно отталкивающим; и все же в нем была своеобразная красота; тот тип мужественности, который художники обычно пытаются запечатлеть на холсте. Питт был довольно опытной личностью, он мог сразу определить в нем человека, не имеющего склонности к убийству. Его дороги много раз пересекались с привлекательными негодяями, для которых убийство было обыкновенным делом.

Гид отступил назад и обошел вокруг автомобиля. Он кивнул шоферу.

— У нас гости, Дариус. Трое маленьких козлят, которые заблудились. Мы доставим их к инспектору Закинтасу. Пусть они разыграют свою сценку перед ним. Он повернулся к Питту:

— Вам понравится компания инспектора; он превосходный слушатель.

Дариус спокойно указал на заднее сиденье.

— Вы, двое, туда, а девушка сядет впереди.

Его голос был таким, как и ожидал Питт — низким и хриплым.

Питт откинулся на спинку сиденья и проанализировал дюжину различных вариантов побега, причем, каждый последующий имел меньше шансов на успех, чем предыдущий. Гид буквально держал их за яйца, пока с ними была Тери. Без нее, подумал он, они с Джордино смогли бы найти способ взять вверх над гидом и завладеть его пистолетом. Была, конечно, и еще одна возможность, если бы они предприняли попытку, гид ни за что бы не отважился выстрелить в женщину, но Питт не собирался рисковать жизнью Тери ради побега. Гид поклонился с наигранной учтивостью.

— Будь джентльменом, Дариус, предложи очаровательной молодой даме свой пиджак. Её… хмм… выступающие прелести могут вызвать смущение окружающих и сбить их с толку, когда мы поедем.

— Не беспокойтесь, — презрительно отозвалась Тери. — Я не одену этот обезьяний пиджак. У меня нет ничего такого, что я должна прятать. Кроме того, мне доставит большое удовольствие видеть, как будет извиваться от неудобства такой жирный червяк, как вы.

Глаза у гида вспыхнули от злости, но он слегка улыбнулся и пожал плечами.

— Как пожелаете.

Тери приподняла пеньюар, плотно прижав его к бедрам, и села в машину. Гид сел рядом с ней, зажав ее между собой и неуклюжим Дариусом, который ссутулился над рулем. Затем двигатель «Мерседеса» заработал, и автомобиль двинулся по узкой, извилистой дороге,

покрытой глубокими рытвинами и колдобинами. Блестящие глаза гида перебегали с Питта на Джордино и обратно, при этом ни разу, даже невзначай, не взглянув на сидящую рядом Тери. Его напряженная бдительность и неослабевающая сосредоточенность, как показалось Питту, граничили с чрезмерным фанатизмом.

Питт, внимательно наблюдая за любой негативной реакцией гида, медленно достал сигарету из нагрудного кармана и также медленно прикурил её.

— Скажите, как вас зовут?

— Поликлитас Анаксамандр Зено, — представился гид. — К вашим услугам.

— Скажите, — снова спросил Питт, не пытаясь повторить полное имя Зено, — как получилось, что вы вернулись назад к лабиринту, когда мы выбрались оттуда?

— У меня любознательная натура, — ответил Зено с улыбкой. — Когда я заметил, что вы с другом таинственно исчезли во время экскурсии, я спросил себя: что эти два кажущихся угрюмыми человека ищут среди развалин, что могло так заинтересовать их? Мой скромный разум не находил ответа, поэтому я передал свою группу зевак молодому гиду и вернулся к амфитеатру. Вас нигде не было видно. Затем я обнаружил сломанный столб в ограде… никакой ловкости здесь не потребовалось, уверяю вас. Я знаю каждый камень и трещину в этом месте. Уверенный, что вы появитесь, я сел и стал ждать. Все просто.

— Но вы могли оказаться в идиотском положении, если бы мы не появились.

— Это был только вопрос времени. Другого выхода из Преисподней Подземного Царства нет.

— Преисподняя Подземного Царства? — пробудилось вдруг любопытство Питта. — Почему вы так называете тоннель?

— Я нахожу ваш внезапный интерес к археологии совершенно неожиданным. Однако, раз вы спрашиваете… — Во взгляде Зено проскользнуло замешательство, смесь удивления и смущения. — Во время золотого века Греции наши предки производили свои судебные разбирательства в амфитеатре. Это место было выбрано потому, что в состав судей входили сто избранных горожан. Их убеждение, и довольно мудрое, состояло в том, что чем больше людей вершат правосудие, тем более справедливым будет приговор. В случае очевидных улик, когда обвиняемый признавался виновным, ему давали возможность выбора немедленной казни или преисподней подземного царства.

— А что такого страшного было в преисподней? — спросил Джордино и посмотрел на отражение лица Дариуса в боковом зеркале.

— Преисподняя в действительности была не преисподней, — продолжал Зено, — а довольно обширным подземным лабиринтом с сотней различных галерей, и только двумя отверстиями, входом и скрытым выходом, который тщательно хранили в секрете.

— По крайней мере, осужденному давали возможность выбраться на свободу. — Питт стряхнул пепел в пепельницу, вмонтированную в боковую дверцу машины.

— Выбора не было, как могло показаться с первого взгляда. Видите ли, в лабиринте обитал голодный лев, которому перепадало мало пищи, за исключением, конечно, приходивших иногда преступников.

Наигранное спокойствие Питта исчезло, и его лицо помрачнело, но он быстро взял себя в руки. Образ фон Тилля с самодовольной ухмылкой снова возник в его воображении. Почему же старый немец, размышлял он, использует исторические факты, чтобы прикрывать свои загадочные планы? Возможно, эта склонность к драматизму поможет найти брешь в доспехах фон Тилля. Питт откинулся назад и глубоко затянулся сигаретой.

— Завораживающий миф.

— Уверяю вас, это не миф, — серьезно произнес Зено. — Количество приговоренных греков, которые погибли в преисподней подземного царства и чьи крики разносило эхо по темным тоннелям, бесконечно. Даже в последние годы, до того как вход был загорожен, несколько человек заблудилось в лабиринте и исчезло, их поглотила неизвестность. Не было ни одного случая счастливого спасения.

Питт выбросил окурок в открытое окно на проезжую часть. Он посмотрел на Джордино, затем более внимательно на Зено. Самодовольная усмешка промелькнула на его лице и превратилась в широкую улыбку.

Зено изумленно уставился на Питта. Затем он непонимающе пожал плечами и показал жестом Дариусу направление движения. Дариус кивнул в ответ, и через несколько секунд «Мерседес» свернул на главную дорогу. Колеса заскользили по улице с двусторонним движением. Деревья, выстроившиеся в ряд, как часовые, мелькали мимо, покрытые зелеными и пыльными листьями. Воздух становился прохладнее, и развернувшись на сидении, Питт мог наблюдать, как лучи заходящего солнца скрывались за голой, безлесой вершиной Гипсариона, самой высокой точкой на острове. Он припомнил прочитанное где-то, что греческий поэт, описывая природу Тасоса,

сравнивал остров со спиной дикого осла, покрытой дикой шерстью. Хотя описание было сделано двадцать веков назад, подумал Питт, но оно остается справедливым и сегодня.

Вскоре Дариус притормозил, и «Мерседес» поехал медленнее. Он снова повернул. На этот раз шины автомобиля заскользили по неровной проселочной дороге, которая вела прямо в лесистое ущелье.

Питт пытался разгадать, почему Дариус оставил главную дорогу, не доехав до Панагии, он также никак не мог понять, почему Зено играл роль вооруженного секретного агента вместо дружелюбного туристического гида. Знакомое старое чувство опасности снова навалилось на плечи Питта, и он ощутил непроизвольное беспокойство.

«Мерседес» сильно накренился на крутом спуске, медленно поднялся по длинному подъему и въехал в большое, похожее на амбар здание через ворота, которые были приспособлены для проезда тяжелых грузовиков с высокими фургонами. Обветренные стены деревянного сооружения были покрыты остатками серо-зеленой краски, вздувшейся и облупившейся под жарким Эгейским солнцем. В одно мгновение, прежде чем машина заехала внутрь и была окутана мраком. Питту удалось мельком увидеть надпись из черных поблекших букв на немецком языке. Затем, когда Дариус заглушил двигатель, он услышал звук ржавых роликов, закрывавших за ними ворота.

— Греческое Международное Туристическое Бюро, должно быть, располагает весьма жалкими средствами, если это самое лучшее, что они могли наскрести для своего офиса, — язвительно заметил Питт, разглядывая пустое и запыленное помещение.

Зено изобразил подобие улыбки. Это была улыбка, от которой сердце Питта учащенно забилось, словно невидимые тиски сжали его, мешая ритмичной работе. Внутренний холодок охватил Питта, неся с собой ощущение провала, подтверждение того, что он каким-то образом сыграл на руку фон Тиллю.

Питт был прекрасно осведомлен о том, что гиды ГМТБ не носят оружия и не имеют права производить вооруженный арест. Он также знал о том, что гиды перемещались по острову в обклеенных рекламами и ярко раскрашенных автобусах «Фольксваген», а не в черных «Мерседесах-седанах». Драгоценное время бежало быстро. Им с Джордино нужно действовать, и как можно скорее.

Зено распахнул заднюю дверцу и отступил назад. Он слегка поклонился и сделал приглашающий жест оружием.

— Пожалуйста, помните, — строго произнес он, — без глупостей.

Питт вылез из автомобиля и повернулся, предложив руку Тери через открытую переднюю дверь. Она соблазнительно взглянула на него, легонько сжав его руку, и медленно соскользнула со своего сиденья. Затем быстро, прежде чем Питт сумел отреагировать, она обхватила его за шею и наклонила к себе его голову. Глаза у Питта широко распахнулись от удивления и неожиданности, когда она вызывающе покрыла поцелуями его лицо.

«Вот уж действительно, — подумал Питт с особенным наслаждением, — неважно, какой холодной и неестественной она может быть в жизни, но стоит показать женщине опасность или побывать с ней в приключении, как она сразу же меняется. Какая жалость, она сгорает от желания, но сейчас совсем неподходящее время и место». Он с трудом оторвал ее от себя.

— Позже, — пробормотал он, — когда мы встретимся дома.

— Очень возбуждающая интимная сцена, — нетерпеливо процедил Зено. — Пойдемте, инспектор Закинтас очень быстро теряет терпение, когда его заставляют ждать.

Зено шел шагах в пяти впереди группы, держа пистолет наготове. Дариус замыкал шествие, пока они продвигались по длинному, как футбольное поле, зданию, поднимались по шатким деревянным ступеням, ведущим в коридор, по обеим сторонам которого размещалось несколько дверей. Дариус остановился у второй двери слева и толкнул её, жестом приглашая Питта и Джордино войти внутрь. Тери собралась проследовать за ними, но была внезапно остановлена сильной рукой.

— Не ты, — промычал Дариус.

Питт резко обернулся, его лицо перекосилось от злости.

— Она останется с нами, — твердо сказал он.

— Нет необходимости разыгрывать героя-спасителя, — спокойно сказал Зено, стараясь сохранить серьезное выражение лица. — Я вам обещаю, ей не причинят никакого вреда.

Питт изучающе вгляделся в лицо Зено, не находя в нем признаков вероломства. По какой-то необъяснимой причине Питт испытывал определенное доверие к своему похитителю.

— Я полагаюсь на ваше слово, — произнес он.

— Не беспокойся, Дирк. — Тери бросила ледяной взгляд на Зено. — Как только этот глупый инспектор, кто бы он ни был, узнает, кто я, мы все будем свободны.

Зено проигнорировал её слова и кивнул Дариусу.

— Охраняй наших друзей здесь. Будь внимателен. Я подозреваю, что они очень коварны.

— Я буду начеку, — уверенно пообещал Дариус. Он подождал пока Зено и Тери, ступавшая босиком по грязному полу, скрылись. Затем он закрыл дверь и лениво прислонился к ней, скрестив руки на своей необъятной груди.

— По правде говоря, — произнес Джордино, впервые раскрыв рот за все время путешествия, — я бы предпочел апартаменты в отеле «Сан-Квентин». Его взгляд остановился на Дариусе. — Там, по крайней мере, тараканы не таких королевских размеров.

Питт улыбнулся колкому замечанию Джордино в адрес Дариуса и осмотрел комнату, подмечая каждую деталь. Комната была маленькая, метра два с половиной на три. Стены были сделаны из перекосившихся досок, грубо приколоченных к кривым стойкам, слабым и тонким, неравномерно расположенным внутри помещения. В комнате не было ни окон, ни какой-либо мебели; свет проходил через большие горизонтальные щели в стенах и круглое отверстие в потолке.

— Если бы мне предложили угадать, — произнес Питт, — я бы сказал, что это место раньше было пустым пакгаузом.

— Вы недалеки от истины, — отозвался Дариус. — Немцы использовали это сооружение для артиллерийского склада, когда оккупировали остров в 1942 году.

Питт достал сигарету и прикурил её. Если предложить Дариусу сигарету, то эта скотина сразу же насторожится. Вместо этого Питт сделал шаг назад и начал подбрасывать зажигалку в воздух, с каждым разом подбрасывая её всё выше, пока не заметил, что Дариус следит за ней из своего угла одним глазом. Первый, второй, четвертый раз зажигалка взлетала в воздух. В пятый раз она проскочила мимо пальцев Питта и упала на пол. Он глупо дернул плечом и нагнулся, чтобы подобрать её.

Питт атаковал Дариуса сильнее, чем он когда-либо атаковал защитника или полузащитника, играя в регби во время учебы в Академии военно-воздушных сил; согнув спину и наклонившись вперед, он втянул голову в плечи, как бык перед боем, и, крепко упершись ногами в грубый деревянный пол, немного отклонился назад всей своей девяностокилограммовой массой. В следующее мгновение он выпрямился и рванулся вперед, ударив головой в незащищенный живот Дариуса, чуть выше ремня. Было похоже, что он на полной скорости ударился о кирпичную стену, и Питт едва не задохнулся от шока: он чувствовал себя так, словно сломал себе шею.

В терминологии американского футбола это называется затяжным блоком, он мог отправить неподготовленного человека на госпитальную койку — другие обычно оставались некоторое время беспомощно валяться на земле, — все другие, но не Дариус. Гигант просто хрюкнул, слегка согнулся от сильного удара и схватил Питта за предплечья, оторвав его от пола.

Питт оцепенел. Шок и резкая боль в руках и шее заставили его застонать, его поразило, что этот человек смог не только выдержать такой удар и устоять на ногах, но и отмахнуться от него, как от легкого шлепка. Дариус прижал его к стене, медленно сгибая тело Питта вокруг выступающей стойки, боль становилась невыносимой. Питт стиснул зубы и всматривался в бесстрастное лицо Дариуса, находившееся всего в нескольких сантиметрах. Он начал терять сознание. Дариус был все еще рядом, его глаза блестели, и давление усиливалось.

Внезапно давление прекратилось, и Питт смутно осознал, что Дариус повернулся назад, хватая воздух раскрытым ртом. Дариус издал глухой стон и рухнул на колени, беззвучно раскачиваясь из стороны в сторону.

Джордино, заблокированный при внезапной атаке Питта, был вынужден беспомощно стоять, пока Дариус не отошел в сторону, распяв Питта на стене. Затем без колебаний он совершил бросок через комнату, сделал резкий выпад ногами и с силой ударил Дариуса по почкам. Он рассчитывал, что тело гиганта частично поглотит силу резкого удара. Но его расчеты не оправдались. Получилось так, точно гандбольный мяч ударился о стену: Джордино отскочил от Дариуса с огромной силой и грохнулся об пол. Какое-то мгновение он лежал совершенно неподвижно, затем начал подниматься на руках и на коленях, яростно тряся головой, чтобы освободиться от черноты, застилавшей его сознание.

Но было слишком поздно. Дариус пришел в себя первым, торжество сквозило в каждом шраме его безобразного лица. Он устремился к Джордино, и огромная масса его тела смяла и придавила лежавшего под ним небольшого человека. На лице Дариуса появилась злодейская усмешка, в которой сквозило садистское наслаждение насилием, железные руки, как клещи, сомкнулись вокруг головы Джордино и сжимали ее с беспощадностью смыкающихся тисков.

Несколько бесконечных секунд Джордино лежал неповижно, превозмогая усиливающуюся боль в черепе от стискивающих его ладоней. Затем он пошевелился, медленно поднял руки, схватил Дариуса за пальцы и сбросил их: для своего роста Джордино был силен, как буйвол, но он был не больше спички для человека, который возвышался над ним. Дариус, по-видимому, не обратил никакого

внимания на вывернутые пальцы, он напряг плечи и стал давить с еще большим усилием.

Питт едва держался на ногах. Его спина была сплошным морем боли, которая пронзала каждую часть его тела. В оцепенении он уставился на происходящее на полу убийство. «Действуй, ты, глупая скотина, — кричал он самому себе, — действуй быстрее». Он ухватился за стену обеими руками, готовясь броситься на Дариуса. Что-то зацепило его сзади, и он обернулся, новая надежда блеснула в его глазах.

Стенная доска отошла от центральной стойки, один конец ее свободно болтался, а другой еще держался на нескольких ржавых гвоздях. Питт неистово дернул ее сначала за один конец, затем за другой, пока гвозди не сломались и балка около полутора метров длиной и почти в три сантиметра толщиной не оказалась у него в руках. Господи, только бы не было слишком поздно. Питт поднял балку над головой и с размаху опустил ее сзади на шею Дариуса.

Питт никогда не забудет того отчаяния и безнадежности, которые охватили все его существо в тот момент, когда гнилая балка разлетелась на кусочки, как хрупкий орех, ударившись о плечи гиганта и не причинив ему никакого вреда. Не оборачиваясь, Дариус отпустил виски Джордино, давая своей жертве короткий отдых, и саданул Питта ребром ладони: удар пришелся ему в живот, он пролетел через комнату и врезался в дверь, затем медленно сполз вдоль двери на пол.

Уцепившись за дверную ручку, с неимоверным трудом Питт поднялся на ноги и стоял, шатаясь, как пьяный, ничего не соображая, не чувствуя боли, не замечая крови, которая просачивалась через повязку на рубашку, не видя лица Джордино, посиневшего под огромными руками Дариуса. "Еще одна попытка, " — сказал он себе, зная, что она может оказаться последней. Мозг Питта медленно работал. Забытые слова одного моряка-сержанта, с которым он однажды встретился в баре Гонолулу, вдруг всплыли в его памяти: «Самые здоровые, грубые и мощные сукины сыны в мире будут всегда побеждены и побеждены быстро от точного и быстрого удара по яйцам».

Пошатываясь, он подошел сзади к согнувшемуся Дариусу, который был слишком увлечен Джордино, чтобы заметить его. Питт прицелился и ударил Дариуса между ног. Его носок почувствовал кость и столкнулся также с чем-то мягким и плотным. Дариус сразу освободил голову Джордино и вскинул свои огромные руки вверх, его пальцы цеплялись за воздух. Потом он повалился набок, корчась на полу в безмолвных конвульсиях.

— С возвращением на землю, — произнес Питт, помогая Джордино сесть.

— Мы победили? — шепотом спросил Джордино.

— С трудом. Как твоя голова?

— Я не знаю, пока не взгляну на нее.

— Не беспокойся, — улыбнулся Питт. — Она все еще держится на твоей шее.

Джордино осторожно потрогал волосы.

— Боже мой, кажется, мой череп разлетелся на кусочки, как разбитое лобовое стекло.

Питт бросил беспокойный взгляд на Дариуса. Гигант с мертвенно-бледным лицом, тяжело дыша, растянулся во весь рост на грязном полу, держась обеими руками за промежность.

— Встреча окончена, — сказал Питт, помогая Джордино подняться на ноги. — Давай смываться, пока Франкенштейн не воскрес.

Вдруг легкий щелчок и глухой звук распахнувшейся двери остановили их. Питт и Джордино застыли на месте. Они не успели подготовиться и взять себя в руки. Не было никаких ощущений, кроме понимания, что время потеряно и больше нет сил сражаться.

Высокий худощавый мужчина с большими печальными глазами стремительно вошел в комнату, одна рука была привычно засунута в карман дорогого темно-зеленого костюма. Он долго и испытующе смотрел на Питта поверх длинной трубки, крепко зажатой между удивительно ровными зубами. Как важный чиновник, только что вышедший из рекламного агентства, он выглядел учтивым, аккуратным, имеющим светский лоск. Его свободная рука привычным жестом вынула трубку изо рта.

— Извините, что нарушил ваше уединение, джентльмены. Я — инспектор Закинтас.

11

Закинтас был таким, каким Питт совершенно не ожидал его увидеть. В этом не могло быть сомнения: легкий акцент, аккуратная прическа, традиционное приветствие — Закинтас был американцем.

Целых десять секунд было потрачено на внимательное изучение Питта и Джордино, и только потом Закинтас медленно повернулся и посмотрел вниз на стонущего Дариуса. Лицо Закинтаса осталось холодным, с выражением деланного безразличия, но в его голосе проскользнуло недоумение.

— Замечательно, действительно замечательно. Я не думал, что такое возможно. — Он снова взглянул на Питта и Джордино, на этот раз в его глазах промелькнула смесь сомнения и восхищения. — Среди великолепно подготовленных профессионалов просто поднять руку на Дариуса считалось огромным достижением, но когда парочка жалких неудачников вроде вас размазала его по полу, то это просто чудо. Ваши имена, друзья мои?

Дьявольский огонек зажегся в зеленых глазах Питта.

— Мой маленький компаньон — Давид, а я Джек-потрошитель.

Закинтас устало улыбнулся.

— День был длинный и жаркий, к тому же, вы вывели из строя одного из моих лучших людей, пожалуйста, не смешивайте мое сострадание с плохим юмором.

— В этом случае, Дирк, — лукаво прошептал Джордино, — расскажи ему что-нибудь о нимфоманке и гитаристе.

— Ну ладно, — сказал Закинтас, как будто разговаривая с детьми. — У меня нет времени, чтобы тратить его на пустую болтовню. Информацию, пожалуйста. Начнем с ваших настоящих имен.

— Начальник, — зло рявкнул Питт. — Мы не просили, чтобы нас притащила сюда эта обезьяна, которая называет себя Зено, и мы не напрашивались, чтобы какой-то громила помыкал нами там, на полу. Мы не совершили ничего незаконного. Аморальное, возможно, но не незаконное. Если вы рассчитываете получить от нас какие-то ответы, то, я полагаю, вы также удовлетворите наше любопытство.

Закинтас уставился на Питта, его губы плотно сжались.

— Ваша самонадеянность пробуждает мое профессиональное любопытство, — резко отозвался он. — За те годы, когда расследование стало моей профессией, я встречался со многими умными и опасными парнями. Некоторые плевали мне в лицо и угрожали расправой, другие отмалчивались, были и такие, кто ползал на коленях и умолял о пощаде. Но вы, мой перепачканный друг, совершенно отличаетесь от них. — Он показал трубкой в сторону Питта. — Держу пари, это классика, настоящая классика. Заглядывая вперед, скажу, что мы посостязаемся в остроумии во время допросов.

Он замолчал, когда Зено вошел в комнату. Грек хотел было что-то сказать, но его рот так и остался открытым, а усы встопорщились от изумления, когда он увидел Дариуса, который теперь сидел, сжавшись в комок.

— Зевс-громовержец, мой инспектор, что случилось?

— Тебе следовало предупредить Дариуса, чтобы он был более осторожен.

— Но я предупреждал его, — извиняющимся тоном объяснил Зено. — Господи, взять верх над Дариусом... я думал, что это невозможно.

— Я тоже так думал. — Закинтас вытряхнул пепел из трубки. — Посмотри, что можно сделать для нашего бедного друга. Я собираюсь взять этих людей в свой кабинет и посмотреть, так ли ловко они орудуют словами, как руками и ногами.

— После всего, что они здесь натворили, вы считаете благоразумным, мой инспектор, оставаться с ним наедине?

— Я думаю, они понимают, что ничего не выиграют своей физической активностью. — Закинтас бросил Питту и Джордино добродушную улыбку. — Но на всякий случай, Зено, надень наручники маленькому на правое запястье и на его дьявольски умелую левую лодыжку. Не слишком надежный сдерживающий способ, но, по крайней мере, он сделает сопротивление довольно затруднительным.

Зено быстро отстегнул пару хромированных наручников с застежки на своем ремне, открыл их и защелкнул, оставив Джордино в неуклюжем полусогнутом положении.

Питт взглянул вверх, через дыру на крыше, на вечернее небо. Солнце начинало садиться, быстро темнело. Спина Питта продолжала ныть, и он был благодарен судьбе, что это Джордино, а не он, стоял согнувшись. Питт расправил плечи, сморщившись от боли, которая наполняла каждую клеточку его тела, затем он снова посмотрел на Закинтаса.

— Что вы сделали с Тери? — спокойно спросил Питт.

— Она в полной безопасности, — ответил Закинтас. — Как только я смогу удостовериться, что она действительно племянница фон Тилля, я освобожу её.

— А как насчет нас? — раздался голос Джордино.

— Всему свое время, — отрывисто произнес Закинтас, показывая на дверь. — Прошу вас, джентльмены.

Двумя минутами позже, с Джордино, неуклюже шаркающим возле Питта, они вошли в кабинет Закинтаса. Это была небольшая комната, но достаточно оборудованная; её обстановку дополняли подробные аэрофотоснимки Тасоса, приколотые к стенам, три телефона, коротковолновый радиоприемник, удобно расположенный на тумбочке, прямо за старым ободранным и обшарпанным столом. Питт с удивлением осмотрелся вокруг. Вся окружающая обстановка была

слишком аккуратной, слишком профессиональной. Он быстро решил, что лучшим для него остается грубое проявление враждебности.

— Это больше напоминает командный штаб генерала, чем кабинет заурядного полицейского инспектора.

— Вы и ваш друг — отважные мужчины, — негромко произнес Закинтас. — Ваши действия доказали это. Но глупо с вашей стороны продолжать роль дурачка. Хотя, надо признать, вы делаете это очень хорошо. — Он обошел вокруг стола и сел на аккуратный вращающийся стул. На этот раз правду, ваши имена, пожалуйста?

Питт помолчал, прежде чем ответить. Он был озадачен и рассержен одновременно. Странная, необычная операция тех, кто его задержал, ставила его в тупик.

Это было странное ощущение, где-то в подсознании у него была почти полная уверенность, что ему нечего бояться. Эти люди не соответствовали создавшемуся у него образу обыкновенных греческих полицейских. А если они работали на фон Тилля, то почему так упорно старались узнать их имена; хотя, возможно, они играли в кошки-мышки.

— Итак? — голос Закинтаса зазвучал резче

Питт выпрямился и решил рискнуть.

— Питт, Дирк Питт. Директор Специального Отдела Национального Морского Управления Подводных работ Соединенных Штатов. И джентльмен слева от меня — Альберт Джордино, мой заместитель.

— Очень приятно, а я — премьер-министр. — Закинтас вдруг замолчал на полуслове; его брови резко взлетели вверх, и он наклонился над столом, всматриваясь прямо в глаза Питту.

— Повторите еще раз. Как, вы сказали, вас зовут? — его голос в этот раз был мягким и покровительственным.

— Дирк Питт.

Закинтас не двигался и ничего не говорил в течение целых десяти секунд. Затем он медленно откинулся на спинку стула.

— Вы лжете, вы, должно быть, лжете.

— Я?

— Как зовут вашего отца? — Закинтас продолжал не мигая смотреть на Питта.

— Сенатор Джордж Питт из Калифорнии.

— Опишите его: внешность, биография, семья — в общем, все.

Питт присел на краешек стола и достал сигарету. Он поискал зажигалку, потом вспомнил, что она все еще лежала на полу там, где он её уронил, когда ударил Дариуса.

Закинтас достал коробок со спичками и протянул его Питту.

Питт поблагодарил его кивком головы.

Он рассказывал десять минут, без остановки. Закинтас задумчиво слушал, пошевельнувшись только один раз, чтобы зажечь тусклую лампу, так как дневной свет за окнами медленно угасал. Наконец он поднял руку.

— Хватит. Вы, должны быть, действительно его сын и человек, за которого себя выдаете. Но что вы делаете на Тасосе?

— Глава НУМА, адмирал Джеймс Сандекер, направил нас с Джордино сюда, чтобы расследовать серию странных происшествий, которые недавно случились на нашем океанографическом исследовательском судне.

— А.... белый корабль, который стоит на якоре недалеко от Брейди Филд. Теперь я начинаю понимать.

— Все это хорошо, — произнес с сарказмом Джордино из своего неудобного полусогнутого положения. — Я извиняюсь, что прерываю вас, но если мой пузырь не будет освобожден в ближайшие минуты, то вы получите непредвиденное происшествие прямо здесь, на полу кабинета.

Питт с улыбкой взглянул на Закинтаса.

— А ведь он это сделает.

После недолгого колебания, Закинтас пожал плечами и нажал на скрытую кнопку под крышкой стола. Дверь быстро распахнулась и появился Зено с пистолетом в руке.

— Проблемы, мой инспектор?

Закинтас проигнорировал вопрос.

— Убери оружие, сними наручники и покажи э... э... мистера Джордино нашей санитарной службе.

Брови Зено удивленно приподнялись.

— Вы уверены...

— Все в порядке, мой друг. Эти люди больше не являются нашими пленниками, они наши гости.

Не проронив ни слова и не выказав ни малейшего признака удивления, Зено убрал пистолет и освободил Джордино, проводив его по коридору вниз.

— Теперь моя очередь задавать вопросы, — сказал Питт, выпуская прозрачное облако голубоватого дыма. — Какова ваша связь с моим отцом?

— Сенатор Питт хорошо известный и уважаемый человек в Вашингтоне. Он работает честно и плодотворно в нескольких сенатских комиссиях. Одна из них — это Комиссия по делам наркотиков.

— Но это еще не объясняет, какое отношение вы имеете к нему.

Закинтас достал из кармана пиджака коробочку с табаком и аккуратно набил им трубку, тщательно утрамбовав его маленькой палочкой.

— Вследствие моего обширного опыта и расследований в области наркотиков я часто служил связующим звеном между комиссией вашего отца и моим работодателем.

Питт изумленно посмотрел на него.

— Работодатель?

— Да, Дядя Сэм платит мне жалованье, так же, как и тебе, мой дорогой Питт. — Закинтас улыбнулся. — Мои извинения со столь запоздалым формальным представлением. Я инспектор Геркулес Закинтас, Федеральное Бюро по наркотикам. Мои друзья называют меня просто Зак, и я был бы польщен, если бы ты называл меня так же.

Все сомнения Питта развеялись, и чувство облегчения охватило его, как приятная прохлада морской воды. Его мышцы расслабились, и он только сейчас ощутил, как он был напряжен, как были натянуты его нервы и мысли, оценивая неизвестную опасность ситуации. Осторожно, чтобы не уронить пепел, он аккуратно положил окурок сигареты в пепельницу.

— Но, кажется, вы находитесь не на своей территории?

— Географически да, профессионально — нет. — Зак остановился, чтобы раскурить трубку. — Около месяца назад Бюро получило сообщение от ИНТЕРПОЛа, что большая партия героина была погружена на борт зафрахтованного в Шанхае судна...

— На один из кораблей фон Тилля?

— Как ты догадался? — лукаво спросил Зак.

Кривая ухмылка скользнула по губам Питта.

— Только предположение. Извините, что прервал, пожалуйста, продолжайте.

— Корабль называется *«Королева Артемизия»* и принадлежит компании Минерва Лайнс, он вышел из порта Шанхай три недели назад с невинным, на первый взгляд, грузом: соя, замороженная свинина, чай, бумага, ковры. — Зак не смог сдержать улыбки. — Впечатляющее разнообразие, мне кажется.

— И назначение?

— Первым портом назначения был Коломбо на Цейлоне. Здесь корабль разгрузился, освободив трюмы от китайских товаров, и взял на борт новый груз графита и кокосов. После остановки для пополнения запасов топлива в Марселе следующим конечным портом назначения *«Королевы Артемизии»* будет Чикаго, город в заливе Святого Лаврентия.

Питт задумался на какое-то мгновение.

— Почему Чикаго? Ведь Нью-Йорк, Бостон или другие портовые города на восточном побережье оборудованы гораздо лучше для приема иностранных торговых судов.

— А почему бы и не Чикаго? — возразил Зак. — Город Ветров — один из самых больших транспортных и распределительных центров в добрых старых Соединенных Штатах. Разве можно найти лучшее место, чтобы разгрузить сто тридцать тонн героина.

Питт с недоверием посмотрел на Зака.

— Это невозможно. Никому на этой земле не удавалось провезти мимо таможенной инспекции такое количество наркотиков.

— Никому, за исключением Бруно фон Тилля. — Его голос звучал очень тихо, и Питт внезапно ощутил холодок, пробежавший по телу. — Конечно, это не настоящее его имя. Оно затерялось где-то в далеком прошлом, задолго до того, как он превратился в неуловимого контрабандиста, самого дьявольского и коварного поставщика человеческих страданий во все времена. — Зак повернулся и уставился в окно невидящим взглядом. — Капитан Кидд, блокадные контрабандисты времен Конфедерации и все работорговцы, взятые вместе, и в подметки не годятся фон Тиллю с его размахом.

— Вы охарактеризовали его как самого отъявленного злодея века, — заметил Питт. — Чем же он заслужил такую славу?

— Многочисленные революционные кровавые бойни, от которых страдает Центральная и Южная Америка в последние двадцать лет, никогда бы не достигли такого размаха без тайных поставок судами оружия из Европы. А ты не помнишь историю с кражей большой партии золота в Испании в 1954 году? Слабая испанская экономика едва совсем не рухнула после того, как государственный золотой запас исчез из секретных сейфов Министерства финансов. Немного погодя черные рынки Индии были наводнены золотыми слитками с изображенным на них испанским крестом. Как мог такой груз незаметно пересечь семь тысяч миль? Это все еще остается загадкой. Нам стало известно, что судно, зафрахтованное компанией Минерва Лайнс, покинуло Барселону в ночь ограбления и прибыло в Бомбей за день до появления на рынках золота. Не странно?

Вращающееся кресло повернулось, и Зак посмотрел на Питта. Задумчивые глаза инспектора казались неясными, погрузившимися в воспоминания.

— Незадолго до предстоящей капитуляции Германии во второй мировой войне, — продолжал он, — восемьдесят пять высших нацистских чинов вдруг появились в Буэнос-Айресе в один и тот же день. Как они туда попали? И снова единственным кораблем, который прибыл в то утро, было судно, зафрахтованное Минерва Лайнс. Опять же летом 1954 года целый автобус, заполненный школьницами средних классов, исчез во время загородной экскурсии в Неаполе. Четыре года спустя сотрудник итальянского посольства нашел одну из пропавших девочек, которая бесцельно слонялась по одной из темных аллей Касабланки. — Зак помолчал почти целую минуту. Затем продолжил ровным тоном. — Она была совершенно невменяема. Я видел фотографии её тела. Этого вполне хватит, чтобы заставить плакать взрослого мужчину.

— А её история? — осторожно поинтересовался Питт.

— Она лишь вспомнила, что их везли на корабле с большой буквой "М", нарисованной на дымовой трубе. Это единственная зацепка, которую она назвала, что имело хоть какой-то смысл. Всё остальное было безумным бредом.

Питт ждал, что будет дальше, но Зак молчал, раскуривая свою трубку и постепенно наполняя комнату приятным ароматом хорошего табака.

— Белое рабство — грязный бизнес — кратко подытожил Питт.

Зак кивнул.

— Это только четыре случая из сотен, которые косвенно связаны с фон Тиллем. Если бы я начал цитировать слово за словом из сообщений

ИНТЕРПОЛа, то нам пришлось бы сидеть здесь целый месяц, если не больше.

— Вы думаете, что фон Тилль является организатором преступлений?

— Нет, старый дьявол слишком хитер, чтобы оказаться вовлеченным в настоящее дело. Он в основном обеспечивает транспортировку. Контрабанда — вот его занятие, и здесь он развернулся на широкую ногу.

— Но почему, черт возьми, эту грязную скотину не остановят? — с раздражением и одновременно с недоумением спросил Питт.

— Мне бы хотелось ответить на этот вопрос без чувства стыда. — Зак печально покачал головой. — Но я не могу. Почти каждая организация в мире, осуществляющая законность, пытается схватить фон Тилля с поличным, как говорится, но он обходит все ловушки, убивает каждого агента, который пытается внедриться в Минерва Лайнс. Его корабли обыскивали и обследовали тысячи раз, но ничего нелегального не было обнаружено.

Питт лениво следил за дымом, который поднимался от трубки Зака:

— Никто не может быть таким неуловимым. Если он человек, то его можно поймать.

— Господи, мы же пытались. Наши объединенные инспекционные агентства обследовали каждый сантиметр на кораблях компании Минерва, следили за ними днем и ночью в море, караулили их, как ястребы, в портах, исследовали каждую переборку электронными датчиками. Я мог бы назвать имена по крайней мере двадцати следователей и замечательных специалистов, которые поставили перед собой единственно важную задачу — добиться ареста фон Тилля.

Питт внимательно посмотрел на Зака:

— Почему вы рассказываете мне все это?

— Потому что я думаю, ты мог бы нам помочь.

Питт сидел молча, потирая раздражающую его повязку на груди. «Надо хорошо поразмыслить, прежде чем клюнуть на приманку», — подумал он.

— Каким образом?

Впервые дьявольский огонек появился в глазах Зака, но он погас так же быстро, как и возник.

— Как я понимаю, ты в довольно дружеских отношениях с племянницей фон Тилля.

— Я спал с ней, если ты это имеешь в виду.

— Сколько вы с ней знакомы?

— Мы встретились в первый раз вчера на берегу.

Удивление на лице Зака медленно перешло в кривую ухмылку.

— Ты либо слишком шустро работаешь, либо очень знатный сочинитель.

— Думай, как хочешь, — небрежно сказал Питт. Он встал и потянулся, расправляя свои затекшие мышцы. — Я знаю, о чем ты думаешь, но ты можешь сразу отказаться от этой мысли.

— Будет весьма интересно услышать, что же ты прочитал в моих мыслях.

— Старейшая тактика в мире, — всезнающе улыбнулся Питт. — Ваше намерение состоит в том, чтобы заставить меня продолжать мои тесные отношения с Тери в надежде, что фон Тилль примет меня как члена семьи. Это даст мне возможность бывать на вилле и наблюдать изнутри за действиями старого немца.

Зак спокойно посмотрел ему в глаза.

— У тебя превосходное мышление, мой дорогой Питт. И что ты на это скажешь? Ты согласен на игру?

— Нет никаких шансов на успех!

— Могу я спросить, почему?

— Я встречался с фон Тиллем за обедом прошлым вечером, и мы не стали большими друзьями. В действительности он даже спустил на меня свою собаку.

Питт знал, что Зак вряд ли оценит его юмор, но, черт возьми, подумал он, не повторять же снова эту сумасшедшую историю. Он почувствовал непреодолимое желание выпить чего-нибудь.

— От секса с племянницей до обеда с дядей, и все в один день. — Зак недоверчиво покачал головой. — Ты действительно шустрый малый.

Питт слегка пожал плечами.

— Очень жаль, — продолжал Зак. — Ты мог бы оказать нам неоценимую помощь изнутри. — Он раскуривал свою трубку, пока в ней не ожили оранжево-красные огоньки. — Мы держим виллу под постоянным наблюдением с определенной дистанции, но мы не смогли заметить ничего необычного. Двести метров, именно на такое расстояние мы

смогли приблизиться, чтобы не вызвать подозрения у фон Тилля. Мы думали, что наш небольшой маскарад под туристических гидов наконец-то увенчался успехом, когда вы с его племянницей были задержаны полковником Зено.

— Полковник Зено?

Зак кивнул, затем помолчал для большего эффекта.

— Да. Он и капитан Дариус являются офицерами греческой жандармерии. Теоретически Зено превосходит меня на несколько ступеней в иерархической лестнице, можешь сказать ты…

— Звание полковника в полиции? — спросил Питт. — Это довольно необычно.

— Нет, если ты познакомишься со структурой их правоохранительных органов. Видишь ли, за исключением Афин и нескольких других крупных городов, которые располагают своими собственными муниципальными службами, сельские и пригородные районы Греции контролируются жандармерией. Жандармерия является составной частью национальной армии, это отборная и прекрасно оснащенная часть.

Несмотря на свою неприязнь к Зено и Дариусу, Питт был поражен.

— Это объясняет их присутствие, а как насчет вас, инспектор? Агент по наркотикам, ведущий наблюдение за их нелегальной транспортировкой в Греции, примерно то же самое, что агент ФБР, который следит за шпионом в Испании: обычно так не принято.

— В обычном случае, да, ты совершенно прав. — Лицо Зака помрачнело, а голос стал твердым. — Но фон Тилль — это не обычный случай. Когда мы посадим его за решетку и положим конец его грязным контрабандным операциям, мы автоматически снизим международную преступность на двадцать процентов, а это, я уверяю тебя, не такой уж и маленький вклад. — Внутренняя злость охватила Зака, и он остановился на некоторое время, сделав несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. — В прошлом каждая страна работала отдельно, используя каналы ИНТЕРПОЛа для передачи жизненно важной информации через национальные границы. Например, если я узнавал через тайные источники Отдела по борьбе с наркотиками о том, что нелегальный груз наркотиков был отправлен в Англию, я просто посылал свою информацию в ИНТЕРПОЛ Лондона, который в свою очередь предупреждал Скотланд Ярд. В назначенное время они делали засаду и задерживали контрабандистов.

— Похоже, это аккуратное и эффективное средство.

— К сожалению, оно не срабатывает в случае с фон Тиллем, — спокойно произнес Зак. — Неважно, как много было предупреждений, как много засад, — ему всегда удавалось ускользнуть и выходить сухим из воды. Но в этот раз все будет не так. — Он даже хлопнул по столу для эффекта. — Наши правительства разрешили нам создать международную группу расследования, которая может пересекать любую границу, использовать все возможности полиции и иметь их в своем подчинении, а также людей и военное снаряжение. — Зак тяжело вздохнул, затем продолжил извиняющимся тоном.

— Я прошу простить меня, Питт, я не собирался так долго распространяться. Но я надеюсь, что ответил на твой вопрос, почему я нахожусь на Тасосе.

Питт внимательно посмотрел на Зака. Инспектор был похож на человека, который обычно не проигрывал. Каждое движение, каждый жест были тщательно спланированы на успех; даже в его словах чувствовалась уверенность и решительность. Да, Питт не мог позволить себе выглядеть нерешительным в глазах Зака, его вдруг обуял страх оказаться вне игры с фон Тиллем. Ему сильнее, чем когда-либо, захотелось выпить.

— А где другие члены вашей группы? — спросил Питт.-Пока я видел только троих.

— В этот момент британский инспектор находится на борту королевского военно-морского эсминца, преследующего «Королеву Артемизию», в то время как представитель турецкой полиции наблюдает за ней с воздуха на стареньком самолете без опознавательных знаков. — Зак говорил ровно, словно зачитывал официальный документ. — Два детектива из французской Службы Национальной Безопасности также находятся в нашем распоряжении, изображая докеров в Марселе в ожидании прибытия «Королевы» для пополнения запасов топлива.

Неожиданно Питта охватило чувство нереальности происходящего. Слова Зака стали смутными и непонятными. Безразлично, с каким-то тупым интересом он подумал, сколько он еще сможет бодрствовать. За последние двое суток ему удалось поспать всего несколько часов, и сейчас сон одолевал его. Питт открыл глаза и сильно потряс головой, затем заставил себя снова сосредоточиться.

— Зак, старый дружище, — это был первый случай, когда Питт обратился к нему по имени. — Я был бы признателен, если бы ты сделал мне персональное одолжение.

— Если это будет в моих силах, — Зак улыбнулся, — старый дружище.

— Я хочу, чтобы Тери освободили под мою ответственность.

— Освободить под твою ответственность? — Брови Зака резко взлетели вверх, а глаза округлились от удивления. Сам Стив Макквин вряд ли смог бы это сделать выразительнее. — Какие еще распутные планы ты держишь про запас?

— Никакого распутства, — серьезно сказал Питт. — У тебя нет выбора, ты все равно должен освободить её. После освобождения минут через двадцать Тери доберется до виллы — дьявол не имеет столько ярости, сколько возмущения будет у оскорбленной женщины — она потребует, чтобы дядя Бруно отомстил за её позорное задержание. Старый лис пустит в ход все свое влияние, и через час ваша маленькая тайная шпионская группа будет выдворена с Тасоса в Штаты.

— Ты недооцениваешь нас, — высокомерно ответил Зак. — Я прекрасно осведомлен о последствиях. У нас выработаны различные планы на случаи таких чрезвычайных ситуаций. Мы можем уйти из этих стен и уже завтра утром работать под другим прикрытием.

— Слишком поздно, — резко заметил Питт. — Ущерб уже будет нанесен. Фон Тиль узнает о вашем присутствии. Он удвоит все меры предосторожности.

— Твои слова весьма убедительны.

— Я уверен, так и будет.

— А если я верну ее тебе? — задумчиво спросил Зак.

— Как только Тери исчезнет, если он уже не заметил ее отсутствия, фон Тиль в поисках племянницы перевернет Тасос вверх дном. Самое безопасное место, где ее сейчас можно спрятать — это на борту *Первой Попытки*. Он не догадается искать её там, по крайней мере, пока не удостоверится, что её нет на острове.

Зак напряженно всматривался в лицо Питта, разглядывая каждую его черточку, как будто видел в первый раз. Его удивляло, почему человек с блестящим положением в обществе и влиятельной семьей занимается такой трудной и рискованной работой, всегда ожидая, что ошибка в один момент может положить конец ею карьере или даже жизни. Зак осторожно постучал трубкой по пепельнице, выбивая пепел из её закругленного конца.

— О'кей, сделаем как ты сказал, — пробормотал Зак. — Конечно, если молодая дама не причинит тебе никаких беспокойств.

— Я так не думаю, — улыбнулся Питт. — Её ум занят совершенно другим, никак не международной контрабандой наркотиков. Я думаю, что

ускользнуть со мной на корабль для неё гораздо интереснее, чем провести еще один скучный вечер с дядей Бруно. Кроме того, покажи мне женщину, которая не жаждала бы приключений, и тогда я покажу тебе...

Он замолчал, когда дверь распахнулась и вошел Джордино в сопровождении Зено. Широкая улыбка сияла на ангельском лице Джордино, в одной руке он держал бутылку пятизвездочного бренди Мегакса.

— Посмотрите, что Зено нашел. — Джордино перевернул бутылку и взболтал её содержимое, на его лице появилось восторженное выражение. — Мне кажется, они не такие уж и плохие парни.

Питт засмеялся и повернулся к Зено,

— Вы должны извинить Джордино. Он всегда приходит в восторг при одном виде спиртного.

— Если так, — ухмыльнулся Зено в свои усы, — то у нас много общего. — Он обошел Джордино и поставил на стол поднос с четырьмя стаканами.

— Как Дариус? — поинтересовался Питт.

— Он на ногах, — ответил Зено. — Но он будет хромать еще несколько дней.

— Скажи ему, что я извиняюсь, — искренне произнес Питт. — Я сожалею.

— Не нужно никаких сожалений, — перебил его Зено. — В нашей работе такие вещи случаются. — Он передал стакан Питту и впервые заметил пятна крови, выступившие у него на рубашке. — Вы, похоже, тоже ранены.

— Учтивость собаки фон Тилля, — произнес Питт, рассматривая стакан на свет.

Зак молча кивнул. Он теперь полнее понимал ненависть Питта к фон Тиллю. Зак расслабился, его руки свободно лежали на подлокотниках вращающегося кресла, он был уверен, что у Питта на уме была месть, а не секс.

— После того, как ты вернешься на свой корабль, мы будем держать тебя в курсе относительно деятельности фон Тилля.

— Хорошо, — просто отозвался Питт. Он отхлебнул бренди, наслаждаясь тем, как огненная жидкость обожгла его горло. — Еще одно одолжение, Зак. Мне бы хотелось, чтобы ты воспользовался своим официальным статусом и послал пару запросов в Германию.

— Конечно. Что ты хочешь узнать?

Питт уже взял листок бумаги и ручку на столе.

— Я все запишу, включая имена и адреса, только подправь мою немецкую грамматику перед тем, как послать. — Когда Питт закончил, он передал листок Заку. — Попроси их передать ответ на *Первую Попытку*. Я указал частоту радиоволн НУМА.

Зак прочитал написанное.

— Я не понимаю твоих мотивов.

— Только простая догадка. — Питт плеснул еще немного бренди в свой стакан. — Кстати, когда *Королева Артемизия* делает свой круг около Тасоса?

— Как... но как ты узнал об этом?

— Я психолог, — коротко ответил Питт. — Когда?

— Завтра утром. — Зак посмотрел на Питта долгим испытующим взглядом. — Где-то между четырьмя и пятью часами утра. Но почему ты спрашиваешь?

— Причин пока нет, только простое любопытство. — Питт решил подбодрить себя и разом выпил все, что оставалось в стакане. Реакция оказалась слишком сильной. Он затряс головой, смахивая слезы выступившие у него на глазах.

— Боже мой, — хрипло прошептал он. — Это лекарство действует, как аккумуляторная кислота.

12

Темная бурлящая пена постепенно уменьшалась и исчезала около старого прямого и низкого носа *«Королевы Артемизии»,* по мере того как судно замедляло ход и, наконец, остановилось совсем. Затем в темную глубину воды был сброшен якорь, и навигационные огни погасли, оставив темный силуэт на совершенно черной поверхности моря. Казалось, что *«Королевы Артемизии»* никогда не существовало прежде.

Метрах в шестидесяти в стороне от корабля небольшой деревянный ящик лениво покачивался на тихих волнах. Это был обычный упаковочный ящик, один из тысячи пустых ящиков, которые плавали по небрежности моряков в каждом море на оживленных морских путях. На первый взгляд он напоминал обыкновенную ненужную вещь; даже темные буквы, обозначавшие «верх», говорили об обыденности этих

плавающих обломков. Однако, был один незначительный штрих, который полностью отличал этот ящик от других; он не был пустым.

«Конечно, можно было бы найти лучший способ, — кисло подумал Питт, находясь под ящиком, когда волна снова накрыла его с головой, — но, по крайней мере, это лучше, чем плыть на виду, в свете наступающего утра». Он глотнул соленой воды и выплюнул её. Затем он продул трубку маски, чтобы улучшить свою способность держаться на воде, и снова взглянул на корабль через прорезанное отверстие.

«Королева Артемизия» лежала тихо в дрейфующем положении, только легкий шум двигателей и плеск корпуса выдавали её присутствие. Постепенно все звуки стихли, и корабль стал частью тишины. Питт прислушивался довольно долго, но ни один звук не долетел до его покачивающегося на волнах аванпоста. Ни звука шагов по стальной палубе, ни мужских голосов, отдающих команды, ни шума машин, ничего. Тишина была полной и абсолютной. Это было похоже на корабль-призрак с призрачной командой.

Носовой якорь был спущен, и Питт поплыл к нему, медленно толкая перед собой ящик. Легкий ветерок и небольшое течение помогали ему и вскоре ящик осторожно коснулся якорной цепи. Питт тихо снял акваланг, водолазную маску, трубку, ласты, и все это вместе привязал тесьмой к звену якорной цепи под водой. Ящик тоже плавал рядом.

Питт поднял голову, всматриваясь вверх на кажущуюся бесконечной цепь, которая исчезала в темноте, и почувствовал себя Джеком, взбирающимся по бобовому дереву. Он подумал о Тери, которая мирно спала в уютной постели на *Первой Попытке*. Он вспомнил о её нежном и притягательном теле и удивился, какого черта он здесь делает?

Тери тоже была удивлена, но совсем по другой причине.

— Почему ты привез меня на корабль в таком виде? Я не могу выйти отсюда и встретиться с этими остроумными учеными в подобном наряде. — Она подняла край своего просвечивающегося пеньюара, показывая свои стройные ножки до бедер.

— Да, уж, — засмеялся Питт. — Это было бы, вероятно, самым сексуальным событием, которое произошло с ними за последние несколько лет.

— Что с дядей Бруно?

— Скажешь ему, что ты ездила за покупками на материк. Объяснишь ему как-нибудь, ведь ты уже достаточно взрослая, надеюсь.

— Никогда не думала, что быть непослушной так забавно, — хихикнула она. — Это как романтическая и полная приключений история в кино.

— Это если смотреть на все с одной стороны, — сказал Питт. Он предполагал, что она воспримет все именно так, и оказался прав.

Питт начал подниматься по якорной цепи, копируя стиль полинезийских аборигенов, взбирающихся на пальтовые деревья за кокосами. Скоро он добрался до якорного отверстия и выглянул из-за поручней. Он застыл, напряженно прислушиваясь и пытаясь уловить хоть малейшее движение в темноте. Не было слышно и видно ни души. Носовая палуба была пуста.

Он перелез через борт, низко согнулся и стал осторожно пробираться по палубе к фок-мачте. Благо, корабль был погружен в темноту. Если бы были включены прожекторы, используемые при погрузочно-разгрузочных работах в темное время суток, то середина корабля и носовая палуба были бы залиты белым светом: конечно, не самые лучшие условия для того, чтобы пробраться незамеченным. Питт также был благодарен темноте за то, что она скрывала его мокрые следы на носовой палубе. Он замер на мгновение, ожидая каких-нибудь звуков или движений. Но все было тихо, слишком тихо. Было еще что-то такое на этом корабле, что ускользало от понимания Питта, и он никак не мог определить, что это.

Питт нагнулся: вынул из ножен, прикрепленных к икре ноги, кинжал и двинулся на корму, вытянув перед собой двадцатисантиметровое лезвие.

Было невероятно темно, но Питт с трудом разглядел мостик, и, насколько было видно, он был пуст. Питт скрылся в темноте и поднялся по сходням на мостик, ноги бесшумно скользили по металлическим ступеням. Рулевая рубка была тоже темной и пустой. Штурвал одиноко тонул во тьме, а бинокль стоял, как безмолвный медный часовой. Рулевой телеграф был установлен в положение «Стоп»: не видя в темноте надписи, Питт понял это по углу расположения стрелки указателя. В тусклом свете звезд он смог различить полку, прикрепленную к подоконнику бокового окна. Его пальцы ощупали содержимое; большая лампа, сигнальные ракеты, световые сигналы. Затем удача улыбнулась ему. Рука нащупала знакомый цилиндрический корпус фонарика. Он взял его, включил и повернул линзу так, чтобы свет превратился в едва мерцающий огонек. Затем он обследовал каждый сантиметр рулевой рубки; палубу, переборки, снаряжение. Слабые огоньки индикатора радиоприемника были единственными признаками жизни. В штурманском отделении царили чистота и аккуратность. Шторки были приспущены, листы карт ровно, в строгом порядке, лежали на стеллажах, на них были нанесены четкие линии. Питт убрал кинжал в ножны, направил луч фонарика на экземпляр Навигационного Альманаха Брауна и изучил сделанные отметки. Линии точно соответствовали известному маршруту движения *«Королевы Артемизии»* из Шанхая. Он отметил тот факт, что нигде не было

ошибок или помарок, а ведь это обычно бывало при корректировке показаний компаса. Однако, все было аккуратным, до странности.

Вахтенный журнал был открыт на странице с последней записью: *03.52 часа — Побережье Брейди Филд, азимут 312°, приблизительно около восьми миль. Ветер юго-западный, 2 узла. Господи, храни Минерву.* Время показывало, что эта запись была сделана менее чем за час до того, как Питт отплыл от берега. Но где же команда? Не было никаких признаков жизни на палубе, и спасательные лодки находились в своих шлюп-балках. Оставленный без рулевого, руль не имел смысла, как и весь этот образцовый порядок.

У Питта пересохло в горле. В висках, казалось, стучали молоточки, которые мешали ему думать. Он покинул рулевую рубку, тихо закрыв за собой дверь, и нашел проход, ведущий в каюту капитана. Дверь была приоткрыта. Он беззвучно проскользнул боком в металлический кубрик.

Как в кино. Это было единственное сравнение, пришедшее Питту в голову. В каюте все было аккуратным и опрятным, каждая вещь лежала на своем месте. На задней стене *Королева Артемизия* неясно вырисовывалась в спокойном величии на любительской картине, написанной маслом. Питт содрогнулся от выбора цветов: корабль плыл по багровому морю. Подпись в нижнем правом углу была сделана Софией Ремик. На столе в недорогой металлической рамке стояла фотография почтенной круглолицой женщины. Надпись гласила: *Капитану моего сердца от его любящей жены.* Она не была подписана, но было видно, что надпись сделана той же рукой, что и автограф на картине. И рядом с фотографией на небольшой подставочке аккуратно лежала курительная трубка и пустая пепельница. Питт взял и понюхал трубку; ею не пользовались уже несколько месяцев. Казалось, что здесь ничем не пользовались и ничего не трогали. Это был музей без пыли, дом без запаха. И сам корабль был тих, как кладбище.

Он вышел из каюты, закрыв за собой дверь, почти желая услышать чей-нибудь неожиданный голос, хоть какой-нибудь звук, окрик, типа «Кто идет?» или «Что вы здесь делаете?» От этой жуткой тишины он весь покрылся холодным потом. Питту начали мерещиться неясные тени в темных углах. Его сердце бешено колотилось. Прошло более десяти секунд, пока он стоял здесь без движения, заставляя свой мозг вернуться к рациональному мышлению.

— Скоро начнет светать, — подумал он. — Надо поспешить. — Он спустился вниз по проходу к левому борту, совершенно не заботясь о скрытности, и начал открывать двери других кают. Каждая маленькая каюта была похожа на темную нору. Быстрый осмотр при помощи тусклого фонаря дал ту же самую картину, что и каюта капитана. Он обследовал радиорубку. Передатчик был теплый и настроен на очень

высокую частоту, но радиста не было. Питт закрыл дверь и поспешил на корму.

Сходные трапы, проходы на левом и правом борту — всё сливалось в один длинный темный тоннель. Нужно было оставаться начеку, чтобы не потерять направление в этом лабиринте. Голый, в одних плавках, в темном кошмаре серого цвета и стальных стен, он споткнулся о выступ переборки и упал, ударившись голенью и выронив фонарь. У него непроизвольно вырвалось проклятье.

Фонарь упал на палубу, линза выскочила, и свет погас. Он встал на четвереньки и, бормоча ругательства, быстро ощупал все кругом. После нескольких секунд его рука натолкнулась на алюминиевый корпус. Стекло линзы тихо звякало внутри фонаря. Он достал его, вставил на место и включил фонарь. Свет горел так же тускло как и раньше. Питт облегченно вздохнул и осветил слабым огоньком коридор. Луч выхватил дверь, на которой было написано: *«Пожарный проход — трюм № 3»*.

Огромные емкости трюма выглядели очень внушительно. Фонарь Питта высветил громадное стальное помещение с несметным количеством мешков, лежавших а несколько ярусов от самого пола до верхних люков. В воздухе стоял сладкий терпкий запах. «Какао с Цейлона», — решил Питт. Он достал нож и проделал им маленькое отверстие в грубой материи одного из мешков. Твердые гладкие бобы посыпались на палубу, громыхая и стуча, словно градины, ударяющие о крышу сборного металлического гаража. Быстрый осмотр при свете фонаря показал, что это действительно были очищенные бобы какао.

Вдруг он услышал шум. Звук был смутный и неясный. Он застыл неподвижно, прислушиваясь. Звук прекратился так же резко, как и возник, и тишина снова окутала необитаемый корабль, погруженный во мрак вместе со своими скрытыми тайнами. Может, это корабль-призрак, подумалось Питту. Еще одна *Мария Целеста* или *Летучий Голландец*. Единственное, чего недоставало, — штормового моря с дождем, заливающим верхние палубы, ярких вспышек молний в ночи и раскатов грома.

В трюме больше нечего было осматривать. Питт поднялся и направился в машинное отделение. Он потерял восемь драгоценных минут, пока нашел нужный проход. Сердце корабля было еще теплым от разогретых двигателей, там пахло горячей соляркой. Он стоял на площадке над огромными безжизненными механизмами и пытался отыскать хоть какие-нибудь признаки, которые указывали на добросовестную человеческую деятельность. Луч света выхватил из темноты блестящие трубы, которые протянулись вдоль переборок геометрически параллельными линиями, заканчиваясь массивными клапанами и створками. Затем слабый луч упал на аккуратно сложенную ветошь. Над

этим тряпьем находилась полка, где стояло несколько чашек с остатками кофе, и слева от них был поднос с разбросанными инструментами, на которых были видны жирные масляные отпечатки. «По крайней мере, хоть кто-то работал в этой части корабля», — с облегчением подумал он. Он знал, что большинство машинных отделений содержались в такой же чистоте, как и госпитальная палата, но здесь было грязно. "Где главный механик и его помощники? Не могли же они в самом деле испариться.

Питт уже собрался уходить, но остановился. Это снова был он, тот самый загадочный звук, отдававшийся эхом внутри корпуса корабля. Он замер, полностью затаив дыхание. Это был странный сверхъестественный звук, словно киль корабля царапал о подводную скалу или коралловый риф. Питт невольно содрогнулся. Звук напоминал ему царапанье мела о школьную доску. Звук длился около десяти секунд, затем он стал перемежаться с лязгом металла о металл.

Питт никогда не сидел, обливаясь холодным потом в одиночной камере смертников в Сан-Квентине, ожидая, когда тюремные охранники отведут его в газовую камеру. Но ему и не нужно было там находиться, чтобы описать те ощущения, потому что он точно знал, какими они были. Находиться одному в жуткой обстановке в ожидании шагов смерти, приближающейся из черной неизвестности, было леденящим кровь занятием. Тогда Питт подумал, что нужно побыстрее убираться отсюда. Он бежал назад по узким проходам, вверх по металлическим лестницам, пока, наконец, не очутился на палубе и его легкие с облегчением не вдохнули свежего ласкового воздуха на палубе.

Раннее утро было еще темным, и трубы вонзались в бархатную поверхность неба. Чувствовалось легкое дуновение ветерка. На капитанском мостике радиоантенна колебалась взад и вперед вдоль Млечного Пути, а под ногами Питта палуба тихо покачивалась на мягких волнах. Он задумался на мгновение, вглядываясь в темную линию побережья Тасоса, лежавшего в миле отсюда. Затем посмотрел вниз, на гладкую черную поверхность воды; она казалась такой зовущей, такой мирной.

Фонарь продолжал гореть. Питт выругался про себя, потому что не выключил его, когда выбрался на открытую палубу. «Этот свет может легко выдать мое присутствие», — подумал он и быстро погасил фонарь. Затем осторожно, чтобы не порезаться о разбитое стекло, он отвернул крышку фонаря и вытащил остатки стекла. Выбросив через перила мелкие осколки, он прислушивался, пока тихий всплеск не достиг его слуха.

Питт собирался уже выкинуть за борт и фонарь, но потом отверг это решение. Отсутствие фонаря на полке в рулевой рубке будет равносильно тому, что капитан, если там был капитан, получит

телеграмму, где говорится: «Перед самым рассветом на борту вашего судна находился бродяга, который обшарил его от носа до кормы». А это не совсем разумно с такими людьми, которым удавалось перехитрить почти каждую таможенную инспекцию в мире. Сам факт отсутствия стекла на фонаре будет весьма рискованным, но Питт решился на это.

Он посмотрел на часы и поспешил назад к рулевой рубке. Светящиеся стрелки показывали 4.13. Скоро взойдет солнце. Питт взобрался на мостик и положил фонарь на полку. Его торопливость была почти неистовой. Он должен был покинуть корабль, надеть подводное снаряжение и успеть отплыть метров на двести до восхода солнца.

Верхняя палуба оставалась все еще пустынной, по крайней мере, так казалось. Вдруг хлопающий звук раздался позади Питта. Его охватил новый прилив страха, и он ловким движением выхватил нож. Его нервы были натянуты до предела и близки к панике, кровь стучала в висках. «Господи, — подумал он, — я не могу попасться сейчас, когда я так близок к спасению».

Оказалось, это была всего лишь чайка, которая прилетела из ночной темноты и опустилась на вентилятор. Птица скосила маленький черный глаз на Питта и вопросительно наклонила головку. Нет сомнения, её удивило, что какой-то сумасшедший человек бегает по кораблю в предрассветной мгле в одних плавках и судорожно сжимает в руке нож. От облегчения Питт почувствовал сильную слабость в коленях, это был страх, его сильно трясло. Когда он поднимался на корабль, то не ожидал, что может там найти только тишину вместе с неизвестным ужасом. Он безвольно наклонился над поручнем, крепко уцепившись за него. При таком темпе у него может случиться разрыв сердца или умственное помешательство еще до восхода солнца. Он сделал несколько глубоких вдохов, медленно выдыхая воздух, пока страх не исчез.

Не оглядываясь назад, он перелез через поручень и спустился вниз по якорной цепи, вздохнув с облегчением, когда покинул враждебный корабль.

Как прекрасно было оказаться снова в ласковой успокаивающей воде. Море раскрыло свои объятия и отодвинуло ощущение опасности.

Всего несколько минут понадобилось Питту, чтобы надеть акваланг и все остальное снаряжение. Проделать это в темноте, да еще когда волны пытаются прибить тебя к стальному корпусу корабля — это нелегкая операция. Но большой опыт, который он приобрел во время юношеских занятий подводным плаванием, очень пригодился ему сейчас, и без особых затруднений он справился с этой задачей; Питт огляделся вокруг в поисках деревянного ящика, но тот отплыл куда-то и растворился в ночи; волны и течение отнесли его, наверное, к берегу.

Питт неподвижно лежал на спине и обдумывал возможность нырнуть под *Королеву Артемизию* и обследовать её корпус. Ему не давал покоя непонятный скрежещущий звук, который он слышал, когда находился в машинном отделении; казалось, что скрежет шел из-под киля корабля, снаружи обшивки. Затем до него дошло, что его план безнадежен. Без подводного фонаря он ничего не сможет увидеть. И он не был расположен к тому, чтобы продвигаться, как слепой, наощупь, вдоль стадвадцатиметрового корпуса, обросшего, к тому же, острыми ракушками. Он слышал старые рассказы, в которых подробно описывалась старинная и жестокая практика килевания некоторых непокорных британских солдат. Ему припомнилась одна особенно жуткая история о матросе, которого опустили под киль на судне «Конфидент» около побережья острова Тимор в 1786 году. Наказанный за воровство рюмки бренди со стола капитана, бедный малый висел под килем корабля до тех пор, пока его тело не было искромсано до костей, и стали видны белые ребра и позвоночник. Несчастный мог бы выжить, но, прежде чем другие члены команды смогли втащить его на борт, появилась пара акул, привлеченных запахом крови, и разорвала человека на кусочки прямо на глазах остолбеневших людей. Питт хорошо знал, что могут сделать акулы. Однажды ему довелось вытащить из воды парня, которою сильно покусала акула. Парень остался жив, но большой кусок мышечной ткани всегда будет отсутствовать у него на левом бедре.

Питт громко выругался. Он должен прекратить думать о таких вещах. До него донесся какой-то гудящий звук. Сначала он подумал, что это игра воображения. Он сильно потряс головой, но звук продолжался и становился громче: казалось, он набирал силу. Затем Питт понял, откуда идет это гудение.

Двигатели корабля снова заработали. Навигационные огни зажглись, и *Королева Артемизия* вдруг ожила и наполнилась гулом. Это был момент, когда лучшей частью доблести становилась осторожность. Питт зажал зубами загубник регулятора и нырнул возле корабля. Он работал ластами изо всех сил, ничего не видя под черной водой, слыша только звуки пузырящейся воды. Именно в такие моменты он жалел о том, что курит. Проплыв около пятидесяти пяти метров, он вынырнул на поверхность и оглянулся назад на корабль.

Королева Артемизия в гордом одиночестве стояла на якоре, ее очертания, вырисовывающиеся на сереющем на востоке небе, напоминали старомодный силуэт. Тусклые огни белого цвета горели вокруг корабля, их прерывали зеленые навигационные огни по правому борту. В течение нескольких последних минут ничего больше не произошло. Затем без какого-либо сигнала или отданной голосом команды якорь был поднят и закреплен на борту. Рулевая рубка была

освещена, и Питт мог ясно ее видеть, она все еще оставалась пустой. «Этого не может быть, — снова и снова повторял он самому себе, — этого просто не может быть». Но старый корабль еще не закончил последний акт своего зловещего спектакля. Как бы напоследок телеграф *Королевы Артемизии* начал передавать слабые световые сигналы в тихом предрассветном море. Двигатели заработали с мягким рокотом, и корабль продолжил свое путешествие; секрет его зловещего груза все еще оставался где-то внутри его стального чрева.

Питту не обязательно было видеть, как корабль начал свое движение: он мог чувствовать стук его лопастей под водой. Пятьдесят пять метров было более чем достаточно. На этом расстоянии ни один вахтенный не мог заметить его, и не нужно было опасаться, что его может затащить под тяжелые лопасти и искромсать, как наживку для рыбы.

Чувство глубокого разочарования охватило Питта, когда огромный корабль медленно прошел мимо его покачивающейся среди волн головы. Ему казалось, что он видит гигантскую баллистическую ракету, которая поднялась со своей стартовой площадки и со свистом полетела по своему курсу, неся с собой смерть и разрушение. Он был бессилен, он ничего не мог сделать, чтобы остановить её. Спрятанного где-то на борту *Королевы Артемизии* героина было достаточно, чтобы повергнуть в бред и исступление половину населения Северной Америки. Один только Бог знает, какой хаос возникнет в каждом городе и поселке, если этот героин распределить между теми, кто склонен к этой пагубной привычке. Сколько еще людей пополнят списки наркоманов и сколько погибнет от большой дозы наркотиков? Сто тридцать тонн героина на борту корабля! У него в голове вертелся знакомый мотив, одна старая песенка, которую они пели много лет назад в школе. «Сто бутылок пива на стене...» У неё было похожее звучание, но она предназначалась для легких и веселых душ и сердец, а не для затуманенного наркотиками разума и потерянных надежд.

Затем Питт подумал о самом себе. Не с гордостью и самоудовлетворением от того, что разрушил желтый Альбатрос или обследовал *Королеву Артемизию* и ушел оттуда незамеченным. Он подумал о себе как об идиоте, рискующем своей жизнью ради дела, которое не входит в его обязанности, дела, за которое ему даже не платят. В его обязанности входило устранить препятствия в проведении океанографической экспедиции. Никто не просил его охотиться за контрабандистами наркотиков. Чего он может этим достичь? Он ведь не ангел, охраняющий человечество. Пусть Закинтас, Зено, ИНТЕРПОЛ и любой другой полицейский играют в кошки-мышки с фон Тиллем, это их игра, они обучались и готовились к этому. И им за это платят.

Питт снова громко выругался на себя. Он и так уже затратил слишком много времени на поиски и размышления. Пора возвращаться на берег.

Его глаза непроизвольно посмотрели в сторону корабля, чьи огни мало-помалу растворялись в предрассветной темноте раннего утра. Он добрался до берега, когда солнце уже появилось над горизонтом, и его лучи осветили горные вершины острова.

Питт снял акваланг и положил его на мягкий влажный песок рядом с трубкой, маской и ластами. Изнеможение охватило его ноги, и он опустился на колени. Его тело сильно ныло и болело, но мозг едва ли замечал такие вещи, его занимало совершенно другое.

Питт не смог обнаружить никаких признаков наличия героина на борту судна, так же как и Отдел по борьбе с наркотиками и таможенные инспекции, это уже определенно. Существовала возможность, что груз мог находиться ниже ватерлинии. Но наверняка дотошные инспектора с помощью водолазов обследовали каждый сантиметр корпуса судна, когда оно находилось в порту. Кроме всего прочего, не было другой возможности спрятать груз такого объема, как опустить его в воду, а позднее поднять. Но этого нельзя сделать незаметно, подумал он; это слишком очевидно. Чтобы достать погруженный под воду контейнер, наполненный ста тридцатью тоннами твердого груза нужно организовать полномасштабную спасательную операцию. Нет, должен быть более оригинальный метод, тот, который позволит удачно избегать обнаружения довольно длительное время.

Он взял нож и начал неторопливо вырисовывать контур *Королевы Артемизии* на мокром песке. Затем совершенно неожиданно идея графики захватила его. Он встал и изобразил корпус, который протянулся примерно на три метра. Мостик, трюмы, машинное отделение, — каждая деталь, которую он мог вспомнить, была отмечена на влажном, белом песке. Проходили минуты, и корабль начал приобретать форму. Питт так был поглощен своей работой, что даже не заметил старика с осликом, которые медленно шли вдоль берега.

Старик остановился и уставился на Питта; его морщинистое лицо, которое видело слишком много странного на этом свете, чтобы выказывать удивление, застыло. Через некоторое время он недоуменно пожал плечами и пошел легким шагом вслед за своим ослом.

Наконец схема была почти полностью готова, вплоть до последнего прохода. Нож сверкал на солнце, когда Питт добавил последний смешной штрих — маленькую птичку на маленьком вентиляторе. Затем он отступил назад, чтобы полюбоваться творением своих рук. «Одно совершенно ясно. Я никогда не добьюсь аплодисментов за своё художество. Это больше напоминает толстого кита, а не корабль».

Питт продолжал рассеянно рассматривать рисунок на песке. Неожиданно в его глазах мелькнуло озарение, и его строгое лицо стало совершенно бесстрастным. Новая и довольно странная идея появилась у

него в голове. Сначала эта идея показалась слишком нелепой, но чем больше он размышлял о её возможностях, тем более осуществимой она становилась. Он быстро нанес на песок дополнительные линии. Снова полностью поглощенный работой, он поднялся, чтобы дополнить схему картиной, которая возникла у него в воображении. Когда последние изменения были закончены, его рот медленно растянулся в удовлетворенной улыбке: «Чертовски умно для фон Тилля, чертовски умно».

Он больше не чувствовал усталости, его голову не переполняли неразрешимые вопросы. Это был новый подход, новый вариант ответа. Ему бы следовало додуматься до этого раньше. Он быстро собрал все снаряжение для подводного плавания и начал подниматься по откосу, который отделял берег от прибрежной дороги. Теперь нельзя было и думать о выходе из игры. Следующая проверка может выявить самое интересное. Наверху он обернулся и посмотрел назад, на схему *Королевы Артемизии* на песке. Накатившая волна начала смывать его рисунок и уже стирала трубу корабля, трубу с изображенной на ней большой буквой "M", — Минерва.

13

Джордино лежал, вытянувшись возле голубого грузовика с базы военно-воздушных сил, и крепко спал; его голова покоилась на бинокле, а ноги аккуратно устроились на большом камне. Муравьиная тропа пролегала там, где находилась его рука, и муравьи, игнорируя препятствие, продолжали свое непрерывное движение к небольшому земляному холмику. Питт, улыбаясь, смотрел вниз. Если и была единственная вещь, которую мог делать Джордино, и делать хорошо, подумал он, так это спать где угодно, в любое время и при любых обстоятельствах.

Питт потряс ластами, и соленые брызги капнули на спокойное лицо Джордино, но в ответ ни сонного бормотания, ни резкого проявления недовольства от грубого обрызгивания. Единственной ответной реакцией на действия Питта явился взгляд большого карего глаза, который нехотя открылся и с явной досадой посмотрел прямо на Питта.

— Ага! Заметил! Наш неустрашимый сторож с бдительным оком! — Тон Питта, без сомнения, был полон сарказма. — Если ты когда-нибудь решишься стать телохранителем, все колокола будут звонить только по покойникам.

Второе веко медленно открылось, как створка окна, и показался внимательный глаз:

— Эти старые уставшие глаза непрерывно всматривались в ночное море с того самого момента, когда ты забрался под ящик, до того, как ты появился на берегу и начал играть в песочек.

— Мои извинения, дружище, — засмеялся Питт, — я полагаю, что сомнения в твоей верной службе будут стоить мне еще одной выпивки?

— Двух выпивок, — кисло пробормотал Джордино.

— Считай, что дело уже сделано.

Джордино сел, щурясь на солнце. Он заметил муравьев и осторожно стряхнул их с руки.

— Ну, как прошло твое плавание?

— Роберг Саути, должно быть, имел в виду *Королеву Артемизию,* когда писал: «Ни одного движения в воздухе, ни одного движения в море, корабль был совершенно тих». — Ты можешь сказать, что я нашел что-то, не найдя ничего.

— Я не совсем понял, о чем ты?

— Ладно, объясню позже. — Питт поднял свое снаряжение и положил его на сиденье автомобиля. — Ничего нет от Зака?

— Пока нет. — Джордино направил бинокль на виллу фон Тилля: — Они с Зено взяли взвод местной жандармерии и расположились вдоль территории фон Тилля. Дариус остался дежурить у радиоприемника в пакгаузе, на случай, если будет какая-нибудь передача информации между берегом и кораблем.

— Звучит, как тщательно продуманная операция, но, к сожалению, это пустая трата времени. — Питт вытер полотенцем свои черные волосы, а затем аккуратно причесал их. — Может ли человек найти здесь что-нибудь выпить и покурить?

Джордино кивком головы показал на машину:

— Я не могу помочь тебе с выпивкой, но там на переднем сиденье лежит пачка греческих крабовых палочек.

Питт наклонился к сиденью и достал овальную темную сигарету из черно-золотой коробки «Геллас Спесиалс».

Он никогда не пробовал их раньше и был удивлен их мягкостью. После такого сурового двухчасового испытания и высушенные скрученные морские водоросли тоже покажутся приятными на вкус.

— Кто-то ударил тебя по голени? — сухо спросил Джордино.

Питт выпустил облако дыма и посмотрел вниз на свою ногу. Глубокий красный порез находился чуть ниже колена, и кровь медленно сочилась вниз по ноге. Кожа вокруг раны превратилась в разноцветное сочетание синего, багрового и зеленоватого цветов.

— Мне немного не повезло, я споткнулся о дверную перегородку.

— Я лучше перевяжу тебе рану. — Джордино повергнулся и достал из бардачка аптечку первой помощи. — Небольшая операция, подобная этой, является всего лишь детской забавой для доктора Джордино, всемирно известного хирурга. Я не собираюсь хвастаться, но прекрасно делаю даже пересадку сердца.

Питт попытался рассмеяться, но не получилось:

— Только удостоверься, что ты положил марлевую повязку до того, а не после того, как завязал тесемки.

Джордино изобразил обиженное выражение:

— Какие ужасные вещи ты говоришь. — У него появился лукавый взгляд, — но ты сразу изменишь свой тон, когда получишь мой счет за отказанные услуги.

Питту ничего не оставалось делать, как покорно пожать плечами и доверить свою пораненную ногу рукам Джордино. Ни слова не было сказано в течение последующих нескольких минут. Питт сидел и наслаждался тишиной, глядя на небесно-голубую воду и береговую линию, окруженную белыми античными песками. Узкий берег внизу тянулся от дороги на юг примерно на шесть миль, а затем превращался в тонкую линию и исчезал за западной оконечностью острова. Нигде не было видно ни души, пустынность привлекала своим мистическим очарованием и романтической притягательностью, что обычно изображалось на рекламных открытках южных морей. Это действительно был райский уголок.

Питт отметил, что высота волн достигала примерно полуметра, с интервалом между гребнями волн в восемь секунд. Низкие волны пробегали около ста метров. Затем в финальном приступе ярости они бросались на берег и превращались в сверкающие водяные брызги, чтобы потом медленно откатиться назад и умереть в маленьких водоворотах в полосе прибоя. Для опытною пловца условия были превосходными; для тех, кто занимается виндсерфингом, они тоже были подходящими; но для подводных пловцов песчаная отмель с темно-голубой водой представляла собой бесплодную пустыню. Настоящих любителей подводных приключений привлекали рифы, где можно было увидеть всю красоту подводного мира.

Питт повернул голову и посмотрел на север; здесь все выглядело совершенно иначе. Высокие отвесные скалы, лишенные всякой растительности, поднимались из моря; их поверхность подвергалась бесконечным атакам крутых волн. Огромные упавшие скалы и зияющие трещины были немыми свидетелями того, что может творить мать-природа своими инструментами. Но между неровной линией скал была полоса воды, которая заинтриговала Питта.

Довольно странно, но в этой части вода не бурлила, как везде. Вода внизу у возвышавшихся отвесных скал оставалась гладкой и спокойной, образуя тихую заводь, окруженную с трех сторон пенящимися в водовороте волнами. Примерно на площади в сто квадратных метров море оставалось зеленым и спокойным, белых бурлящих бурунов не существовало и в помине. Это казалось нереальным.

Питт размышлял над тем, что могли бы обнаружить там водолазы. Один только Господь Бог мог видеть тысячелетнее формирование острова, нашествие и отступление ледниковых периодов, изменение уровней древнего моря. Может быть, подумал он, в процессе разрушения гор среди этих неприступных утесов образовались подводные впадины или морские полости.

— Ну вот, — весело сказал Джордино. — Еще один триумф медицинских познаний великого Джордино. — Но Питта невозможно было провести показным проявлением преувеличенного тщеславия. Комичные диалоги всегда использовались Джордино для того, чтобы прикрыть его озабоченность действиями Питта. Джордино стоял, осматривая тело Питта, и качал головой с мягким удивлением.

— С этими повязками на носу, груди и ноге ты выглядишь, как запасной актер-каскадер тридцатых годов в комических лентах периода депрессии.

— Ты прав. — Питт сделал несколько шагов, чтобы размять затекшую ногу: — Я чувствую себя, как уставший амортизатор на буксирном судне.

— Сюда едет Зак, — сказал, указывая рукой, Джордино. Питт присвистнул и посмотрел в направлении вытянутой руки Джордино.

Черный «Мерседес» спускался вниз по горной дороге, оставляя после себя облако коричневой пыли. Через четверть мили он появился на мощеной прибрежной дороге, поднимая клубы пыли, и вскоре Питт услышал тяжелый рев дизельного двигателя, который перекрывал шум прибоя. Автомобиль остановился около их машины. Закинтас и Зено вылезли с переднего сиденья, за ними следовал Дариус, который не пытался скрыть свое болезненное прихрамывание. Закинтас был одет в старомодный армейский френч, его глаза были уставшими, с красными

прожилками. Он производил впечатление человека, который провел унылую и бессонную ночь. Питт дружески улыбнулся ему.

— Ну что, Зак, как дела? Увидел что-нибудь интересное?

Закинтас, казалось, не слышал его. Он устало достал из кармана свою трубку, набил её табаком и раскурил. Затем он осторожно опустился на землю, облокотившись на неё одной рукой.

— Бестии, хитрые ловкие бестии, — горько выругался он. — Мы провели целую ночь, напрягая глаза и скрываясь за деревьями, тучи москитов атаковали нас со всех сторон. И что мы нашли? — Он сделал глубокий вдох, чтобы ответить на свой собственный вопрос, но Питт определил его.

— Вы ничего не нашли, вы ничего не увидели и ничего не услышали.

Закинтас изобразил слабую улыбку:

— Неужели это так видно?

— Видно, — коротко отозвался Питт.

— Вся эта бесполезная работа вызывает крайнее раздражение. — Закинтас сопровождал свои слова ударом кулака по мягкой земле.

— Крайнее раздражение? — повторил Питт. — Разве это самое лучшее, что ты можешь сделать?

Закинтас сел и беспомощно пожал плечами:

— Я теряю всякую надежду. Я чувствую себя так, будто я изо всех сил взбирался по крутой горе только для того, чтобы увидеть, что её вершина закрыта облаками. Может, ты поймешь меня, я не знаю, но я посвятил всю свою жизнь тому, чтобы ловить таких мерзавцев, как фон Тилль. — Он остановился на какой-то миг, затем продолжил совершенно спокойно. — Я еще ни разу не потерпел поражения. Но сейчас у меня ничего не получается. Этот корабль должен быть остановлен, но из-за нашего мягкого кодекса мы не можем остановить его. Господи, ты можешь себе представить, что случится, если этот груз героина доберется до Штатов?

— Я размышлял об этом на досуге.

— Отбросьте ваш законодательный кодекс. — Джордино выглядел раздосадованным. — Позвольте мне установить мину на это старое корыто с трубой и бабахнуть, — он изобразил взрывное облако руками. — И наркотики достанутся рыбам.

Захинтас медленно кивнул:

— У вас верный подход, но...

— Упрощенное мышление, — снова вмешался Питт. Он улыбнулся, глядя на недовольное выражение лица Джордино.

— Поверьте мне, я бы предпочел сотню косяков одурманенных наркотиками рыб, чем одного отравившегося наркотиками школьника, — мрачно произнес Закинтас. — Разрушить этот корабль — значит решить одну только насущную проблему: это все равно, что отрезать одно щупальце у осьминога. Но ведь останется фон Тилль и его ловкая шайка морских контрабандистов, не говоря уже о нераскрытой загадке его — я должен признать — гениальных операций. Нет, мы должны сохранять спокойствие. *Королева Артемизия* пока не дошла до Чикаго. У нас еще остается шанс встретиться с ней в Марселе.

— Я не думаю, что вам повезет в Марселе, — с сомнением произнес Питт. — Даже если один из ваших фальшивых докеров-французов будет ночевать на её борту, даю вам верную гарантию того, что он не обнаружит ничего, о чем стоило бы сообщить.

— Как ты можешь говорить так уверенно? — Закинтас удивленно взглянул на него. — Если... только если ты сам каким-то образом не обследовал этот корабль.

— От него всего можно ожидать, — произнес Джордино. — Он плавал к кораблю, когда тот встал на якорь. Я почти на целых полчаса потерял его из виду, когда наблюдал за ним в бинокль ночного видения.

Теперь все четверо мужчин вопросительно смотрели на Питта.

Питт засмеялся и выбросил сигарету на насыпь.

— Время пришло, как сказал старый морж, поговорить о многих вещах. Соберитесь в кружок, джентльмены, и послушайте приключения Дирка Питта, рыцаря плаща и кинжала, обнаженного ночного вора.

Питт прислонился к грузовику и некоторое время хранил молчание. Он изучающе рассматривал озадаченные лица тех. кто стоял перед ним.

— Вот оно перед вами, опрятное небольшое судно, как вы могли видеть. — Он криво улыбнулся. — *Королева Артемизия* в действительности не что иное, как показная сторона. Да, действительно, она бороздит соленые моря, получая и перевозя грузы. Но вот здесь сходство между настоящим зафрахтованным судном и *Королевой* кончается. Это старый корабль, точно, но под его стальным корпусом находится совершенная и современная централизованная система контроля. Я видел такое же оборудование на одном старом корабле в Тихом океане в прошлом году. Для такого судна не требуется большая команда. Шесть или семь человек могут легко справляться с этим.

— Без шума и пыли, — добавил Джордино.

— Именно, — кивнул Питт. — Каждое отделение, каждая каюта оборудованы как сцена, театральные подмостки. Когда корабль прибывает в порт, появляется команда, которая превращается в актеров.

— Извини, что это все так туго доходит до наших скромных умов, — крестьянский подбор слов не мог скрыть даже Оксфордский акцент Зено. — Я не понимаю, как *Королева Артемизия* может справляться с грузовыми перевозками, не имея необходимой команды и обеспечения во время длительных плаваний.

— Это как отправной ориентир, веха, — объяснил Питт. — Давайте представим известный замок, где огонь в очагах еще горит, водопровод еще действует, а поля всегда ухоженные и зеленые. Пять дней в неделю крепость закрыта, а в выходные она открыта для посещения туристов, или в нашем случае, таможенных инспекторов.

— А смотрители? — насмешливо спросил Зено.

— Смотрители, — отозвался Питт, — живут в подвале.

— Только крысы живут в подвале, — сухо заметил Дариус.

— Очень ценное наблюдение, Дариус, — одобрительно сказал Питт. — В частности, когда вы увидите двойную основу, мы и решим эту проблему.

— Подвалы, театральные подмостки, крепости. Команда, погребенная где-то внутри корабля. К чему вы все это клоните? Давайте ближе к истине, — потребовал Закинтас.

— Я к этому и веду. Для начала, команда не находится внутри корабля. Она разместилась под ним.

Глаза Закинтаса сузились:

— Это невозможно.

— Напротив, — улыбнулся Питт. — Это окажется вполне возможным, если бы прекрасная *Королева Артемизия* была беременна.

Установилось короткое напряженное молчание. Все четверо непонимающе уставились на Питта. Джордино первым нарушил тишину.

— Ты пытаешься нам что-то объяснить, но будь я проклят, если хоть что-то понимаю.

— Зак признал, что метод фон Тилля, который он использует для контрабанды, гениален. А все гениальное просто. *Королева Артемизия* и другие корабли компании Минерва могут двигаться самостоятельно

или их может контролировать корабль-спутник, прикрепленный к их корпусу. Поразмышляйте над этим минутку. Это не так смешно, как кажется. — Питт говорил об этом с такой спокойной уверенностью, что не оставалось никаких сомнений. — *Королева* отклоняется на два дня от своего основного маршрута не только для того, чтобы послать воздушный поцелуй фон Тиллю. Контакт должен как-то осуществляться. — Он повернулся к Закинтасу и Зено. — Вы и ваши люди наблюдали за виллой и не увидели никакого сигнала.

— Никто даже не входил и не выходил, — добавил Зено.

— То же было и с кораблем, — сказал Джордино, с любопытством глядя на Питта. — Ни одна нога не ступила на берег, кроме тебя.

— Дариус и я тоже единодушно признали это, — произнес Питт. — Он не слышал никаких радиопередач, а я нашел радиорубку пустой.

— Я начинаю понимать, к чему ты клонишь, — задумчиво сказал Зак. — Какое-нибудь сообщение между кораблем и фон Тиллем могло происходить только под водой. Но я еще не уверен, что понял твою теорию о корабле-спутнике.

— Попытайся еще раз. — Питт замолчал. — Что может преодолевать длинное расстояние под водой, имеет команду, обладает возможностью перевезти сто тридцать тонн героина и никогда не будет осмотрено таможней или инспекторами из отдела по борьбе с наркотиками? Может быть только один логичный ответ — это настоящая подводная лодка.

— Заманчивое предположение, но оно не пройдет. — Зак отрицательно покачал головой. — Мы проводили подводные обследования каждого корабля компании Минерва ниже их ватерлинии по меньшей мере сотню раз. Но пока не обнаружили подводную лодку.

— Они, видимо, и не стремились её найти. — Питт ощутил сухость во рту от сигареты. Он бросил окурок на середину дороги и смотрел, как он дымится, пока смола под ним не расплавилась и не превратилась в небольшую черную точку. — Причина неудач не в методе. Ваши водолазы не обнаружили лодку — если вы простите за каламбур — из-за расписания.

— Вы предполагаете, что субмарина расставалась с кораблем перед его заходом в порт? — спросил Закинтас.

— Это ценная мысль, — согласился Питт

— Что еще? Куда направляется?

— Чтобы получить ответы, давайте начнем с *Королевы Артемизии* в Шанхае. — Питт на мгновение остановился, собираясь с мыслями. —

Если бы вы находились на верфи там, на реке, наблюдая, как корабль принимает груз на борт, то увидели бы обыкновенную погрузочную операцию. Подъемные краны поднимают мешки и опускают их в трюм — они будут стремиться загрузить героин в трюмы. Героин идет первым, но он не остается в трюме. Его перемещают на подводную лодку, возможно, через потайной люк, который не удалось обнаружить никакому таможенному инспектору. Потом легальный груз погружается на борт и *Королева* направляется к Цейлону. Там соя и чай обмениваются на какао и графит, другой законный груз. Следующим пунктом является заход на Тасос. Наверное, по распоряжению фон Тилля. Затем в Марсель для заправки горючим и, наконец, последняя остановка в Чикаго.

— Здесь я что-то не могу уловить, — пробормотал Джордино. — Что, например?

— Я не знаток подводных лодок, но я не могу представить, как кто-то может играть роль детеныша кенгуру с кораблем или где можно разместить весь этот груз наркотиков?

— Могли быть произведены различные модификации, — убедительно произнес Питт. — Не требуется особого инженерного искусства, чтобы убрать рубку и другие выступающие части для того, чтобы верхняя палуба стала ровной и плотно прилегала к килю материнского корабля. Типичная подводная лодка времен второй мировой войны имела водоизмещение около полутора тысяч тонн, достигала в длину до ста метров, высота корпуса — три метра, а ширина судна — восемь метров: это вдвое больше обычного сельского дома. Если освободить помещения для торпед, отсеки для команды из восьмидесяти человек и убрать другое ненужное личное имущество, то появится более чем достаточное пространство для размещения героина.

Питт обратил внимание, что Закинтас слушал его в очень своеобразной манере: у него был крайне задумчивый вид. Затем на его лице показались первые следы понимания и озарения.

— Скажи мне, майор, — спросил он, — с какой скоростью может двигаться *Королева Артемизия* с прикрепленной к корпусу подводной лодкой?

Питт задумался на мгновение:

— Я бы сказал, около двенадцати узлов. Однако, думаю, без этой ноши скорость корабля будет около пятнадцати-шестнадцати узлов.

Закинтас повернулся к Зено:

— Вполне возможно, майор идет по правильному следу.

— Я знаю, о чем вы думаете, мой инспектор. — Зубы Зено сверкнули под его пышными усами. — Мы часто обращали внимание на загадочные изменения в скорости движения кораблей Минервы.

Глаза Закинтаса снова обратились к Питту:

— Выгрузка героина: как и когда она происходит?

— Ночью, в море во время прилива. Днем слишком рискованно. Подводную лодку можно заметить с воздуха...

— Это совпадает, — перебил его Закинтас. — Корабли фон Тилля всегда прибывают по графику в порт после захода солнца.

— Во время разгрузки, — продолжал Питт, даже не обратив внимание на то, что его перебили, корабль освобождается от лодки сразу же после захода в порт. Без рулевой рубки или перископа лодка может управляться с поверхности маленьким судном. Вот здесь кроется единственный реальный шанс провала, возможность столкнуться в темноте с незамеченным кораблем.

— Нет сомнения, что у них на борту есть лоцман, который знает каждый сантиметр прохода в порт, — задумчиво произнес Закинтас.

— Первоклассный лоцман просто необходим для таких операций, как у фон Тилля, — согласился Питт. — Увернуться под водой от опасностей, да еще в темноте и на мелководье — это занятие не для любителя-яхтсмена.

— Следующая проблема на повестке дня, — медленно произнес Закинтас. — Нужно определить место, где субмарина может укрыться и выгрузить героин, не боясь быть обнаруженной.

— Как насчет пустого пакгауза? — пошутил Джордино.

Его глаза были закрыты, и казалось, что он спит, но Питт знал по своему долгому опыту, что тог не пропустил ни слова.

Питт засмеялся.

— Хитрый злодей, который шныряет вокруг пустого пакгауза, быстро вернется с Шерлоком Холмсом. Недвижимость около портов всегда в большом спросе. Незанятое здание будет находиться под постоянным подозрением. Кроме всего этого, как Зак уже здесь говорил, пакгауз будет первым местом, куда заглянут следователи.

Легкая улыбка скользнула по губам Закинтаса.

— Майор Питт прав. Все доки и склады тщательно осматриваются нашими отделами и таможнями, не говоря уже об окружной портовой

охране. Нет, какой бы ни был этот метод, он должен быть очень умным. Достаточно умным, чтобы работать гладко и успешно все эти годы.

Наступила долгая пауза. Затем он спокойно продолжал.

— Сейчас, по крайней мере, у нас есть определенное направление. Это только ниточка, но, если она привязана к веревке, а веревка — к цепи, тогда при небольшой доле фортуны мы сможем обнаружить фон Тилля на другом конце.

— Если вы собираетесь последовать предположениям майора, то тогда крайне необходимо, чтобы Дариус проинформировал наших агентов в Марселе. — Тон Зено напоминал интонацию человека, пытающегося убедить самого себя в том, что еще не было доказанным фактом.

— Нет, чем меньше они знают, тем лучше, — Закинтас покачал головой. — Я хочу, чтобы не предпринималось никаких действий, о которых мог бы узнать фон Тилль. *Королева Артемизия* и героин должны добраться до Чикаго без помех.

— Очень ловко, — улыбнулся Питт, — использовать груз фон Тилля, чтобы привлечь акул.

— Об этом нетрудно догадаться, — кивнул Закинтас. — Каждая тайная и подпольная организация, вовлеченная в нелегальную перевозку наркотиков, обязательно постарается встретить и поприветствовать эту лодку. — Он умолк, чтобы раскурить свою трубку. — Отдел по борьбе с наркотиками будет очень счастлив организовать прием гостей.

— При условии, что вы сможете найти место выгрузки, — добавил Питт.

— Мы найдем его, — уверенно произнес Закинтас. — *Королева* доберется до Великих озер не ранее, чем через три недели. У нас будет достаточно времени, чтобы обследовать каждый пирс, лодочные стоянки и яхтклубы, — все, что расположено вдоль берега. Аккуратно, конечно, не поднимая шума, чтобы не вспугнуть всех игроков.

— Это будет нелегко.

— Ты недооцениваешь Отдел, — Закинтас выглядел задетым. — Мы эксперты в вещах такого рода. Чтобы убедить тебя, я скажу, что мы не собираемся определять точное место, только основной район. Радар проследит за субмариной до ее конечной остановки. А мы появимся в подходящий момент.

Питт с сомнением посмотрел на него:

— Ты уже считаешь все доказанным и определенным.

Закинтас уставился на Питта.

— Я удивляюсь тебе, майор. Ведь это ты дал нам направление. Могу добавить, первое реальное направление, которое ИНТЕРПОЛ и Отдел искали уже двадцать лет. Неужели ты начал сомневаться в своих собственных заключениях?

Питт покачал головой:

— Нет, я уверен, что правильно угадал в отношении подводной лодки.

— Тогда в чем проблема?

— Я думаю, вы все валите в кучу, сосредоточивая усилия только на Чикаго.

— Разве можно найти лучшее место для ловушки?

Питт говорил медленно и уверенно.

— Сотня всяких неожиданностей может произойти между сегодняшним днем и тем моментом, когда *Королева Артемизия* предстанет перед таможней. Ты же сам говоришь, что три недели — это достаточный срок, чтобы обследовать всю береговую линию города. Зачем торопить события? Я твердо уверен, что нужно найти побольше убедительных фактов, прежде чем полностью приниматься за это дело.

Закинтас удивленно посмотрел на Питта.

— Что ты имеешь в виду?

Питт прислонился к грузовику; голубая обшивка уже успела накалиться. Он снова посмотрел на море, его волевое лицо под волнистыми черными волосами сделалось сосредоточенным и напряженным. Он глубоко вдохнул, наслаждаясь соленым морским воздухом, пьянящее ощущение захватило его на несколько секунд. С некоторым усилием он заставил свой мозг вернуться в суровую реальность происходящего, и когда он заговорил, то уже знал, что нужно сделать.

— Зак, мне нужны десять крепких парней и один морской волк, который хорошо знает воды вокруг Тасоса.

— Зачем? — просто спросил Закинтас.

— Кажется резонным, что если фон Тилль осуществляет руководство своей контрабандной деятельностью с виллы и сообщается со своими кораблями под водой, то у него должна быть скрытая база где-то вдоль этого побережья.

— И ты намереваешься найти ее?

— Это основная идея, — уверенно отозвался Питт. Он посмотрел Закинтасу прямо в глаза. — Ну?

Закинтас задумчиво играл своей трубкой, прежде чем ответить:

— Невозможно, — его голос был твердым. — Я не могу разрешить этого. Ты талантливый человек, майор. До настоящего момента твои решения не расходились с практической логикой. И никто не оценит больше меня ту огромную помощь, которую ты нам оказал. Однако, я ни в коем случае не могу вспугнуть фон Тилля. Я повторяю, корабль и героин должны беспрепятственно добраться до Чикаго.

— Фон Тилль уже встревожен, — Питт был очень решителен. — Он будет крайне осторожен с вами. Британский эсминец и турецкий самолет, которые следили за *Королевой Артемизией* от самого Цейлона до Эгейского моря, уже наглядно показали, что ИНТЕРПОЛ знает о героине. Я говорю, что его нужно остановить сейчас, прежде чем еще один из его кораблей возьмет на борт или разгрузит нелегальный груз.

— Пока тот корабль не отклонится от своего курса, и не раньше, я настаиваю, чтобы полиция не касалась фон Тилля. — Закинтас прервался на несколько секунд, затем спокойно продолжал. — Ты должен понимать: полковник Зено, капитан Дариус и я занимаемся наркотиками. Если мы собираемся успешно выполнить свою работу, мы не можем заниматься проблемой белого рабства, украденного золота или тайной перевозкой известных преступников. Это звучит жестоко и бессердечно, я понимаю, но в ИНТЕРПОЛе имеются другие хорошие специалисты и отделы, которые занимаются расследованием преступлений такого рода. И они скажут то же самое, если корабль перевозит груз, который находится вне их компетенции. Нет, я сожалею, мы можем потерять фон Тилля в конце, но зато мы поймаем крупнейших подпольных торговцев наркотиками в Северной Америке, уж не говоря о том, что значительно сократим поступление героина.

Наступила тишина, затем Питт сердито взорвался:

— Чушь! Если вы сумеете захватить героин, подводную лодку и ее команду, и даже каждого продавца наркотиков в Штатах, вы не остановите фон Тилля. Через минуту он найдет новых покупателей и снова вернется с другим грузом наркотиков. — Питт ждал реакции, но ничего не было. — Вы не имеете никакой власти над нами с Джордино, — продолжал Питт. — Все, что нам нужно сделать здесь, мы сумеем сделать без вашей помощи.

Губы Закинтаса плотно сжались. Его глаза со злостью посмотрели на Питта, затем он взглянул на свои часы:

— Мы тратим время. У меня остался всего один час, чтобы добраться до аэропорта и улететь утренним рейсом в Афины. — Он направил свою трубку на Питта, как пистолет. — Мне не нравится, что у меня не хватает аргументов, но вы не оставляете мне выбора. Я очень сожалею, майор.

Хотя я перед вами в большом долгу, но я должен снова поместить вас и капитана Джордино в тюрьму.

— Черта с два, — холодно огрызнулся Питт. — Мы не собираемся подчиняться.

— Ваше достоинство пострадает при насильственном аресте, если вы не уступите. — Закинтас похлопал по кобуре сорокапятимиллиметрового пистолета, которая висела у него на боку.

Джордино лениво поднялся с земли и схватил Питта за руку. Он улыбался:

— Ты не думаешь, что настал самый подходящий момент для Малыша Джордино опробовать его быстрое оружие? — На Джордино была облегающая рубашка и брюки цвета хаки, но нигде не было видно и признака предательской выпуклости от оружия. Питт посмотрел на него с надеждой и подозрением.

— Думаю, трудно найти более подходящий момент.

Закинтас расстегнул кобуру своего пистолета:

— Какого черта вы там придумали в этот раз? Я должен предупредить вас...

— Подождите, — дребезжащий голос принадлежал Дариусу. — Если позволите, инспектор, у меня есть счет для предъявления этим двоим.

Джордино, казалось не спешил. Он проигнорировал угрозу Дариуса и говорил так спокойно, точно просил Питта передать ему солонку:

— Мое оружие является верхом совершенства, но в настоящий момент я мог бы быстрее всего достать его из-за пояса. Что бы ты хотел увидеть сейчас?

— Сейчас, — в голосе Питта звучало больше любопытства, чем смущения, — я согласен достать оружие хоть из штанов.

— Все! Хватит! — Закинтас раздраженно замахал своей трубкой. — Я рассчитываю, что вы проявите благоразумие и мы договоримся.

— Где вы собираетесь содержать нас три недели? — спросил Питт.

Закинтас пожал плечами:

— В тюрьме на материке созданы отличные условия для политических заключенных. Можно будет попробовать убедить полковника Зено воспользоваться своим влиянием и достать для вас камеру с видом на... — Закинтас внезапно замолчал в середине фразы; его карие глаза

сощурились от бессильной ярости, и он неподвижно застыл, как статуя в городском парке.

Миниатюрное оружие, не больше чем обыкновенный карманный пистолет, внезапно появилось в руке Джордино. Тонкий, как карандаш, ствол был нацелен прямо в точку между бровей Закинтаса. Даже Питт был застигнут врасплох. Логика подсказывала ему, что Джордино блефует; самая большая неожиданность, которую он или кто-то еще мог ожидать, — это то, что у Джордино появится настоящий пистолет.

14

Пистолет, неважно, как он выглядит, маленьким или массивным, всегда приковывает к себе внимание. Сказать, что Джордино находился в центревнимания, значит ничего не сказать. Он играл роль великолепно, держа пистолет в вытянутой руке, с мрачной улыбкой на лице. Если бы комитеты по присуждению премий давали награду за произведенный эффект, то он наверняка получил бы целых три.

Долгое время никто не мог произнести ни слова. Затем Зено сжал руку в кулак. Горькая улыбка появилась на его смуглом лице:

— Ведь я сам говорил, что эти двое очень хитрые и опасные, и я же оказался настолько глуп, что предоставил им новую возможность доказать это.

— Мы тоже не получаем особого удовольствия от этой маленькой сцены, — ровным голосом произнес Питт. — Сейчас, если вы, джентльмены, извините нас, мы закроем нашу лавочку и отправимся домой.

— Чтобы не получить пулю в спину, — Джордино небрежно покачал маленьким пистолетом перед тремя офицерами из Отдела наркотиков, — лучше бы нам забрать их оружие перед уходом со сцены.

— В этом нет необходимости, — сказал Питт. — Никто не собирается спускать курок. — Он посмотрел в глаза Закинтасу, затем Зено и увидел в них задумчивость и размышление. — Отличная выдержка. У вас большой соблазн, но вы не выстрелите нам в спину, потому что вы благородные люди. К тому же, это будет не слишком умно, расследование обстоятельств нашей смерти только подтвердит, что это грязное дело. Фон Тиллю это бы понравилось. С другой стороны, вы прекрасно знаете, что мы не будем стрелять в спину, потому что совсем не собираемся убивать кого-то из вас. Спокойствие, я не прошу ничего, кроме спокойствия с вашей стороны в следующие десять часов. Я обещаю тебе, Зак, что мы снова встретимся до захода солнца, и в более дружеской обстановке. — Голос Питта казался странно пророческим, и

сосредоточенное выражение в глазах Закинтаса сменилось полным изумлением.

Питт испытывал соблазн продолжить игру в кошки-мышки, но потом передумал. Закинтас и Зено признали поражение, но не Дариус. Его огромная фигура сделала пару шагов вперед, лицо пылало от злости, а грозные кулаки сжимались и разжимались, как створки раковин двух огромных моллюсков. Наступило самое время предпринять быстрое и организованное отступление.

Питт медленно обошел автомобиль, используя капот и крылья, как барьер между собой и Дариусом. Он сел за руль, слегка сморщившись, потому что накалившееся на солнце сиденье обожгло его бедра и спину, и завел двигатель. Джордино проследовал за ним в кабину, не спуская глаз с людей, стоявших возле черного «Мерседеса»: пистолет был в его руке. Затем спокойно, без какой-либо спешки, Питт мягко включил скорость и повел машину к Брейди Филд, к причалу *Первой Попытки*. Он взглянул в зеркало заднего вида, затем оглянулся на дорогу, снова в зеркало, и так несколько раз, пока три стоявшие на дороге фигуры не исчезли из вида, когда машина свернула под сень старинной рощицы оливковых деревьев.

— Ничто не стирает разницу так, как оружие, — глубокомысленно заметил Джордино, откинувшись на спинку сиденья.

— Дай посмотреть эту игрушку.

Джордино аккуратно передал его:

— Ты должен признать, он чертовски удобен в руке.

Питт изучал лилипутский пистолет, поглядывая время от времени на дорогу, чтобы не попасть в рытвину или колдобину. Он определил пистолет как карманный маузер двадцать пятого калибра, им обычно пользовались европейские женщины для самообороны: его можно легко спрятать в сумочку или за подвязку. Им хорошо пользоваться только на близком расстоянии, его точность с расстояния свыше трех метров даже в руках опытного профессионала была плохой.

— Мы должны признать, что нам очень повезло.

— Конечно, повезло, — ухмыльнулся Джордино. — Этот малыш ликвидировал разницу. А почему, ты думаешь, в старые добрые времена гангстеры называли оружие уравнителем?

— Ты бы нажал на спусковой крючок, если бы Зак и его ребята не согласились на компромисс? — спросил Питт.

— Без сомнения, — уверенно ответил Джордино. — Я бы только старался целиться в руки или ноги. Не убивать же, в самом деле того, кто угощал тебя бренди.

— Я вижу, тебе следует многому научиться в обращении с немецким оружием.

Глаза Джордино сузились:

— Что ты хочешь этим сказать?

Питт задержал в руке маленький пистолет с тяжелой рукояткой:

— Две вещи. Первое: оружие двадцать пятого калибра вряд ли может остановить человека. Ты можешь выпустить всю обойму в Дариуса, но, не сделав смертельного выстрела в голову или сердце, ты вряд ли задержишь его. И второе: нужно было видеть выражение твоего лица, когда ты говорил о выстреле. — Питт положил пистолет на ладонь Джордино. — Он все еще не снят с предохранителя.

Питт быстро глянул на Джордино. Глаза Джордино уставились на оружие, лежащее на ладони. Его лицо ничего не выражало, но Питт слишком хорошо знал своего друга, чтобы понять, что тот совершенно сбит с толку.

Джордино пожал плечами и улыбнулся Питту.

— Стоило посмотреть на это зрелище, как Малыш Джордино победил в конкурсе на звание идиота года. Я совсем забыл о предохранителе.

— У тебя никогда не было маузера. Где ты достал его?

— Он принадлежал твоей маленькой подружке. Я обнаружил его, когда тащил ее через тоннель. Он был прикреплен к ее ноге.

— Ты маленький ублюдок, — разозлился Питт. — Ты хочешь сказать, что он был у тебя все это время, когда Дариус выбивал наши мозги?

— Конечно, — кивнул Джордино. — Я засунул его в носок. У меня не было шанса воспользоваться им. Ты прыгнул на Франкенштейна прежде, чем я был готов. После этого вся драка произошла слишком быстро. Следующее, что я помню, — это как я плашмя лежал на спине, а мою голову ломали. Но было уже слишком поздно, я не мог дотянуться до пистолета.

Питт молчал, его мозг переключился на другой предмет. Было еще раннее утро, и деревья, окружавшие дорогу, отбрасывали на запад свои длинные тени. Он вел машину по инерции, сотни вопросов и сотни сомнений витали в его голове. Он не знал, с чего начать, у него был только план, который возник после того, как он осмотрел отвесные

окружавшие берег скалы. Этот план был крайне рискованным, аферой, не подкрепленной ничем, кроме невероятного желания осуществить его. Затем он автоматически нажал на тормоз, и машина остановилась около главного входа на Брейди Филд.

Через сорок минут они уже поднимались по трапу на *Первую Попытку*. Палуба была пустынна, но из кают-компании доносился громкий мужской хохот, сопровождаемый серебристым женским смехом. Питт и Джордино вошли внутрь и увидели Тери в окружении целого экипажа и ученых-исследователей. Она была одета или полуодета в завязанный самодельный бикини, который, казалось, мог развязаться от легкого дуновения ветерка. Тери кокетливо устроилась на столе, в центре внимания, как королева, окруженная свитой, и было видно, что она наслаждалась каждым мужским взглядом. Было совершенно элементарно отличить ученых от матросов. Последние стояли тихо, и перед их мысленным взором прокручивались, как в кино, различные порнографические сцены. Смеялись, в основном, ученые. Морские биологи, метеорологи, геологи, каждый из них с неистовым усердием пытался привлечь внимание Тери; они вели себя, как школьники, в чьей спальне внезапно появилась необыкновенно сексуальная королева.

Командир Ганн заметил Питта и подошел к нему.

— Я рад, что ты вернулся. Наш радист близок к сумасшествию. Начиная с самого рассвета, он получает сигналы быстрее, чем может записать. Большинство из этих сообщений предназначено тебе.

Питт кивнул:

— Хорошо, пойдем и прочитаем мою корреспонденцию. — Он повернулся к Джордино. — Попробуй, может, тебе удастся оторвать нашу пчелиную матку от ее пылких обожателей на несколько минут и проводить ее в кабинет Ганна. Мне бы хотелось задать ей парочку приватных вопросов.

Джордино ухмыльнулся:

— Судя по виду этого бурлящего улья, я, вероятно, буду подвергнут линчу при первой же попытке.

— Если дело примет слишком крутой оборот, ты пригрози им своим пистолетом, — с сарказмом произнес Питт, — но только не забудь снять его с предохранителя.

Джордино открыл рот, как рыба, выброшенная на берег. Но прежде, чем успел что-то ответить, Питт и Ганн уже вышли.

Радист, молодой негр лет двадцати, поднял голову, когда они вошли:

— Это сообщение, которое только что поступило, для вас, сэр. — Он протянул записку Ганну.

Ганн некоторое время изучал ее, затем его губы медленно изогнулись в удивленной улыбке:

— Послушай это. *Командиру Ганну, капитану корабля НУМА Первая Попытка. В какое еще чертово осиное гнездо ввязались там ваши люди в Эгейском море. Я направил вас туда для изучения жизни моря, а не для игры в полицейских и воров. Приказываю вам оказывать всяческое содействие, повторяю, всяческое содействие, под вашим руководством местным представителям ИНТЕРПОЛа. И не вздумайте вернуться домой без этой чертовой Задиры. Адмирал Джеймс Сандекер, НУМА, Вашингтон.*

— Я бы сказал, что адмирал выражается немного не в своей обычной манере, — пробормотал Питт. — Он использовал «чертов» только два раза.

— Пожалуйста, просвети меня, — попросил Ганн. — Какое возможное содействие мы можем оказать ИНТЕРПОЛу?

Питт задумался. Ганн поставил перед ним трудный вопрос; было еще слишком рано раскрывать все факты. Питт уклонился от ответа.

— Возможно, мы единственная надежда в операции по уничтожению фон Тилля и его империи. Это может оказаться немного рискованным делом, но ставки слишком высоки.

Ганн снял очки и пристально посмотрел на Питта.

— Как высоки?

— Большая партия героина, которого хватит, чтобы отравить все население Соединенных Штатов и Канады, — медленно произнес Питт. — Сто тридцать тонн, если быть совершенно точным.

Ганн не выказал никакого удивления. Он спокойно поднял свои очки к свету, проверяя, нет ли пятен на стеклах. Удовлетворенный тем, что их нет, он надел очки и заправил их роговые дужки за свои низко посаженные уши.

— Да, приличное количество, сказал бы я. Почему ты не рассказал мне об этом вчера вечером, когда доставил на борт девушку?

— Мне нужно было время, чтобы найти ответы на некоторые вопросы, да мне и сейчас его не хватает. Но, думаю, я найду то, что позволит мне разрешить эту замысловатую задачу.

— Я все еще не понимаю, что ты ждешь от меня.

— Мы должны нанести фон Тиллю удар ниже пояса, сильный удар. Для этого необходимо произвести подводную вылазку. Мне нужно несколько сильных мужчин, умеющих владеть подводным ружьем и другим оружием, которым можно пользоваться в воде: ножи, гарпуны, еще что-нибудь.

— Какие гарантии ты можешь мне дать, что никто из них не пострадает?

— Абсолютно никаких, — спокойно отозвался Питт. Ганн долго изучающе смотрел на Питта, его лицо казалось застывшим.

— Ты осознаешь серьезность того, о чем меня просишь? Большинство мужчин на борту этого корабля — ученые, а не коммандос. Они прекрасно управляются с измерителями плотности воды, с микроскопами и другим научным оборудованием, но оставляет желать лучшего их мастерство в том, чтобы выпустить кишки человеку или поразить его гарпуном.

— А как насчет экипажа?

— Они все подходят для оказания помощи на случай стычки или скандала, но, как у большинства профессиональных моряков, у них развита непреодолимая неприязнь к подводной деятельности. Вряд ли они смогут отважиться надеть маску и спуститься под воду. — Ганн покачал головой. — Я сожалею, Дирк, но ты просишь слишком много.

— Да перестань же, — резко перебил его Питт. — Я не собираюсь просить тебя выслать кавалерию против индейцев сиу. Послушай, всего в пятидесяти милях отсюда корабль компании Минерва Лайнс пересекает Эгейское море с таким же смертоносным грузом, как ядерная бомба. Если это количество героина попадет на рынок в Штаты, то даже наши внуки будут страдать от умственной и физической деградации. Это ужасная мысль. — Питт остановился, закурил сигарету и снова продолжал. — Отдел по борьбе с наркотиками и таможенный департамент будут ждать. Они организовали ловушку. Если, но это «если» с большой долей сомнения, все пойдет хорошо, то героин и контрабандисты, плюс половина нелегальных торговцев наркотиками в Штатах будут аккуратно задержаны и отправлены за решетку.

— Так в чем же проблема? — настаивал Ганн. — Как водолазы вписываются в эту картину?

— Ну, скажем так, у меня есть много сомнений. Фон Тилль осуществил столько морских перевозок и ни разу за десятки лет не был схвачен с поличным. Легально наши правительственные агенты не смогут проверить груз на борту судна, пока оно не достигнет побережья Соединенных Штатов через три недели. Но фон Тилль может почувствовать, что ИНТЕРПОЛ держит его под прицелом. И вместо того,

чтобы сотрудничать с нашими парнями и попасть в подготовленную ловушку, он может в последнюю минуту изменить курс корабля или даже сбросить героин в Атлантику. Тогда агенты по наркотикам и таможенные инспекторы останутся с носом. Единственно верный путь, надежный путь, — остановить корабль сейчас, пока он не покинул Средиземноморье.

— Но ты же сам сказал — легально этого нельзя сделать.

— Это единственная возможность, — Питт глубоко затянулся, потом медленно выпустил сигаретный дым через нос, — получить достоверные факты против фон Тилля до утра.

Ганн снова покачал головой.

— Даже тогда задержка корабля в нейтральных водах, особенно корабля, который принадлежит дружественной стране, может привести к политическим осложнениям. Я сомневаюсь, чтобы какая-то страна захотела столкнуться с этим.

— Это единственный шанс, — настаивал Питт. — Корабль остановится в Марселе, чтобы пополнить запасы горючего. ИНРЕРПОЛу придется работать быстрее; если они получат очевидные доказательства и добьются официального разрешения, то смогут задержать корабль в порту.

Ганн прислонился к дверному проему и внимательно: взглянул на Питта:

— Все дело в том, что ты хочешь подвергнуть риску жизнь людей, которые находятся под моим командованием.

— Это нужно сделать, — спокойно парировал Питт.

— Я думаю, ты увиливаешь от прямого ответа, — медленно произнес Ганн. — Ты по уши завяз в своих переделках. Мне не по душе ни одна из них. Я отвечаю перед НУМА за этот корабль и его персонал. Все, что меня интересует, так это безопасное завершение экспедиции. Почему мы? Я не вижу причин, почему ИНТЕРПОЛ или местная полиция не могут провести свою собственную операцию по расследованию. Найти на острове ныряльщиков не составит трудностей.

«Это было бы слишком неловко», — подумал Питт. На данном этапе игры он не мог так сделать, потому что Закинтас был против даже малейшего беспокойства фон Тилля. Питт был знаком с Ганном больше года, и за это время они стали хорошими друзьями. Капитан был сообразительным парнем. Следующая сцена должна быть сыграна хладнокровно, очень спокойно. Питт какой-то момент подозрительно смотрел на радиооператора, затем снова повернулся к Ганну.

— Назови это судьбой, совпадением или каким-нибудь еще понравившимся тебе словом, но *Первая Попытка* появилась у берегов Тасоса в тот самый момент, чтобы помешать прекрасно спланированному преступному замыслу. Вся контрабандная операция фон Тилля зависит от использования подводной лодки, может быть, даже не одной, мы еще не знаем. Героин — это самое большое дело, которое он когда-либо проворачивал. Дьявольски трудно представить себе, но от этой операции он легко может получить более двухсот миллионов долларов чистой прибыли. Он все хорошо спланировал, ничто не стояло на его пути. Затем, в один прекрасный день, он выглядывает из своего окна и видит океанографическое исследовательское судно, расположившееся в двух милях. Узнав, что вы занимаетесь поиском легендарной рыбы, он начал сильно беспокоиться. Слишком много шансов, что один из ваших ныряльщиков сможет случайно обнаружить его базу, и, что самое главное, — его способ контрабанды. Он пришел в отчаяние. Он не мог утопить вас. Ведь полномасштабное расследование при исчезновении этого корабля могло разрушить все его планы. Не было также никакой надежды раздуть антиамериканские выступления или бунт. Люди, которые живут на острове, — в основном, миролюбивые крестьяне и рыбаки. Нечего было думать о том, что они выйдут на демонстрацию протеста против научной экспедиции. Они, наоборот, приветствовали вас. Местные торговцы тоже не имели ничего против исследователей. Фон Тилль рискнул предпринять ход с дальним прицелом. Он организовал атаку базы Брейди Филд, надеясь, что полковник Льюис прикажет вам покинуть этот район в качестве меры предосторожности. Когда эта попытка потерпела неудачу, он отбросил всякую осторожность и направился прямо к кораблю.

— Я даже не знаю, — заколебался Ганн. — У тебя все получается довольно логично. За исключением подводных лодок. Ни один человек не может обратиться в ближайший яхтклуб или к посреднику и купить подводную лодку.

— Единственный путь, каким фон Тилль мог прибрать к рукам подводную лодку, не привлекая внимания, — поднять одну из тех, что затонули на мелководье во время войны.

— Все это начинает звучать довольно интересно, — спокойно произнес Ганн. Теперь он был на стороне Питта. У него был лихорадочный вид старого изыскателя, который только что обнаружил карту, ведущую к скрытой золотой шахте.

Питт продолжал.

— Это работа для профессиональных водолазов. К тому времени, когда ИНТЕРПОЛу удастся собрать собственную команду, будет слишком

поздно. — Последнее утверждение было полуправдой, но оно превосходно послужило Питту, чтобы перейти к другому тезису. — Нужно действовать сейчас. Ведь, не считая Кусто, только у тебя есть прекрасные водолазы и снаряжение в Средиземном море. Я не собираюсь говорить тебе никакой чепухи вроде «последней надежды человечества» или того, что «лучше принести в жертву нескольких ради спасения миллионов». Все, о чем я тебя прошу, — это несколько добровольцев, чтобы помочь мне обследовать скалы под виллой фон Тилля. Мы можем погрузиться и не найти ничего. С другой стороны, мы можем обнаружить достаточно доказательств, чтобы конфисковать корабль и героин, и задержать фон Тилля с поличным. Удача или провал, но мы должны попробовать.

Ганн ничего не ответил. Но выражение его лица говорило о глубокой задумчивости и сосредоточенности. Питт взглянул на него, размышляя, а затем забросил наживку:

— Было бы интересно, если бы нам удалось узнать, что случилось с желтым Альбатросом.

Ганн посмотрел на Питта и задумчиво поискал что-то в кармане. Более твердолобого и упрямого человека ему не приходилось встречать. Ганн припомнил, что он уже имел возможность убедиться в решимости Питта во время того дела на Гавайях в прошлом году, и он не смог подвести его. Если Питт сказал, что собирается убить каждую акулу в море, размышлял Ганн, то он, вероятно, будет чертовски близок к этому. Он проверил влажность и, посмотрев на забинтованное тело Питта, снова стал шарить в кармане, размышляя, что он будет думать обо всем этом завтра.

— Ну хорошо, ты победил, — тихо сказал он. — Хотя я не сомневаюсь, что из-за этого решения окажусь перед военным трибуналом. И небольшое утешение появиться после этого в газетных заголовках.

Питт засмеялся:

— Не так мрачно, мой друг. Что бы ни случилось, ты просто направил обычную группу собрать образцы морской флоры с шельфа около скал. Если мы попадем в трудный переплет, ты можешь сказать, что это чистая случайность.

— Надеюсь, Вашингтон поверит этому.

— Не беспокойся, я думаю, мы оба достаточно хорошо знаем адмирала Сандекера и можем быть уверены, что он будет стоять за нас, не обращая внимания на последствия.

Ганн достал платок из кармана брюк и вытер пот с лица и шеи.

— Ну, с чего начнем?

— Набери своих добровольцев, — коротко пояснил Питт. — Собери их и необходимое снаряжение на корме в полдень. Я же постараюсь в нескольких тщательно подобранных словах объяснить их задачу, и затем мы отправимся.

Ганн взглянул на часы.

— Сейчас 9.00. Я могу подготовить их к погружению через пятнадцать минут. Зачем ждать три часа?

— Мне нужно немного времени, чтобы поспать, — улыбаясь, произнес Питт. — Я не хочу заснуть под водой на глубине в двадцать метров.

— Это неплохая идея, — серьезно произнес Ганн. — Ты выглядишь не лучше, чем утром после новогодней ночи. — Он повернулся и собрался было уже выйти из каюты, затем остановился. — Кстати, сделай мне одолжение и отправь эту девицу на берег как можно скорее. Я нахожусь в достаточно жарком климате и не хочу, чтобы меня обвиняли, что я превратил корабль в плавучий бордель.

— Извини, но не раньше, чем я вернусь после погружения. Крайне важно, чтобы она оставалась на борту, где кто-то может присмотреть за ней.

— Ну ладно, пусть так, — спокойно произнес Ганн дружелюбным тоном. — Ты снова можешь рассчитывать на меня. Кстати, кто она?

— Ты не поверишь, племянница фон Тилля.

— О, нет. — Ганн казался потрясенным. — Этого мне еще не хватало.

— Не заработай себе инфаркт, — мягко сказал Питт. — Все будет нормально. Даю тебе слово.

— Будем надеяться, — кивнул Ганн. Он поднял глаза к небу и в безнадежном отчаянии пожал плечами. — Почему я, Господи?

Затем он вышел.

Питт задумчиво смотрел через открытую дверь на голубое неподвижное море. Радист склонился над большим приемником и вел передачу, но Питт ничего этого не слышал. Его захватило чувство внутренней сосредоточенности и тишины, которая сопровождалась изнуряющей жарой и ее неизменным спутником — влажностью. Его тело оцепенело — оцепенело от сильного недосыпания и неимоверного умственного напряжения. Его нервы были натянуты подобно канатам подвесного моста; если один лопнет, то остальные начнут рваться один за другим, пока всё сооружение не рухнет и не канет в забвение. Как азартный

игрок, который поставил все свое состояние на лошадь, десять к одному, он чувствовал, как его сердце напряженно колотилось в груди, подгоняемое сомнениями и чувством неопределенности.

— Извините меня, майор, — низкий грудной голос радиста донесся, казалось, откуда-то издалека. — Эти сообщения для вас.

Питт ничего не ответил. Он только протянул руку и взял листки.

— Первое поступило из Мюнхена в 6.00. — Голос молодого негра был неуверенным и нетвердым. — После него в 7.00 поступили два сообщения из Берлина.

— Спасибо, — глухо отозвался Питт. — Что-нибудь еще?

— И последнее, сэр, оно... ну, оно действительно какое-то сверхъестественное. Без позывных, без повторения, без подписи, только текст.

Питт посмотрел на текст радиограммы. Его губы медленно раздвинулись в кривой ухмылке.

— Майор Дирк Питт, НУМА, борт *Первой Попытки.* Час спустя, готовы девять. Г. З.

— Какой... какой-нибудь ответ будет, майор? — голос звучал неуверенно и дрожаще.

Вдруг Питт заметил болезненное выражение на лице радиста.

— С тобой все в порядке?

— По правде говоря, не совсем, майор. Уже сразу после завтрака у меня в кишках началось сильнейшее бурление, меня даже вывернуло наизнанку пару раз.

Питт не смог сдержать улыбки.

— Комплименты корабельному коку. Не правда ли?

Радист отрицательно покачал головой и закрыл на мгновение глаза:

— Не может быть. Кок — величайший знаток и гурман. Ох, это, наверное, местный вариант гриппа. А может, это от несвежей бутылки пива или еще чего-нибудь.

— Держись, — сказал Питт. — Нам нужен надежный человек возле радиоприемника в течение следующих двадцати четырех часов.

— Вы можете рассчитывать на меня. — Радист попытался изобразить подобие улыбки. — Кроме того, этот цыпленок, которого вы привели на

борт, так кудахтал и суетился вокруг меня, как мама-курица. Как я могу не оправдать такое внимание?

Питт удивленно поднял брови:

— Ты, должно быть, заметил в ней что-то такое, чего не увидел я.

— Она неплохая. Не совсем, правда, в моем вкусе, но неплохая. Как бы там ни было, она приносила чай все утро, хороший крепкий чай.

Молодой негр внезапно охнул и согнулся. Его глаза расширились, и он зажал рот рукой.

Затем он резко вскочил на ноги, отбросив стул, выбежал наружу и перевесился через перила. Глухие, низкие стоны доносились до радиорубки.

Питт вышел из радиорубки и легонько похлопал по спине больного радиста:

— Мне нужно, чтобы ты был возле радиоприемника, мой друг. Крепись, сейчас я пришлю корабельного доктора.

Радист молча кивнул головой и не двинулся с места. Питт повернулся и пошел, стараясь не заблудиться на корабле.

Через некоторое время, пока он нашел корабельного врача и попросил его оказать помощь радисту, Питт вошел в каюту Ганна и увидел, что там темно, жалюзи опущены. Прохладный воздух шел от вентилятора, наполняя каюту комфортабельной приятной атмосферой, что было значительным улучшением по сравнению с невыносимой вчерашней жарой. В полумраке он заметил Тери, уютно сидевшую на столе. Её подбородок лежал на поднятых коленях. Она смотрела на него и улыбалась.

— Что задержало тебя?

— Работа, — ответил он.

— Держу пари, бессмысленная работа. — Её лицо казалось обиженным. — Где же большое приключение, которое ты мне обещал? Каждый раз когда я оборачиваюсь, ты исчезаешь.

— Когда долг зовет, дорогая, я должен отвечать. — Питт пододвинул кресло и облокотился на его спинку. — На тебе очень интригующая одежда. Где ты это достала?

— Ничего тут такого…

— Я же вижу.

Она улыбнулась ему на его замечание и продолжала:

— Я просто разрезала несколько наволочек. Лифчик завязывается сзади узлом, а трусики скрепляются по бокам. Смотри! — Она встала и развязала узел на левом бедре, позволив маленькому клочку одежды дразняще свеситься.

— Очень, очень остроумно. Что ты еще придумаешь на «бис»?

— Сколько это будет стоить тебе? — спросила она соблазнительным голосом.

— Как насчет жетона для старого трамвая?

— Ты невыносим, — надулась она. — Я начинаю думать, что ты сумасшедший.

Ему пришлось сделать усилие над собой, чтобы не поддаться обаянию ее тела:

— Именно сейчас мне нужно выяснить некоторые детали.

Она недоуменно смотрела на него несколько секунд. Попыталась было что-то сказать, но потом передумала, его лицо было серьезным и неулыбчивым. Она передернула плечами, медленно завязала бикини и опустилась в свободное кресло.

— Ты ведешь себя ужасно загадочно.

— Я снова стану любящим и милым после того, как ты ответишь мне на несколько простых вопросов.

Она нетерпеливо почесала кожу над левой грудью.

— Ну тогда спрашивай.

— Вопрос номер один: что ты знаешь о контрабандных операциях своего дяди?

Её глаза удивленно округлились.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Я думаю, ты знаешь.

— Ты сумасшедший, — произнесла она, свирепо глядя на него. — Дядя Бруно владеет корабельной компанией. Почему человек с его богатством и социальным положением должен заниматься какой-то ничтожной контрабандой?

— Ни что из того, что он делает, ни может считаться ничтожным, — сказал Питт. Он замолчал на мгновение, наблюдая за выражением ее

лица, и затем продолжил. — Вопрос номер два: до того, как ты приехала на Тасос, когда в последний раз ты видела фон Тилля?

— Ни разу с тех пор, как была маленькой девочкой, — тихо ответила она. — Мои мама и папа утонули, когда их лодка перевернулась во время сильного шторма около острова Мэн. Дядя Бруно был вместе с ними. И я тоже была. Он спас меня. После того ужасного несчастного случая он был очень добр ко мне; самые лучшие закрытые учебные заведения, деньги, когда я в них нуждалась. Он всегда помнит день моего рождения.

— Да, он сама сердечность, — с сарказмом произнес Питт. — Но не староват ли он для твоего дяди?

— В действительности он брат моей бабушки.

— Вопрос номер три: как получилось, что ты никогда не навещала его раньше?

— Когда я писала и просила у него разрешения приехать на Тасос, он всегда писал в ответ, что слишком занят, озабочен какими-то простоями кораблей и перевозками или что-то в этом роде. — Она тихо засмеялась. — Хотя в этот раз я одурачила его. Я просто появилась и удивила его.

— Что ты знаешь о его прошлом?

— Ничего определенного. Он очень мало говорит о себе. Но я знаю точно, что он не контрабандист.

— Твой любимый дядя самый страшный негодяй, которого когда-либо производили на свет. — Голос Питта был усталым. Ему не хотелось ранить ее, но он был уверен, что она лжет. — Одному только Богу известно, сколько гниющих трупов обязаны ему своим нынешним состоянием; сотни, тысячи даже. И ты погрязла с ним во всем этом по самую свою прелестную шейку. Каждый доллар, который ты потратила в последние двадцать лет, испачкан в крови. В некоторых случаях в крови, а иногда в слезах, особенно в слезах невинных детей. Молоденькие девочки, которые были вырваны из родительских рук и завершили свое детство и юность на грязных, вшивых соломенных матрацах в публичных домах Северной Африки.

Она вскочила на ноги:

— Такие вещи больше не случаются. Ты лжешь, ты выдумываешь все это. — «Теперь она испугалась, но продолжает играть великолепно», — подумал Питт. — Я сказала тебе правду. Я ничего не знаю. Ничего!

— Ничего? Ты знала, что фон Тилль задумал меня убить на вилле. Твоя маленькая чувствительная сцена на террасе, я должен признать, одурачила меня. Но ненадолго. Ты упустила свое истинное призвание — тебе следовало бы стать актрисой.

— Я не знала. — В ее голосе звучало отчаяние. — Клянусь, я не…

Питт покачал головой:

— Я больше не куплюсь на это. Ты выдала себя у выхода из лабиринта, когда нас арестовал туристический гид. Ты была не просто удивлена, увидев меня, ты была совершенно шокирована, когда увидела меня среди обломков.

Она подошла и присела возле него, взяла его руки в свои.

— Пожалуйста, пожалуйста… О, боже! Что я должна сделать, чтобы заставить тебя поверить мне?

— Ты можешь начать с изложения фактов. — Он поднялся с кресла и встал прямо перед ней, затем он сорвал влажную повязку со своей груди и положил ей в ладони. — Посмотри на меня. Вот что я получил за то, что принял твое приглашение на обед. Я предназначался как главное блюдо для людоедской собаки твоего дяди. Смотри на меня!

Она посмотрела:

— Кажется, мне плохо.

Питт сгорал от желания взять ее на руки и осушить поцелуями слезы, выступившие у нее на глазах, и мягко, нежно сказать ей, как он сожалеет. Вместо этого он должен был сохранять свой голос твердым и злым.

Она отвернулась и недоуменно смотрела на металлическую раковину в углу, пытаясь понять, тошнит ее или нет, затем она повернула наполненные слезами глаза к Питту и заговорила шепотом:

— Ты дьявол. Ты говоришь о дяде Бруно. Но ты хуже, намного хуже. Я бы желала, чтобы ты был убит.

Вместо ожидаемой ненависти Питт смог почувствовать только печаль и уныние:

— Тебе придется оставаться на этом корабле, пока будет необходимо.

— Ты не можешь держать меня здесь, ты не имеешь права.

— Я не имею права, правда, но я могу держать тебя здесь. И, пока ты находишься под наблюдением, но не забивай свою прелестную головку изобретением способов побега. Все мужчины на корабле являются

великолепными пловцами. Тебе не удастся отплыть и на пятьдесят метров, как бы ты ни старалась.

— Но ты же не можешь держать меня, как узницу, вечно. — Ненависть пылала на ее лице. Никогда еще женщина не смотрела так на Питта. Это заставило его почувствовать себя весьма неудобно.

— Если мое небольшое расследование и захват пройдет сегодня в полдень именно так, как я планировал, то ты выскочишь из моих рук и к вечеру можешь оказаться в руках жандармерии.

Вдруг Тери с любопытством взглянула на него.

— Так вот почему ты исчез прошлой ночью?

Питт даже изумился, как ее огромные карие глаза — ее необыкновенно прекрасные глаза — могли в одном взгляде отразить так много чувств.

— Да, по правде говоря, я тайком пробрался на борт одного из кораблей твоего дяди как раз перед рассветом. Это была весьма поучительная экскурсия. Ты никогда не угадаешь, что я обнаружил.

Он внимательно смотрел на нее, пытаясь предугадать, что принесет ее следующий взгляд.

— Я не могу представить, — уныло произнесла она. — Единственные корабли, на которых я была, — это паромы на переправе.

Он прошел вперед и присел на кровать. Мягкий матрац был таким удобным. Он лег на спину и сцепил руки за головой, затем сладко и громко зевнул.

— Я прошу прощения. Это невежливо с моей стороны.

— Ну?

— Что ну?

— Ты собираешься рассказать мне, что ты нашел на корабле дяди Бруно.

Питт покачал головой и улыбнулся.

— Женское любопытство. Стоит только его затронуть — и оно становится ненасытным. Ну, коли ты настаиваешь, я нашел карту к подводной пещере.

— Пещере?

— Конечно. Откуда же еще, ты думаешь, твой добрый дядюшка может руководить своим грязным бизнесом?

— Для чего ты рассказываешь мне все эти истории? — у нее снова был обиженный взгляд. — Это не может быть правдой.

— О, Господи, добавь немного разума в ее головку. Я не говорю тебе ничего нового. Фон Тилль может обвести вокруг пальца ИНТЕРПОЛ, жандармерию и Отдел по борьбе с наркотиками, но не мог же он в самом деле одурачить тебя.

— Ты говоришь чепуху, — медленно произнесла она.

— Я? — задумчиво переспросил он. — Ровно в 4.30 сегодня утром корабль твоего дяди *Королева Артемизия* бросил якорь в море недалеко от виллы. Этот корабль до краев загружен героином. Уверен, ты должна была слышать о героине. Многие знают о нем. Это, наверное, самый плохо хранимый секрет года. Я должен признать превосходство твоего дяди, он старый мастер-волшебник. Поражает аудиторию действиями одной руки, в то время как другой делает трюки. Его маленькая игра подходит к концу. У меня есть своя небольшая хитрость, которая опустит занавес.

Она помолчала немного.

— Что ты собираешься предпринять?

— То, что сделает любой горячий американский парень. Я собираюсь взять Джордино и еще пару ребят и проплыть под водой вдоль берега, пока мы не обнаружим пещеру. Она, вероятнее всего, находится у основания скал прямо под виллой. Как только мы обнаружим вход, мы войдем, осмотрим все оборудование, найдем улики, произведем гражданский арест твоего дяди, а затем вызовем жандармерию.

— Ты сумасшедший, — снова повторила она, только с еще более сильным чувством. — Весь твой захват, или как ты там это называешь, совершенно идиотский. Ты не можешь пойти на это. Пожалуйста, пожалуйста, поверь мне. У тебя ничего не выйдет.

— Бесполезно упрашивать. Ты можешь попрощаться со своим дядей и его грязными деньгами. Мы спускаемся под воду в 13. — Питт снова зевнул. — Теперь, если ты любезно извинишь, я бы поспал немного.

Слезы появились снова. Она медленно покачивала головой из стороны в сторону.

— Это невозможно, — шептала она снова и снова, потом повернулась и вышла из каюты, закрыв за собой дверь.

Питт лежал на кровати, уставившись в потолок. «Она, конечно, права, — подумал он. — Это действительно звучит, как идиотский захват. Но что еще она может подумать, ведь она знает только половину всего».

15

Море без устали скручивалось в высокие гребни волн и грозило, как зловещий перст судьбы, прежде чем удариться в неподвижные серые скалы. Воздух был теплым и прозрачным, с юго-запада веял легкий ветерок. Призрак, каким казалась *Первая попытка,* — белый стальной призрак — двигался тихо и осторожно и все ближе и ближе подходил к кипящим волнам, пока стало казаться, что крушение неизбежно. В самое последнее мгновение Ганн повернул штурвал, положив *Первую Попытку* на параллельный курс по отношению к скалистому берегу. Он внимательно поглядывал на остроконечные скалистые вершины, двигаясь по показаниям фазометра, измеряющего глубину, всего в каких-то пятидесяти метрах от берега.

— Как мы обуздали этот прибой? — спросил он, не поворачивая головы. Его голос был тихим и уверенным; сам он оставался таким же спокойным, как и рыбак в лодке на безмятежном озере в Миннесоте.

— Твой старый инструктор по мореплаванию гордился бы тобой, — отозвался Питт. В отличие от Ганна он продолжал смотреть вперед.

— Это совсем не так страшно, как кажется, — сказал Ганн, указывая на фазометр. — Глубина дна под килем около двадцати метров!

— Двадцать метров на участке протяженностью менее ста метров — этого вполне достаточно.

Ганн приподнял одну руку от штурвала и снял морскую фуражку с золотой кокардой, вытирая выступивший на лбу пот.

— Такое явление нередко наблюдается в районе, свободном от внешних рифов.

— Это хороший признак, — задумчиво произнес Питт. — Достаточное пространство для маневра подводной лодки, чтобы ее не заметили с поверхности.

— Ночью, может быть, — возразил Ганн. — Но днем слишком видно. Вода прозрачная, и видимость достигает тридцати метров. Кто-нибудь стоящий на крутом отвесном берегу может запросто посмотреть вниз и заметить стометровый корпус, лежащий на дне.

— Также нетрудно будет заметить и ныряльщика, — Питт повернулся и взглянул на виллу, расположившуюся, как крепость на скалистой вершине горы.

— Тебе нужно будет иметь это в виду, — задумчиво произнес Ганн. — Фон Тилль может видеть любое твое движение. Держу пари, что у него

есть пара биноклей, которые следят за каждым нашим шагом с того момента, как мы подняли якорь.

— Я тоже уверен в этом, — отозвался Питт. Окружавшая красота пейзажа на какое-то мгновение захватила его внимание. Лазурные руки Эгейского моря ласково окружали античный остров, ослепительный блеск солнца и воды дополнял морской пейзаж. Только рев бушующего прибоя вторил мерному рокоту корабельных двигателей, да иногда крик одинокой чайки врывался в этот шум. За скалистым берегом на склоне гор, на обширном зеленом лугу паслось стадо, оно напоминало маленькие неподвижные очертания коров на ландшафтах Рембрандта. И внизу, в защищенных от ветра бухтах, среди невысоких утесов, и на берегу лежали кучи выбеленных на солнце досок и бревен, прибитых волнами.

Питт был захвачен этим великолепием и покоем. Ему пришлось сделать усилие над собой, чтобы вернуться мыслями к работе. Этот загадочный район спокойной воды уже приближался, он лежал в трех четвертях мили от носа корабля. Питт положил руку на плечо Ганна:

— Спокойный бассейн.

Ганн кивнул.

— Да, мы приближаемся. При нашей нынешней скорости мы войдем в него уже через десять минут. Твоя команда готова?

— Все одели снаряжение и ждут, — коротко ответил Питт. — Они знают, чего можно ожидать. Я велел им собраться по правому борту за капитанским мостиком, чтобы их не было видно с виллы.

Ганн надел фуражку:

— Обязательно напомни им, чтобы они прыгали в воду как можно дальше от корпуса судна. Если кого-то затянет к винтам, могут быть неприятности.

— Я не думаю, что им нужно это повторять, — спокойно отозвался Питт. — Они все опытные парни. Ты же сам мне это говорил.

— Ты прав, — буркнул Ганн. Он повернулся к Питту. — Я собираюсь держать курс вдоль береговой линии еще мили три. Мы должны одурачить фон Тилля и заставить его подумать, что мы занимаемся обычным промером глубин и составлением карты. Надеюсь, что он клюнет на эту уловку.

— Мы скоро узнаем это. — Питт сверил свои часы с корабельным хронометром. — Сколько времени займет твоя прогулка?

— Я собираюсь сделать несколько кругов и быть здесь в 14.10. Так что у вас есть ровно пятьдесят минут, чтобы найти субмарину и выбраться назад. Ты с моими людьми будешь ждать корабль, ты слышишь меня?

Питт ответил не сразу. Широкая улыбка появилась на его губах, и веселые искорки запрыгали в живых зеленых глазах.

Ганн изумленно посмотрел на него:

— Неужели я сказал что-то смешное?

— В какой-то момент ты напомнил мне мою маму. Она обычно говорила, что, когда за мной приплывет корабль, я, вероятно, буду ждать его на автобусной остановке.

Ганн уныло покачал головой.

— Если ты не вернешься назад, я, по крайней мере, буду знать, где искать. Ну, закончим с этим. Тебе пора одевать водолазное снаряжение.

Питт просто кивнул в ответ, молча покинул душную рулевую рубку и спустился на палубу вниз по трапу. По правому борту *Первой Попытки* он увидел пятерых загорелых парней, которые ждали его. «Им не откажешь в благородстве и смелости», — подумал Питт. Как и Питт, все они были только в черных плавках. Ребята деловито возились с дыхательными приборами и шлангами аквалангов: каждый проверял снаряжение другого, чтобы быть до конца уверенным, что клапаны акваланга и шланги находятся в нужном положении.

Ближайший пловец Кен Найт посмотрел на подошедшего Питта.

— Я уже подготовил снаряжение для вас, майор. Надеюсь, вам подойдет регулятор с одним шлангом, к сожалению, НУМА не снабдила нас двойными в это путешествие.

— С одним шлангом будет даже лучше, — бодро ответил Питт. — Он надел ласты, прикрепил нож к икре правой ноги: затем надел на голову маску с трубкой. Маска была широкой, что позволяло пловцу иметь обзор в сто восемьдесят градусов. Следующими были акваланг и регулятор. Он уже начал было возиться с креплениями акваланга, когда неожиданно шестнадцатикилограммовые баллоны были подняты с палубы и водружены на его спину двумя крепкими руками.

— Ты ни дня не можешь обойтись без моих услуг, — помпезно произнес Джордино. — Это просто наказание для меня.

— Настоящее наказание — это то, что я мирюсь с твоим хвастовством и крайним эгоизмом, — кисло произнес Питт.

— Ну вот, ты опять нападаешь на меня, — Джордино попытался показаться обиженным, но у него ничего не получилось. Он повернулся и посмотрел вниз на убегавшую воду; после долгой паузы он медленно произнес: — Господи, посмотри, какая прозрачная вода! Она чище, чем в сосуде с золотой рыбкой.

— Да, я тоже заметил. — Питт вытащил из чехла зазубренный конец двухметровой остроги подводного ружья и проверил эластичность резинового ремня, прикрепленного к толстому концу. — Ты выучил свой урок?

— В этом старом сером веществе, — сказал Джордино, указывая на свою голову, — все необходимые ответы записаны.

— Как обычно, но было бы еще приятнее знать, что ты уверен в себе.

— Шерлок Джордино знает все, видит все. Никакие секреты не могут скрыться от его пытливого ума.

— Твой пытливый ум не мешает иногда получше смазывать, — наставительно сказал Питт. — У тебя очень напряженный график.

— Ты только предоставь это мне, — ответил Джордино, глядя ему в лицо. — Ну вот, время пришло. Я бы хотел пойти вместо тебя. Да ладно, наслаждайся своим плаванием и повеселись.

— Я постараюсь, — пробормотал Питт. — Я постараюсь.

Два удара корабельной рынды означали сигнал минутной готовности. Питт, неуклюже ступая в ластах, шагнул на маленькую платформу, которая простиралась вдоль правого борта корабля.

— При звуке следующего удара, джентльмены, мы прыгаем. — Он больше ничего не сказал, отчасти потому, что каждый уже знал, что он должен сделать, отчасти потому, что нечего было добавить.

Водолазы крепче сжали подводные ружья и молча обменялись взглядами. Только одна мысль пульсировала в их умах в эту минуту: если прыжок будет недостаточно длинным, то нога может попасть под вращающийся винт. По жесту Питта они выстроились в ряд.

Прежде чем опустить маску на глаза, Питт снова посмотрел на парней и в десятый раз изучил их отличительные приметы, по которым он смог бы распознать их на расстоянии под водой. Парень, стоявший рядом с ним, Кен Найт, геофизик, был единственным блондином в группе: коротышка Стэн Томас, судовой инженер в голубых ластах был единственным из всех, который, как подозревал Питт, вряд ли сможет постоять за себя в столкновении. Следующим был рыжебородый морской биолог Ли Спенсер; затем Густав Герсон, долговязый, почти

двухметрового роста, морской ботаник — эти двое постоянно подшучивали друг над другом. Последним, замыкающим, был фотограф экспедиции Омар Вудсон, человек с самым невозмутимым и бесстрастным лицом. Казалось, все происходящее наводило на него тоску. Вместо подводного ружья Вудсон взял 35-миллиметровый Никон со вспышкой, небрежно свесив за поручень дорогую аппаратуру для подводных съемок, словно это была старая ненужная коробка.

Питт надвинул маску на глаза, тихо присвистнул самому себе и еще раз взглянул на воду. Она бурлила возле платформы уже не так быстро — Ганн снизил скорость *Первой Попытки* до трех узлов — достаточно медленно, решил Питт, чтобы нырнуть ногами вперед. Он повернул голову и пристально посмотрел вперед на приближающуюся в море точку, куда он нырнет в следующий момент.

Почти в то же самое мгновение Ганн взглянул на показания фазометра и в последний раз на скалистый берег. Его рука медленно поднялась, поискала язычок рынды, нашла его, остановилась, затем сильно дернула за него. Металлический звук разорвал горячий полуденный воздух и понесся по морской глади к прибрежной каменной стене, вернувшись отзвуком эха назад, к кораблю.

Питт, балансируя на краю платформы, не стал дожидаться эха. Крепко прижав одной рукой маску к лицу и сжимая другой подводное ружье, он прыгнул.

Тысячи сверкающих на солнце бриллиантовых капелек поднялись в воздух. Сразу же после того, как водная гладь сомкнулась над его головой, Питт стал погружаться и работал ластами так быстро, как будто вращалось в полную мощность гребное колесо старого парохода на реке Миссисипи. Через пять секунд, проплыв около пяти метров, он оглянулся назад и посмотрел на темный контур удаляющегося корабельного корпуса. Вращающиеся двойные лопасти гребных винтов казались устрашающе близкими. Их гудящий шум распространялся под водой со скоростью до полутора тысяч метров в секунду, кроме того, эффект от преломления света под водой увеличивал их сверкающие лопасти почти на четверть.

Сжав зубами загубник регулятора, Питт перевернулся и посмотрел в направлении удаляющегося корабля, чтобы увидеть, как прыгнули остальные. Слава богу, они все были здесь, в одном месте. Найт, Томас, Спенсер и Герсон, все в одной группе, совсем недалеко. Только Вудсон усиленно работал ластами, он висел в воде метрах в трех над остальными.

Видимость была прекрасной. Длинные пурпурные щупальца осьминога были ясно различимы в двадцати пяти метрах. Парочка уродливых рыб-драконов медленно проплывала у самого дна, их яркие

голубовато-желтые бесчешуйчатые тела были украшены сверху колючими шипами. Это был сказочный мир, мир безмолвия, заполненный загадочными созданиями и украшенный таким разнообразием форм и оттенков цветов, которые не поддаются человеческому описанию. Это был также таинственный и опасный мир, который, начиная от убийственных зубов акулы и до смертельного яда невинно выглядящей рыбы-зебры, представлял из себя захватывающее сочетание вечной красоты и постоянного риска.

Не дожидаясь появления первых признаков дискомфорта, Питт начал продувать маску, чтобы сровнять внутреннее давление с давлением воды. Когда кровь перестада стучать в ушах, он стал медленно погружаться, приближаясь к чудесному пейзажу внизу, чтобы самому стать его частью.

В десяти метрах красный цвет практически исчез, на глубине было царство мягкого голубого и зеленого цветов. Питт задержался на глубине пятнадцати метров и стал внимательно рассматривать дно. Здесь не было ни скал, ни каких-либо обитателей, только островок подводной пустыни, где миниатюрные песчаные дюны извивались в змеевидной ряби. За исключением встречающейся иногда обитающей на дне рыбы-звездочета с парой остекленевших глаз и огромными, выдающимися вперед губами, морское дно было пустынным.

Ровно через восемь минут после того, как они покинули *Первую Попытку,* морское дно начало постепенно подниматься, и вода стала темной от бушующего на поверхности прибоя. Скалистый массив, покрытый морскими водорослями, показался впереди. И они внезапно оказались у подножия вертикальной отвесной скалы, которая поднималась вверх под углом в девяносто градусов, пока не исчезла в зеркальной поверхности моря. Как капитан Немо и его товарищи, занимающиеся изучением подводного сада, Питт повел свою команду морских исследователей на поиски убежища подводной лодки.

Поиски входа заняли не более пяти минут. Вудсон, который двигался в тридцати метрах справа, обнаружил пещеру первым. Подавая сигнал Питту и остальным, он постучал ножом по своему акваланту, позвал их рукой и продолжил плавание вдоль северного склона к широкой расселине. Там он остановился, делая рукой призывный жест. И тут Питт тоже увидел темное и зловещее отверстие всего лишь в четырех метрах от поверхности воды. Размеры его были достаточными для подводной лодки, туда с успехом мог поместиться локомотив. Команда зависла в кристально чистой воде, глаза были устремлены на вход в подводный грот; колеблясь, они обменивались взглядами.

Питт двинулся первым и проник в отверстие. Кроме нескольких смутных отблесков света, отражавшихся от его белых пяток, он полностью исчез из вида: темная пещера поглотила его.

Он неторопливо двигал в воде ластами, позволяя течению медленно уносить его в глубь тоннеля. Яркая зелень и голубизна залитого солнцем моря быстро превратилась в глубокую синеву. Сначала Питт ничего не видел, но скоро ею глаза привыкли к темноте, и он начал различать некоторые детали.

На скалистых стенах тоннеля не было видно ни стремительных крабов, ни моллюсков и ракообразных. Пучеглазые омары не шныряли здесь в поисках пищи.

Голые стены пещеры были покрыты лишь красноватым веществом, которое мутило воду, когда Питт прикасался к этому гладкому, неестественному материалу. Он задрал голову и взглянул на полукруглый потолок, с интересом наблюдая, как маленькие пузырьки воздуха скользили по нему, напоминая шарики ртути.

Внезапно потолок резко поднялся, и голова Питта оказалась на поверхности. Он огляделся кругом, но ничего не увидел, все было закрыто серым облаком тумана. Удивленный, он снова опустил голову под воду и нырнул, проплыв метра три. Под ним полукруглое дно тоннеля заливала темная синева. Вода была прозрачной, как воздух; Питт мог видеть каждый уголок, каждую трещину в подводном пространстве грота.

Аквариум. Питт смог описать все это только одним подходящим словом. Единственное, чего не хватало, так это иллюминаторов в стенах, и тогда пещера походила бы на аквариум в Калифорнии. Здесь все отличалось от тоннеля: повсюду кипела морская жизнь. Тут были омары, крабы, моллюски, различные ракообразные, даже длинные бурые ламинарии, множество разноцветных рыбок. Одна такая рыбка промелькнула перед глазами Питта, но, прежде чем он смог рассмотреть ее, она заметила его присутствие и поспешила укрыться в скалистой расселине.

Несколько мгновений Питт наблюдал за этой захватывающей жизнью. Затем он вдруг почувствовал, как чья-то рука схватила его за ногу. Это был Кен Найт, и он показывал ему на поверхность. Питт кивнул, что понял, и поплыл наверх. Здесь его снова встретил полный туман.

Питт вытащил трубку:

— Что ты думаешь об этом? — Каменные стены усилили его голос до рева.

— Совершенно типичный случай, — ответил Найт громовым голосом. — Каждый раз, когда прилив закрывает наружный вход и проносится с

силой по тоннелю, то имеющийся в пещере воздух сжимается. Когда давление уменьшается, то объем влажного воздуха расширяется, он охлаждается и конденсируется в туман. — Найт замолчал, чтобы высморкаться. — Приливы бывают здесь с интервалом приблизительно около двенадцати секунд, так что в любой момент все может проясниться.

Не успел он произнести это, как туман исчез, обнажив мрачную пещеру метров восемнадцать высотой. Это был пустынный грот и ничего больше: никаких следов человеческой деятельности. Питт почувствовал себя так, словно он вошел в пустой кафедральный собор, разрушенный артиллерийским огнем во время первой мировой войны и воздушной бомбардировкой во время второй мировой. Стены были покрыты трещинами и расселинами, а разрушенные у основания скалы показывали, что одна из них может упасть в любой момент. Затем снова появился туман, и видимость исчезла.

Питт за те несколько секунд, которые понадобились на осмотр грота, не ощутил ничего, кроме грызущих его сомнений. Затем поднялась волна ошеломляющего недоверия, потом появилась досада, что он ошибся.

— Этого не может быть, — пробормотал он, — этого просто не может быть. — Свободная рука Питта сжалась в кулак так, что костяшки пальцев побелели, и он в приступе отчаяния и ярости ударил кулаком по воде. — В этой пещере должна быть оперативная база фон Тилля. Господи, помоги нам найти выход из этого недоразумения, в которое мы попали.

— Согласен с вами, майор, — Найт подплыл и дотронулся до плеча Питта.

— Геологические основания вне подозрений. Это отверстие казалось самым подходящим. Это тупик. Кроме тоннеля, здесь больше нет выходов.

— Я видел выступ в дальнем конце грота. Может, если я…

— Для этого нет времени, — нетерпеливо перебил его Питт. — Мы должны как можно скорее вернуться назад и продолжить поиски.

— Извините меня, майор! — Герсон взял Питта за руку: он подплыл так незаметно, что Питт невольно вздрогнул от неожиданности. — Я обратил внимание на то, что может показаться интересным.

Туман снова проделал очередной цикл, потом все прояснилось, и своеобразное выражение лица Герсона привлекло внимание Питта. Он улыбнулся долговязому ботанику.

— Хорошо, Герсон, давай, только быстро. У нас нет времени для лекций по морской флоре.

— Поверите вы или нет, но именно это я и собираюсь сделать. — Герсон улыбнулся в ответ, блестящие капли воды стекали с его бороды. — Скажите, вы заметили ту колонию Макросистис Пирифера на стене, противоположной тоннелю?

— Может быть, — невыразительно ответил Питт, — если бы я еще и знал, о чем вы говорите.

— Макросистис Пирифера — это коричневая морская водоросль из семейства Фаэофита, возможно, более известная как ламинария.

Питт смотрел на него, размышляя, и продолжал слушать.

— Не сходится, майор. Ламинария обычно распространена только на тихоокеанском побережье Соединенных Штатов. Температура воды в этой части Средиземноморья слишком теплая для жизни этой водоросли. Кроме того, ламинарии, необходим солнечный свет для процесса фотосинтеза. Я не могу представить, чтобы ламинария обитала в подводной пещере. Нет, это парадокс, этого не может быть.

Питт медленно покачивался на воде:

— Тогда, если это не ламинария, то что же это?

Туман появился снова, и Питт не видел лица Герсона. Он мог только слышать грохочущий голос ботаника.

— Это все искусственное, майор. Без сомнения, самые лучшие пластиковые копии Макросистис Пирифера, какие мне когда-либо встречались.

— Пластиковые? — удивился Найт, его голос разросся эхом по гроту. — Ты уверен?

— Мой дорогой, — пренебрежительно произнес Герсон. — Разве я ставил под сомнения твои анализы донных отложений или...

— Красная слизь на стене тоннеля, — перебил его Питт. — Что ты об этом думаешь?

— Не могу сказать наверняка, — отозвался Герсон. — Похоже на какую-то краску или покрытие.

— Я помогу ему, майор. — Лицо Стэна Томаса неожиданно возникло из рассеивающегося тумана. — Это красное покрытие для корпуса корабля, предохраняющее его от обрастания ракушками. Оно содержит мышьяк, вот почему в тоннеле ничего не растет.

Питт взглянул на часы.

— Время уходит. Здесь *должно быть* нужное нам место.

— Еще один тоннель за зарослями ламинарии? — осторожно спросил Найт. — Так, майор?

— Это начинает обнадеживать, — спокойно ответил Питт. — Закамуфлированный второй тоннель, который ведет в следующую пещеру. Теперь я понимаю, почему никому из обитателей Тасоса никогда не удавалось обнаружить базу фон Тилля.

— Хорошо, — Герсон выдул воду из дыхательной трубки. — Полагаю, мы продолжаем поиски.

— У нас нет другого выбора, — сказал Питт. — Вы готовы к еще одному погружению?

— Все присутствующие готовы, не хватает только Вудсона, — ответил Спенсер.

Вдруг на какое-то мгновение ярко-голубой свет вспышки осветил пещеру.

— Никто не улыбнулся, — кисло заметил Вудсон. Он поплыл в дальний конец пещеры, чтобы все попали в кадр.

— В следующий раз, вопящий желток, — пошутил Спенсер.

— Не имеет значения, — обиделся Вудсон. — Никто все равно не знает, что это значит.

Питт улыбнулся и начал движение. Он плыл вперед, а затем резко нырнул ко дну, как самолет во время атаки с бреющего полета. Тонкие стволы поднимались от самого дна к поверхности, формируя плотный широкий занавес. Герсон оказался прав, это были искусственные растения. Но даже на расстоянии вытянутой руки Питт не смог бы отличить пластик от настоящей ламинарии. Он достал нож и начал прокладывать путь через коричневые раскачивающиеся стебли. Продвигаясь таким образом вперед и изредка останавливаясь, чтобы поправить свой акваланг, он наконец-то прорвался в другой тоннель. Второй имел гораздо больший диаметр, чем первый, но был короче. После четырех сильных рывков Питт вынырнул в новом гроте, но его окружал белый непроницаемый туман. Через некоторое время рядом послышался всплеск воды, и вскоре вынырнула голова.

— Видно что-нибудь? — раздался голос Спенсера.

— Нет еще, — ответил Питт. Его глаза, не мигая всматривались во влажный мрак. Ему показалось, что он что-то увидел, что-то больше

воображаемое, чем реальное. Постепенно он смог различить темный контур, выступавший из тумана. И затем вдруг резко и ясно возник гладкий черный металлический корпус подводной лодки. Питт вытащил трубку, подплыл к лодке и, хватаясь за выступы на носу, вскарабкался на палубу субмарины. Все его внимание было поглощено подводной лодкой. Он, по крайней мере, раз десять представлял себе, как он отреагирует, что он будет чувствовать, когда, наконец, дотронется до подводного перевозчика героина. Радость от того, что он оказался прав, — и даже больше. Злость и отвращение переполняли его. Если бы могли говорить эти стальные листы обшивки, то сколько историй о жутких трагедиях они могли бы рассказать.

— Пожалуйста, положи подводное ружье на палубу и веди себя очень и очень тихо. — Голос позади Питта был грубым, и таким же было дуло пистолета, уткнувшееся ему в спину. Он осторожно положил ружье на мокрую палубу. — Хорошо. Теперь прикажи своим людям бросить оружие на дно. Без фокусов. Любое движение в воде может превратить пловца в отвратительную желеобразную массу.

Питт кивнул пяти покачивающимся на воде головам:

— Вы слышите, что он говорит? Бросьте оружие... ножи тоже. Нет необходимости раздражать этих замечательных людей. Я сожалею, ребята. Похоже, я втянул вас в неприятную историю.

Больше нечего было сказать. Питт завел этих пятерых парней в ловушку, из которой они могут никогда и не выбраться живыми. Все его эмоции отключились, сейчас он думал только о времени. Питт тихо поднял руки над головой и медленно повернулся назад.

— Майор Питт, вы крайне назойливый молодой человек. — Бруно фон Тилль стоял на палубе субмарины, улыбаясь как Фу Манчу, который собирается бросить жертву крокодилам. Его глаза сузились, как щелочки. Лицо и лысая голова казались Питту омерзительными. Но что-то в его облике настораживало. Старый немец держал руки в карманах пиджака, у него не было пистолета. Оружие было у человека, который стоял рядом с ним — человек-гора, с каменным лицом и торсом, как ствол дерева. Глаза фон Тилля широко раскрылись, и в его голосе появились насмешливые нотки.

— Прошу извинить, что не представил вас, майор. — Фон Тилль жестом показал на своего компаньона. — Но я полагаю, что вы с Дариусом уже встречались.

16

— Кажется, вы удивлены, увидев меня, майор, — произнес Дариус с сатанинской усмешкой. — Я не могу передать, какое огромное

удовольствие для меня снова встретиться с вами при более благоприятных обстоятельствах. — Он приставил мрачно поблескивающий маузер к горлу Питта. — Не двигайся и не вынуждай меня убивать тебя раньше времени. Твоя быстрая и неожиданная смерть лишит меня огромного личного удовлетворения. Я сказал, что рассчитаюсь с тобой и твоим маленьким уродливым дружком; теперь пришел час вернуть вам долг за боль, которую мне причинили ваши руки, или, вернее, ноги.

Питт старался казаться совершенно спокойным.

— Извини, что разочарую тебя, но Джордино в этот раз остался дома.

— Тогда его доля наказания добавится к твоей. — Дариус расплылся в улыбке, затем опустил пистолет и спокойно выстрелил Питту в ногу. Резкий грохот маузера прозвучал, как удар грома, многократно повторенный эхом. Толчок — как резкий удар раскаленной докрасна кочергой — сильно качнул Питта и заставил его сделать два шага назад. Он совершенно не мог понять, как ему удалось устоять на ногах. Девятимиллиметровая пуля прошла через мышцы бедра, всего в полусантиметре от кости, оставив маленькое аккуратное отверстие на входе и немного большее при выходе. Жгучее ощущение быстро прошло, его нога онемела от шока. Питт знал по опыту: настоящая боль наступит немного позже.

— Оставь, Дариус, — порицающе произнес фон Тилль. — Давай не будем упражняться в жестокости. Нам нужно решить более важные дела, прежде чем ты начнешь мстить. Мои извинения, майор Питт, но вы должны признать, что виноваты в этом только вы сами. Ваш прицельный удар в такое деликатное место оставит Дариуса хромым, по крайней мере, еще на пару недель.

— Я только сожалею, что не заехал ему дважды, — сказал Питт, стиснув зубы.

Фон Тилль проигнорировал его ответ. Он обратился к парням в воде:

— Бросайте ваше подводное снаряжение на дно, джентльмены. Затем поднимайтесь на палубу. Побыстрее, у нас не слишком много времени.

Томас поднял свою маску и бросил убийственный взгляд на фон Тилля:

— Нам удобно и здесь, где мы находимся.

Фон Тилль пожал плечами:

— Очень хорошо, кажется, вам нужен стимул. — Он повернулся и крикнул в темноту пещеры. — Ганс, свет!

Неожиданно вверху зажглись яркие лампы, залив грот светом от потолка до воды. Питт теперь смог увидеть, что подводная лодка была пришвартована к плавучему доку, который начинался от входа в тоннель у дальней стены и тянулся на шестьдесят метров по воде, как огромный деревянный язык. Куполообразный свод потолка был в этом гроте значительно ниже, чем в первом, но он был в несколько раз шире; на его площади могло бы спокойно разместиться футбольное поле. Вдоль правой стены на сделанном выступе неподвижно замерли пять человек, их руки сжимали автоматы. На каждом была такая же униформа, какую Питт еще раньше видел на шофере фон Тилля. Невозможно было ошибиться в их предназначении, видя ту манеру, с какой они нацелили свое оружие на находившихся в воде людей.

— Я думаю, вам лучше сделать так, как говорит этот человек, — посоветовал Питт.

Туман вернулся, но горевшие огни свели его до минимума, обрекая на провал любую попытку к бегству. Спенсер и Герсон взобрались на подводную лодку первыми, за ними последовали Найт и Томас. Вудсон, как обычно, был последним и все еще сжимал свою камеру, несмотря на приказ фон Тилля.

Найт помог Питту освободиться от акваланга:

— Дайте мне взглянуть на вашу ногу, сэр. — Он осторожно помог Питту сесть на палубу. Затем отвязал грузы от ремня на поясе и обмотал нейлоновой тесьмой ногу Питта выше раны, чтобы остановить кровотечение. Он взглянул на Питта и улыбнулся: — Кажется, всякий раз, когда я оказываюсь рядом, вы истекаете кровью.

— Дурная привычка, от которой я не могу избавиться в последнее время...

Питт резко замолчал. Туман снова рассеялся, и фонари теперь высветили вторую субмарину, пришвартованную к доку с противоположной стороны. Он смотрел на обе лодки, сравнивая их. Одна, на которой находился он со своими парнями, имела обтекаемую палубу от носа до кормы, нигде не было никаких выступающих частей. Другая субмарина была совершенно иной; на ней сохранилась оригинальная рулевая рубка, массивное сооружение на корпусе, напоминавшее искривленный шар. Три человека деловито снимали пулеметы с разбитого аэроплана, находившегося на широкой палубе.

— Теперь я знаю, откуда появлялся желтый Альбатрос, — сказал Питт. — И старая японская субмарина, способная принимать на борт и перевозить небольшой разведывательный самолет. Но их не использовали после второй мировой войны.

— Да, прекрасный экземпляр, — гордо отозвался фон Тилль. — Я восхищен, что вы смогли идентифицировать ее. Потопленная американским эсминцем в 1945 году, она была поднята Минерва Лайнс в 1951 году. Я обнаружил, что сочетание субмарины и самолета является превосходным способом доставки маленьких партий груза в районы, где требуется крайняя осторожность.

— Незаменимая штука также для атаки американских военно-воздушных баз и исследовательских кораблей, — добавил Питт.

— Потише, майор, — пробормотал фон Тилль. — Во время обеда прошлым вечером вы предположили, что самолет появляется с моря. Вы стреляли наугад, но вы оказались гораздо ближе к истине, чем думали.

— Теперь я вижу это. — Питт бросил быстрый взгляд на вход в тоннель. Еще два охранника стояли, небрежно прислонившись к стене у входа, их автоматы аккуратно висели на плече. Питт начал говорить:

— Старый Альбатрос…

— Поправочка, — вмешался фон Тилль. — В отношении Альбатроса. Для моих целей тихоходный двукрылый аэроплан был самым замечательным средством, он мог приземляться и взлетать с небольших полей, темных берегов или с воды возле корабля: его нижние крылья могут, или, вернее сказать, могли превращаться в понтоны, наподобие судна с подводными крыльями. Я использовал Альбатрос Д-3, оборудованный более современным двигателем, конечно, потому что его аэродинамические свойства идеально отвечали моим требованиям. К тому же, старый, обшарпанного вида аэроплан вряд ли можно было заподозрить в незаконной деятельности. Жаль, он больше не сможет летать. — Фон Тилль достал пачку сигарет из нагрудного кармана и закурил одну. Затем он продолжал. — Я никогда не собирался ни вооружать свой доставочный самолет, ни тем более вовлекать его в сражение. Только после того, как у меня не осталось выбора, кроме атаки Брейди Филд и вашего дорогого корабля, я установил на нем пулеметы; слишком крутое решение, возможно, но вашего капитана Ганна не обескуражили мои искусные попытки организации диверсий против его экспедиции. Я не боялся, что какой-нибудь любопытный пловец или поклонник подводной охоты обнаружит мою небольшую подводную оперативную базу. Однако знающий и опытный океанографический исследователь представлял совершенно определенную опасность. Я не мог рисковать. Был организован рейд, и я до сих пор убежден, что это был великолепный план. У полковника Льюиса не оставалось выбора, кроме как приказать… все время забываю его название, ах, да, *Первой Попытке* покинуть побережье Тасоса, если бы атака продолжилась без помех. Вы не могли знать, конечно, что

Альбатрос намеревался атаковать корабль с бреющего полета сразу после того, как будет нейтрализована военная база. Вы, майор Питт, появились на сцене в самый неподходящий момент и все испортили.

— Превратности войны, — с сарказмом заметил Питт.

— Жаль, что Вилли не может быть здесь, чтобы услышать ваши слова.

— А где же наш старый добрый любопытный Вилли? — спросил Питт.

— Вилли был пилотом, — ответил фон Тилль. — Когда Альбатрос рухнул в море, бедный Вилли не смог выбраться из-под обломков. Он утонул прежде, чем мы смогли добраться до него. — Лицо фон Тилля внезапно стало злым и угрожающим. — Кажется, ты мне стоил моего шофера и пилота, так же, как и моей собаки.

— Доверчивость со стороны Вилли. — спокойно отозвался Питт. — Я обманул его тем же старым трюком, который использовали британцы для Курта Хейберта. А что касается собаки, то, прежде чем натравить одну из своих бешеных тварей на ничего не подозревающего гостя, вам нужно было пересчитать прежде ваши столовые приборы.

Фон Тилль с любопытством смотрел на Питта некоторое время. Затем он понимающе кивнул.

— Замечательно, совершенно замечательно. Ты убил моего чемпиона породы ножом с моего собственного обеденного стола. Надо заметить, это очень, очень неблагодарно с вашей стороны, майор. Могу я поинтересоваться, как и кем вы были предупреждены?

— Предчувствие, — отозвался Питт. — Ни больше, ни меньше. Вам не следовало пытаться убить меня. Это была ваша первая ошибка.

— Очень жаль, что вам удалось выбраться из лабиринта, чтобы продлить ваше существование всего на несколько часов.

Питт безразлично взглянул в пространство позади фон Тилля и Дариуса. Зияющий черный тоннель был сейчас странно пуст, двое охранников исчезли. А пятеро охранников, которые прислонились к стене пещеры с автоматами, выглядели так же грозно как и раньше.

— Ваш торжественный прием приводит меня к заключению, что вы нас ждали, — тихо проговорил Питт.

— Разумеется, мы поджидали вас, — уверенно произнес фон Тилль. — Добрый друг Дариус проинформировал меня о вашем предстоящем визите. Точное время стало ясным, когда *Первая Попытка* начала подозрительные действия: ни один капитан в здравом уме не подведет свой корабль так близко к скалам Тасоса.

— Так сколько же сребренников заплатили Дариусу за предательство?

— Точная сумма вряд ли вас заинтересует, — сказал фон Тилль. — Дело в том, что Дариус находится на моей службе уже десять лет. Вы можете заметить, что наше сотрудничество основано на полной взаимной выгоде.

Питт взглянул в угольно-черные глаза Дариуса:

— Неважно, как ты докатился до предательства, но этот шаг делает тебя законченным подлецом. Вот в чем ваша вторая ошибка, фон Тилль. Использование такого скользкого гнусного таракана, как эта бестия Дариус, непременно приведет к обратным результатам.

Дариус затрясся от злобы. Маузер задрожал в его огромном кулаке, он казался невероятно длинным и был нацелен прямо в живот Питта.

Фон Тилль устало покачал головой:

— Раздражая Дариуса, вы только приближаете наступление своей смерти.

— Какая разница. Вы в любом случае собираетесь нас убить.

— Опять предчувствие, майор? Оно хорошо вам служит. — Фон Тилль говорил весело. Слишком весело, чтобы Питт мог усомниться в его намерении.

— Я ненавижу сюрпризы, — язвительно заметил Питт. — Как и когда?

Фон Тилль с подчеркнутой педантичностью отодвинул рукав и внимательно посмотрел на циферблат своих часов:

— Через одиннадцать минут, если быть точным. Это все время, на которое вы можете рассчитывать.

— Почему не сейчас? — рычал Дариус. — Зачем ждать? У нас есть и другие дела.

— Спокойно, Дариус, — урезонил его фон Тилль. — Мы можем использовать лишние руки, чтобы погрузить наши припасы на борт подводной лодки. — Он взглянул на Питта. — Из-за вашего ранения вы, майор, освобождаетесь. Остальные ваши люди могут начинать переносить снаряжение, которое вы видите в доке, к первому люку.

— Мы не работаем на мясников, — ровно и спокойно ответил Питт.

— Очень хорошо. — Фон Тилль обратился Дариусу. — Прострели его левое ухо. Следующей пулей убери ему нос. И после этого…

— Прекрати, старый кровожадный немец. — Слова срывались с губ Вудсона. — Мы загрузим твою проклятую лодку.

У них не было выбора. И у Питта не было выбора. Он только мог беспомощно сидеть и наблюдать, как Спенсер и Герсон начали разбирать небольшую гору деревянных ящиков на пирсе и передавать их Найту и Томасу на подлодку. Вудсон исчез в люке; только его руки время от времени мелькали над палубой, чтобы подхватить ящик. Жгучее ощущение появилось в ноге Питта. Могло показаться, что какой-то маленький человечек бегал взад-вперед по ране с факелом с руках. Раз или два он был близок к потере сознания; но каждый раз он находил силы держаться, пока не исчезали нахлынувшие волны темноты. Невероятным усилием воли он сохранял свой голос ровным во время разговора.

— Вы ответили только на половину моего вопроса, фон Тилль.

— Неужели способ вашей кончины действительно так много значит для вас?

— Как я уже сказал, я ненавижу сюрпризы.

Фон Тилль с холодной расчетливостью изучал Питта. затем он пожал плечами:

— Я полагаю, нет необходимости скрывать неизбежное. — Он замолчал, чтобы снова взглянуть на часы. — Вы со своими людьми будете застрелены. Немного жестоко и безжалостно, но я предпочитаю думать об этом, как о более гуманной смерти, особенно если сравнивать с погребением заживо.

Питт на мгновение задумался.

— Погрузка груза и снаряжения, эти люди, снимающие пулеметы с разбитого Альбатроса, — все это говорит о побеге. Вы сматываете удочки, фон Тилль, и пытаетесь незаметно ускользнуть. После того, как вы выберетесь отсюда, через одну минуту, пять минут, а может, даже через полчаса раздастся взрыв и скроет пещеру под тоннами скал, похоронив нас шестерых и уничтожив всякое свидетельство ваших контрабандных операций.

Фон Тиль с изумлением и подозрением взглянул на Питта.

— Продолжайте, майор, я нахожу ваши размышления крайне разумными.

— Вы работаете по очень плотному графику, и вы испуганы. Под нашими ногами, под этой палубой находятся сто тридцать тонн героина, погруженного на подлодку в Шанхае и провезенного по Индийскому

океану и через Суэцкий канал кораблем Минерва Лайнс. Я вынужден оставить его вам; кто-нибудь еще попытается тайком протащить героин в Соединенные Штаты через задворки и без особого шума. Но не так, как Бруно фон Тилль. Лучшие агенты с Мадисон-авеню вряд ли смогли бы сделать лучше столь профессиональную работу, им объявили о нелегальном грузе *Королевы Артемизии* и пункте назначения. Это была умная мысль. Но даже то, что агенты ИНТЕРПОЛа в конце концов раскрыли вашу подводную систему транспортировки, не имеет большого значения. Их взгляды все еще обращены к *Королеве Артемизии*. Вы следите за моей мыслью?

Они стояли молча, и в ответ не прозвучало ни утвердительной. ни отрицательной реакции.

— Как Дариус несомненно проинформировал вас, — продолжал Питт. — инспектор Закинтас и Отдел по борьбе с наркотиками тратят свое время и усилия, готовя ловушку для корабля к моменту, когда он доберется до Чикаго. Я содрогаюсь от мысли, какие ругательства будут раздаваться над озером Мичиган, когда они не обнаружат ничего, кроме прекрасно отработанных актерских улыбок экипажа корабля, а в трюмах не будет ничего, кроме какао с Цейлона. — Питт остановился и поудобнее устроил свою раненую ногу. Он заметил, что Найт и Томас присоединились к Вудсону, забравшись в люк. Затем он продолжил.

— Это, должно быть, огромное удовольствие — знать, что ИНТЕРПОЛ приготовил тебе приманку, крюки, ловушки. Они совершенно не ведают, что подводная лодка и героин исчезли прошлой ночью. Груз будет перевезен на другом корабле Минерва Лайнс, который проследует позднее. Этим кораблем, кстати, должна оказаться *Королева Джокаста,* следующая в Новый Орлеан с грузом турецкого табака, которая собирается бросить якорь в миле отсюда в ближайшие десять минут. Вот почему вы испуганы, фон Тилль. У вас мало времени, и вам приходится идти на огромный риск, загружая ваш корабль среди бела дня.

— У вас живое воображение, — высокомерно произнес фон Тилль, но Питт заметил следы беспокойства на лице старика. — Однако, нет абсолютно никакой возможности доказать ваши дикие домыслы.

Питт не обратил внимания на его слова. Он ответил:

— Зачем мне беспокоиться? Я собираюсь умереть через несколько минут.

— У вас есть достоинство, майор, — медленно произнес фон Тилль. — Я восхищаюсь вами. Ваши предположения и догадки превосходны. Я не вижу, наконец, никакого вреда в признании, что вы правы во всем, о чем только что сказали, лишь за одним исключением: *Королева Джокаста* прибудет не в Новый Орлеан. В последнюю минуту она заменит курс на Галверстон, в Техасе.

Трое на другой субмарине сняли пулеметы с Альбатроса и таинственно исчезли из вида. Герсон перешел на палубу и передал ящик через люк Спенсеру, который теперь исчез в трюме вместе с Томасом. Найтом и Вудсоном. Питт говорил быстро. Сейчас ему была дорога каждая секунда.

— Еще один вопрос, прежде чем Дариус сделает свое дело. Из общепринятой вежливости вы не можете отказать мне в последнем желании знать об этом.

Дариус стоял рядом, на его злом лице было явно видно намерение убить. Он напоминал садиста-ребенка из биологического класса, который никак не мог дождаться момента, чтобы начать препарировать лягушку.

— Очень хорошо, майор, — живо отозвался фон Тилль. — Что такое?

— Как будет распределяться героин после разгрузки в Галверстоне?

Фон Тилль улыбнулся:

— Одно из моих менее известных деловых рискованных предприятий — это маленькая флотилия рыбацких лодок. Оно не приносит больших доходов, но бывает временами крайне необходимо. В определенный момент мои лодки забрасывают свои сети в Мексиканском заливе, ожидая моего сигнала. Когда он получен, они вытаскивают свои сети и приходят в порт в одно и то же время с *Королевой Джокастой.* Остальное просто: корабль освобождается от подводной лодки, которую рыбаки доставляют на консервный завод. Груз разгружают в здании, а героин пакуется в консервные банки с этикетками кошачьей еды. По иронии судьбы, весь этот порошок появится в каждом из ваших пятидесяти штатов в банке кошачьих консервов. Хорошую шутку сыграем над Отделом по борьбе с наркотиками. К тому времени, когда у них возникнут подозрения, будет слишком поздно. Героин будет уже распределен и тщательно спрятан. Примиритесь с этим, майор, или перспектива того, что весь этот героин миллионы ваших соотечественников будут нюхать, делать инъекции и поглощать, приводить в шок вашу мораль?

Теперь уже улыбался Питт:

— Вероятно это так, если его удастся перевезти.

Фон Тилль сощурил глаза. Питт не был похож на обреченного человека. Что-то здесь было не так:

— Мы его перевезем. Это я вам обещаю.

— Миллионы людей, — задумчиво произнес Питт. — Вы стоите здесь с улыбочкой на ваших уродливых губах открыто наслаждаетесь тем, что

из-за нескольких паршивых долларов миллионы людей будут повергнуты в страдания и нищету.

— Вряд ли несколько долларов, майор, я думаю, пятьсот миллионов долларов будет более точной цифрой.

— Вам не хватит жизни, чтобы даже сосчитать, а не то, чтобы потратить эти деньги.

— А кто может остановить меня? Вы, майор? Инспектор Закинтас? Может, карающий меч господен?

— Хотелось, чтобы это было так.

— Я сыт по горло его глупой болтовней, — зло прошипел Дариус. — Теперь пусть он заплатит за все свое высокомерие. — Огромное лицо было перекошено от злобы. Питту совсем не нравился этот взгляд. Ему казалось, что он чувствует, как палец Дариуса нажимает на спусковой крючок маузера.

— Давай, — медленно произнес Питт. — Но мои одиннадцать минут еще не истекли. — В действительности Питту казалось, что он говорил несколько часов.

Фон Тилль стоял молча и играл сигаретой. Наконец, он произнес:

— Есть один момент, майор, который интригует меня. Зачем вы похитили мою племянницу?

Губы Питта растянулись в ухмылке:

— Начнем с того, что она не ваша племянница.

Лицо Дариуса побелело:

— Вы, вы не могли этого знать.

— Я знаю, — спокойно парировал Питт. — В отличие от вас, фон Тилль, я не имел преимущества в услугах информатора. Вообще, идея Закинтаса была довольно привлекательной, но его план был с самого начала обречен на провал. Он спрятал настоящую племянницу в Англии и нашел другую девушку, которая походила на нее. Вряд ли нужно было стремиться к полному сходству, ведь вы не видели Тери более двадцати лет. Закинтас тщательно подготовил путешествие своей Мата Хари, чтобы все выглядело как невинный визит во время каникул любящей родственницы.

Дариус уставился на фон Тилля, было похоже, что его массивная челюсть пережевывала открытие Питта. Выражение лица фон Тилля

совершенно не изменилось. Он только слегка кивнул, показывая свое согласие.

— Но все оказалось напрасно, — продолжал Питт. — Этот визит не удивил вас. Дариус предупредил о нем и здесь у нас было два варианта: вы могли разоблачить девушку как самозванку и выгнать ее или продолжить игру и снабжать ее фальшивой информацией. Вполне естественно, что ваш дьявольский ум избрал последнее. Вы были в своем репертуаре. Вы находились в роли кукольника, дергающего за ниточки. Теперь вы могли вести игру против Закинтаса и Зено при помощи девушки и Дариуса.

— Я был неотразим, — произнес фон Тилль. — Вы согласны?

— Вы не могли ошибиться, — спокойно продолжал Питт. — С момента ее появления и до того, пока мы с Джордино не похитили ее с виллы, ваш шофер пристально следил за каждым движением девушки. Под предлогом охраны Вилли следовал за ней, как хвост. Это, наверное, была приятная работа, особенно когда она загорала на берегу. К тому же ее страсть к раннему утреннему купанию была не чем иным, как средством контакта с Закинтасом. Это была единственная возможность, какую вы ей оставили для передачи информации. Как вы, наверное, смеялись, видя, как она заглатывает каждый кусочек наживки, которую вы ей подсовывали. Затем что-то произошло, и Закинтас начал подозревать. Может, опоздав однажды на их утреннее рандеву, он заметил Вилли, сидевшего в кустах, все внимание которого было сосредоточено на девушке в бикини. Закинтас, естественно, предположил, что Вилли наблюдал за всеми их утренними встречами. Неожиданно он увидел, что его тщательно разработанный план рухнул. Было похоже, что вы снова обвели его вокруг пальца.

— Мы могли воспользоваться этим преимуществом, — яростно взорвался Дариус, — если бы не вы.

Питт пожал плечами:

— Вышел наш герой, который появился на сцене, совершенно не подозревая, что он будет схвачен, избит и убит до того, как опустится занавес. Моя жизнь оказалась бы менее сложной, если бы только я остался в постели в то утро, вместо раннего плавания. Когда Тери обнаружила меня, я дремал в полосе прибоя. Было еще темно, и она ошибочно приняла меня за Закинтаса, думая, что один из ваших людей убил его. Она едва не упала в обморок, когда казавшееся безжизненным тело вдруг ожило и начало вести шутливый разговор. — Снова усилилась боль, и он сильно сжал ногу, пытаясь избавиться от наступившей слабости. Он заставил себя продолжать, его слова с трудом просачивались сквозь стиснутые зубы. — Что-то было не так. Закинтаса не было, а был незнакомец, который, казалось, ничего не знал о

происходящем: добавьте к этому случайное совпадение, что посторонний человек оказался в назначенном месте на пустынном берегу, — и вы поймете смущение девушки. Надо отдать ей должное, она очень сообразительная. Оценив все обстоятельства, она пришла к единственному доступному ей заключению: я работаю на вас, фон Тилль. Поэтому она повторила мне тщательно отработанную легенду и пригласила меня пообедать на виллу, ожидая поразить вас, невинно представив вам вашего собственного тайного агента.

Фон Тилль улыбнулся:

— Боюсь, что вы сами заварили кашу, мой дорогой Питт, со своим смешным утверждением, что вы занимаетесь уборкой мусора. Она не поверила в это, но, как ни странно, я поверил.

— Это не так странно, как кажется, — объяснил Питт. — Обученный агент в здравом уме вряд ли будет использовать такое дешевое прикрытие. Вы знали это. Кроме всего, у вас не было никаких причин для тревоги: не поступало предупреждения от Дариуса. Это действительно была только шутка с моей стороны, которая обернулась довольно плачевными результатами. — Питт замолчал, поправляя ремешок, стягивавший его рану. — Когда я появился у вас на пороге с золотыми дубовыми листьями майора в петлицах, вы моментально вообразили, что я один из агентов Закинтаса, которого он ввел в действие, и Дариус не знал об этом. Не желая того, я подлил масла в огонь ваших подозрений, когда едва не вышел из себя и чуть не обвинил вас в организации рейда на Брейди Филд. Я подобрался к вам слишком близко, фон Тилль. И вы приняли решение убрать меня. Риск подвергнуться обвинениям был ничтожным, и не было никаких шансов, что мое тело или то, что от него останется, когда-либо будет найдено в лабиринте. К этому моменту девушка поняла, что она совершила ужасную ошибку. Я *действительно* оказался посторонним человеком, который *действительно* случайно оказался в назначенном месте на побережье в четыре часа утра. Но было уже слишком поздно, она не могла ничего сделать, кроме как беспомощно стоять и держать рот на замке, в то время как вы избавлялись от меня.

Фон Тилль выглядел задумчивым.

— Конечно, теперь я понимаю. Вы все еще были уверены, что девушка моя племянница, и вы похитили ее из мести.

— Вы правы только наполовину, — снова продолжил Питт. — Когда кто-то пытается убить меня, я хочу знать, чем я заслужил такое внимание. Кроме вас девушка была моим единственным источником ответа на все интересующие меня вопросы. Но полковник Зено появился у выхода из лабиринта и помешал моим планам, прежде чем я смог

спросить ее о чем-то. Но, невзирая на то, как все обернулось, я оказал большую услугу инспектору Закинтасу.

— Я что-то не понимаю, — холодно произнес Дариус.

— Закинтас придумывал способы похищения; бесполезность девушки стала очевидной, и, пока она будет играть роль вашей племянницы, за ее жизнь не дадут и двух центов. Он собирался удалить ее с виллы и с острова. И так получилось, что я сыграл ему на руку и преподнес ее ему на серебряном блюдечке. Однако, Закинтасу еще не удалось выпутаться из затруднительного положения. Перед ним возникла новая и совершенно неожиданная проблема: мы с Джордино. Он знал: мы охотились за вашим скальпом, и, как ни прельщала его идея использовать нас, он все же должен был остановить нас. Легально у него не было средств, и он не мог задержать нас силой. Поэтому он сделал следующий продуманный шаг и попросил нас сотрудничать с ИНТЕРПОЛОМ. Таким образом он мог следить за нами, как коршун.

— Вы совершенно правы, майор. — Фон Тилль провел рукой по своей лысой голове, вытирая пот с блестевшей кожи. — У меня были намерения убрать девчонку.

Питт кивнул:

— А я удивлялся, почему Закинтас был так настойчив в том, чтобы я держал Тери на борту *Первой Попытки*. Она была бы в относительной безопасности от вас и могла следить за мной и Джордино. Только сегодня утром до меня дошло, какую игру вела девушка и на чьей она стороне.

Дариус с откровенным удивлением уставился на Питта:

— Что здесь происходит, майор Питт? Вы просто не могли знать всего этого.

— Хорошенькие девушки не носят пистолет двадцать пятого калибра, прикрепленный к своей ножке, — парировал Питт. — Это точный признак профессионализма. У Тери не было оружия, когда я встретил ее на берегу. Джордино обнаружил пистолет, когда мы похитили ее из кабинета виллы. Очевидно, она опасалась кого-то внутри виллы, а не снаружи.

— Вы еще более сообразительны, чем я считал, — с горечью произнес фон Тилль. — Я, вероятно, слегка недооценил вас. Но это не имеет никакого значения.

— Только слегка недооценили? — с любопытством спросил Питт. — Я удивляюсь. Если я разгадал хитрости девушки, то почему, вы думаете, я бездействовал и позволил ей отравить радиооператора *Первой*

Попытки? Чтобы она смогла передать сообщение инспектору Закинтасу, рассказав о моем намерении найти пещеру.

— Ответ простой, — самодовольно произнес фон Тилль. — Вы не знали, что Дариус работал на меня. Он получил сообщение девушки, но, к несчастью для вас, не передал его инспектору Закинтасу. Видите, майор, вы завязли по уши в этих делах.

Питт ответил не сразу. Он сидел прямо, ощущая боль, горевшую в ноге, и думал, правильно ли он выбрал момент. Невозможно дальше продолжать игру — темные круги плыли у него перед глазами и застилали видимость. Он слегка повернул голову и мрачно посмотрел на Дариуса. Маузер все еще был нацелен в живот Питту. «Все должно получиться», — сказал он самому себе. Он надеялся на Бога, что его расчет времени окажется верным.

— Я согласен, — ровно произнес он. — Это только доказывает, что вы не можете победить во всех делах, не правда ли, *адмирал Хейберт?*

Сначала фон Тилль не ответил. Он продолжал стоять, выражение его лица не изменилось. Затем полнейшая неожиданность, невероятность слов Питта дошла до него. Он сделал шаг вперед по направлению к Питту, его губы едва двигались.

— Как... как вы меня назвали? — едва слышно спросил он.

— Адмирал Хейберт, — повторил Питт. — Адмирал Эрих Хейберт, командующий транспортным флотом нацистской Германии: фанатичный последователь Адольфа Гитлера и брат Курта Хейберта, аса-летчика первой мировой войны.

Лицо фон Тилля слегка побледнело.

— Вы, вы просто не в своем уме.

— U-19 — вот ваша последняя ошибка.

— Чепуха, полнейшая чепуха, — слова едва просачивались через плотно сжатые губы.

— Модель в вашем кабинете. Она показалась мне странной в свое время: почему бывший боевой летчик держит у себя копию субмарины вместо самолета, на котором он летал во время войны? Пилоты так же сентиментальны в этом отношении, как и моряки. У меня не укладывалось это в голове. Последним казусом во всей этой истории было то, что Дариус, не зная вашей подлинной личности, воспользовался радиоприемником инспектора Закинтаса, чтобы сделать запрос в германский военно-морской архив по моей просьбе.

— Так вот зачем вам это было нужно, — удивленно произнес Дариус.

— Это было простое наведение справок. Я запросил список команды U-19. Я также связался со своим старым другом в Мюнхене — авиатором-любителем первой мировой войны — и спросил его, не знал ли он пилота по имени Бруно фон Тилль. Ответ пришел весьма интересный. Фон Тилль действительно находился на службе в военно-воздушных силах германской империи. Но вы утверждали, что летали с Куртом Хейбертом с аэродрома Ксанти в Македонии и служили в 73-ей эскадрилье. Настоящий же фон Тилль служил в 9-ой эскадрилье во Франции с лета 1917 года до прекращения военных действий в ноябре 1918 года; он никогда не покидал Западного фронта. Следующим интригующим моментом было первое имя в списке команды U-19 — командир лодки Эрих Хейберт. Будучи крайне любопытным малым по натуре, я не остановился на этом. Я еще раз радировал в Берлин, на этот раз с корабля, и попросил их прислать всю имеющуюся информацию об Эрихе Хейберте. Что за этим последовало, можно себе представить, — я не мог бы произвести больший переполох среди германского руководства, даже если бы одним махом воскресил Гитлера, Геринга и Гиммлера.

— Пустая болтовня, он бредит. — Напряженный расчетливый взгляд снова появился на лице старого немца. — Никто в здравом уме не поверит такой смешной выдумке. Модель подводной лодки — вряд ли это является прочной связью между мной и Хейбертом.

— Я не собираюсь ничего доказывать. Факты говорят сами за себя. Когда Гитлер пришел к власти, вы стали его преданным последователем. В обмен на вашу приверженность и признание вашего ценного боевого опыта он сделал вас командующим транспортным флотом; этот титул вы пронесли через всю войну вплоть до германской капитуляции, когда вы неожиданно исчезли.

— Это не имеет ко мне никакого отношения, — сердито произнес фон Тилль.

— Вы не правы, — продолжал Питт. — Настоящий Бруно фон Тилль женился на дочери богатого баварского предпринимателя, который среди прочих дел владел небольшим флотом торговых судов — эти корабли плавали под греческим флагом. Он принял греческое подданство и возглавил компанию Минерва Лайнс. С финансовой стороны компания была убыточная, но он превратил ее в первоклассный флот, когда начал контрабандным путем поставлять оружие и военное снаряжение Германии в нарушение положений Версальского Договора. Вот здесь вы с ним и познакомились, вы помогали осуществлять эти операции. Вы неплохо поработали вдвоем, но фон Тилль был не глупым человеком. Он понял, что державы оси проиграют войну, в конце концов. Поэтому в самом начале войны он порвал свою связь с Германией.

— Но где же здесь связь? — спросил Дариус. Питт преследовал свою цель, но она могла легко ускользнуть в любой момент.

— Теперь самая интересная часть. Твой босс, Дариус, не из тех людей, кто привык что-то менять. Менее умный человек попытался бы просто исчезнуть. Но только не адмирал Эрих Хейберт. Он оказался более изобретательным. Каким-то образом ему удалось пробраться через линию фронта в Англию, где благополучно проживал фон Тилль, убить этого человека и занять его место.

— Как же это возможно? — потребовал объяснений Дариус.

— Это оказалось не только возможным, — пояснил Дариусу Питт. — Все было продумано до мелочей. Они оба были примерно одинакового роста и имели схожее телосложение. Несколько небольших пластических операций, сделанных опытным хирургом, несколько характерных жестов и речевых особенностей, отработанных до совершенства — и человек, который стоит сейчас перед вами, стал точной копией настоящего Бруно фон Тилля. Почему бы и нет? У фон Тилля не было близких друзей, он жил одиноко, никто не знал его слишком близко. Его жена умерла бездетной. Был, однако, племянник, который родился и вырос в Греции. Но даже он многие годы не замечал подмены. Возникшие подозрения в этом потом стоили ему жизни. Убийство — детская игра для такого профессионала, как Хейберт. Племянник и его жена утонули во время подстроенного кораблекрушения. Тери, их малолетняя дочь, была спасена. Не благожелательность руководила Хейбертом, уверяю вас. Имидж влиятельного и богатого дядюшки-покровителя был необходим ему в глазах общества, и он не упустил такой шанс. — Питт бросил мимолетный взгляд на охранников, тоннель и японскую субмарину. Затем он снова повернулся к фон Тиллю. — После подмены контрабанда становится главной деятельностью для вас, Хейберт. Такое остроумное изобретение, как подводная лодка, прикрепленная к килю судна, было вполне естественным для бывшего капитана субмарины. Хейберт превратился в фон Тилля для окружающего мира. Минерва Лайнс была преуспевающей компанией, деньги лились рекой. Но вы беспокоились, все шло слишком гладко. Чем более известным вы становились, тем возрастала возможность быть разоблаченным. Поэтому вы переехали на Тасос, восстановили виллу и играли роль эксцентричного миллионера-отшельника. Бизнес как таковой не составлял проблемы. При помощи мощного коротковолнового радиоприемника вы могли управлять Минерва Лайнс, даже не появляясь в Европе. Вы позволили своей компании превратиться в третьеразрядного перевозчика грузов, а весь свой талант целиком посвятили контрабанде.

— К чему весь этот разговор? — прервал Дариус.

— Однажды все тайное становится явным, — объяснил Питт. — Кажется, адмирал Хейберт известен тем, что скрылся от суда над военными преступниками в Нюрнберге. Его имя стоит в списке военных преступников рядом с именем Мартина Бормана. Это был еще тот фрукт. В то время как Эйхманн сжигал евреев, Хейберт опустошал концентрационные лагеря другим способом: погружал военнопленных в трюмы старых торговых кораблей и отправлял по течению дрейфовать в Северное море, предоставляя британским и американским бомбардировщикам выполнять грязную работу вместо нацистов. Несмотря на свое исчезновение в конце войны, он был прекрасно осведомлен о том, что его ожидало, если бы он остался в Германии. Он был заочно осужден международным военным трибуналом и приговорен к смертной казни. Жаль, что его не повесили до сих пор, но лучше поздно, чем никогда. — Питт разыграл свою последнюю карту. У него не осталось ничего, на что можно было надеяться, он больше не мог оттягивать время. — Ну, вот, много фактов, много предположений. История, полагаю, получилась несколько схематичной, поверхностной. Немцы радировали небольшую часть информации, которая хранится у них в архивах. Точные детали, может, никогда не станут известны. Не имеет значения, вы конченный человек, Хейберт.

Фон Тилль холодно и оценивающе смотрел на Питта.

— Не обращай внимания на майора, Дариус. Весь его невероятный рассказ — не что иное, как умный ход по оттягиванию времени отчаявшегося человека.

Фон Тилль остановился, прислушиваясь. Сначала звук был легким, он напоминал негромкие удары. Затем Питт определил его как тяжелые шаги кованых ботинок, приближавшихся по деревянному пирсу. Туман вернулся, скрыв очертания всех предметов, а приближавшиеся шаги становились все громче. Казалось, что человек поднимал ноги и опускал их с гораздо большей силой, чем нужно. Потом безликая фигура, одетая в униформу охранника фон Тилля. вынырнула из тумана. Едва различимый человек остановился в нескольких шагах сзади и щелкнул каблуками.

— *Королева Джокаста* бросила якорь, сэр, — прозвучал низкий глухой голос.

— Ты идиот! — резко перебил его фон Тилль, рассердившись, что его прервали. — Вернись на свой пост.

— Пора кончать, — прохрипел Дариус. — Всего одна пуля в кишки майору, чтобы он корчился в агонии. — Ствол маузера нацелился в живот Питта.

— Все справедливо, — спокойно произнес Питт. У него был странный опустошенный взгляд, который сбивал с толку фон Тилля гораздо больше, чем любое проявление страха.

Фон Тилль изогнулся в коротком, педантичном поклоне.

— Сожалею, майор, — старый немец говорил медленно, растягивая слова. — Наша небольшая интересная беседа подошла к концу. Прошу извинить меня, если я не соблюдаю традиционного обряда завязывания глаз и последней сигареты. — Он больше ничего не сказал, злобная ядовитая усмешка на его лице говорила за него, и Питт приготовился к неизбежному выстрелу пистолета Дариуса.

17

Выстрел прозвучал: но не резкий треск маузера, а тяжелый оглушительный грохот длинноствольного кольта сорок пятого калибра. Дариус вскрикнул от боли, когда маузер упал из его руки в воду. Джордино в форме, которая была ему велика, по меньшей мере, на два размера, проворно перепрыгнул с мола на палубу субмарины и приставил кольт к левому уху фон Тилля. Потом он повернулся, чтобы полюбоваться своей меткой стрельбой.

— Ну, как видишь, я даже не забыл снять пистолет с предохранителя.

— Чудесное появление, — сказал Питт. — Весьма драматичный выход.

Фон Тилль и Дариус застыли в шоке, их лица вытянулись от такой неожиданности. Яркие прожектора рассеяли остатки тумана, и охранники на выступе увидели, что на палубе подлодки что-то произошло. Словно по команде, все пятеро охранников подняли автоматы и направили их прямо на Питта.

— Держите свои пальцы подальше от курков, — голос Джордино грохотал в каменных стенах пещеры. — Один выстрел в майора Питта — и я размажу по стенам ваши ослиные мозги. Один выстрел — и все — трупы. Вы все находитесь под прицелом, я не блефую, посмотрите в тоннель.

Необходимость перевеса в оружии была сейчас самой главной проблемой в гроте. Более десяти автоматов находилось в руках группы людей, которых Питт никогда не видел. Они сгрудились на тесном пятачке у входа в тоннель, четверо лежали на земле, трое стояли на коленях, и трое — у стены. Питту пришлось пристально всмотреться, чтобы заметить их: черно-коричневая защитная маскировка сливалась с цветом камня и теней. Только коричневые береты, отличительный знак отряда специального назначения, выдавали их присутствие.

Джордино продолжал:

— Теперь обратите свое внимание на субмарину позади меня.

Пулемет, стоявший на рулевой рубке японской субмарины, гашетки которого сжимал Зено с дьявольской улыбкой, сразу отбил у охранников желание сражаться. Они медленно опустили свои автоматы и подняли руки над головой; все, за исключением одного, который заколебался и поплатился за это.

Зено нажал на курок. Две пули, не больше, вылетели из ствола пулемета за один короткий миг. Несчастный охранник беззвучно соскользнул на землю и свалился в воду, окрасив темную синеву расплывающимся красным пятном.

— Теперь спокойно идите к выходу, — командовал Джордино. — Руки за голову.

Питт, морщась от ноющей боли в ноге, обратился к Джордино:

— Ты четко рассчитал все время.

— Столица Италии была построена не за двадцать четыре часа, — перефразировал Джордино библейское утверждение. — После всего, проплыть вдоль берега, найти Закинтаса, Зено и их бравую банду коммандос, а затем бегом провести их по этому чертову лабиринту — вряд ли это можно назвать обычной повседневной работенкой.

— У тебя были какие-нибудь трудности с моими указаниями?

— Никаких проблем. Шахта лифта была именно там, где ты и говорил.

Фон Тилль подвинулся ближе к Питту, его глаза стали холодными и злыми.

— Кто сказал тебе о лифте?

— Никто, — спокойно отозвался Питт. — Блуждая по лабиринту, я случайно попал в боковой коридор, который заканчивался вентиляционной шахтой. Я услышал шум работы генераторов где-то внизу. Их назначение сразу дошло до меня, когда я убедился в существовании подводного грота. Ваша вилла расположена на вершине почти отвесных вертикальных скал. Подземный лифт был единственным средством, чтобы попасть незаметно из виллы в этот грот. Шахта, грот, лабиринты были приспособлены для контрабандных операций: все это — следы пребывания финикийцев около двух тысяч лет назад.

— Подожди минутку, — перебил Джордино. — Ты утверждаешь, что кто-то занимался здесь контрабандой еще до Рождества Христова?

— Ты не выполнил свое домашнее задание, — улыбнулся Питт. — Если бы ты прочитал брошюру, которую нам вручил Зено перед началом экскурсии по развалинам, то знал бы, что на Тасосе первоначально обосновались финикийцы, которые добывали здесь золото и серебро. Тоннели и стволы шахты были частью древних рудников. Позднее месторождения были выработаны и заброшены. Греки открыли остров несколькими столетиями позже и подумали, что этот таинственный лабиринт был сооружен богами.

Движение на палубе привлекло внимание Питта, и он взглянул вверх.

Закинтас неслышно приблизился и долго смотрел вниз на Питта. Наконец, он спросил:

— Как нога?

Питт пожал плечами:

— Она, наверное, будет побаливать немного при понижении давления, но вряд ли повлияет на мою половую потенцию.

— Полковник Зено послал двух своих людей за носилками, они будут здесь с минуты на минуту.

— Ты слышал хоть что-нибудь из нашего весьма познавательного разговора?

Закинтас кивнул:

— Каждое слово. Здешней акустике может позавидовать даже знаменитый Карнеги Холл.

— Вы никогда ничего не сможете доказать из услышанного, — надменно произнес фон Тилль. Его губы изогнулись в презрительной усмешке, но в глазах были видны следы отчаяния.

— Как я сказал, — устало отозвался Питт, — я не собираюсь ничего доказывать. В эту минуту четыре военных эксперта-криминалиста направляются сюда из Германии на самолете американских военно-воздушных сил. Соединенные Штаты были очень рады протянуть им руку дружеской помощи после вашей небольшой бойни на Брейди Филд. Каждый из этих четверых является отличным специалистом. Им известен каждый ваш скрытый трюк. Пластическая операция, изменение голоса, ваш измененный возраст — ничто не ускользнет от них. Боюсь, это ваш конец, адмирал.

— Я греческий гражданин, — самонадеянно произнес фон Тилль. — У них нет законного права депортировать меня в Германию.

— Да прекратите маскарад, — перебил Питт. — Фон Тилль был греческим гражданином, не вы. Полковник Зено, объясните, пожалуйста, эти факты адмиралу.

— С удовольствием, майор, — Зено отошел от рулевой рубки японской субмарины и теперь стоял рядом с Закинтасом. Он широко улыбался в пышные усы и внимательно всматривался в глаза фон Тилля. — Мы тщательно следим за каждым, кто незаконно проникает на территорию нашей страны, и мы не собираемся оказывать гостеприимство находящимся в розыске военным преступникам. Если вы действительно адмирал Эрих Хейберт, как утверждает майор Питт, я лично прослежу за тем, чтобы вы оказались в руках военных экспертов-криминалистов и первым самолетом были отправлены в Германию на виселицу.

— Самый подходящий конец, — медленно произнес Закинтас. — Это избавит налогоплательщиков от значительных расходов на длительное расследование контрабандных операций с наркотиками. С другой стороны, правда, мы теряем возможность схватить половину нелегальных торговцев наркотиками в Северной Америке.

— Вы забываете о возможностях, которые используют воры, — улыбнулся Питт.

— Что вы подразумеваете под этим?

— Простая арифметика, Зак. Теперь вы знаете, где и как производится выгрузка героина. Будет нетрудно задержать *Королеву Джокасту,* изолировать экипаж и доставить груз самим. Я уверен, что власти могут сохранить в тайне факт задержания Хейберта, пока вы не организуете ловушку на консервном заводе в Галвестоне.

— Да, — заметно оживился Закинтас, — действительно, это должно сработать. Думаю, я смогу найти команду для управления кораблем и субмариной.

— Средиземноморский Десятый Флот, — предложил Питт. — Воспользуйтесь своим влиянием и сделайте срочный запрос командованию флота о чрезвычайной необходимости подбора команды корабля. Людей могут доставить на вертолете на Брейди Филд. По времени это задержит *Королеву Джокасту* часов на пять или шесть по сравнению с графиком. Если разогнать это старое корыто, то можно нагнать график за полтора дня.

Закинтас смотрел на Питта со смешанным чувством любопытства и уважения:

— Ты действительно ничего не упустил, да?

Питт пожал плечами, улыбаясь в ответ:

— Я постарался.

— Я бы хотел, чтобы ты мне пояснил еще одну любопытную для меня деталь.

— Что именно?

— Как ты узнал, что Дариус был агентом фон Тилля?

— У меня возникло подозрение, когда я обследовал *Королеву Артемизию*. Передатчик в радиорубке был настроен на ту же самую частоту, что и приемник в вашем офисе. Должен сознаться, в тот момент я подумал, что это мог быть любой из вас. Круг замкнулся вокруг Дариуса после того, как я вернулся на берег и встретился с Джордино. Он сообщил, что Дариус находился возле передатчика все время между прибытием и отплытием *Королевы Артемизии*. Удобно устроился. В то время как вы с Зено следили за виллой и кормили москитов, Дариус находился в комфортных условиях и, потягивая бренди, сообщал Хейберту о каждом вашем шаге. Вот почему весь корабль был в моем распоряжении. Все члены команды находились внизу и были заняты отсоединением субмарины. Капитан даже не побеспокоился оставить вахтенного, потому что Дариус заверил его, что все чисто. Но Дариус не мог знать, так же, как и ты, Зак, того, что я плавал к кораблю и обследовал его. Ты ничего не заподозрил, когда мы с Джордино вызвались наблюдать за кораблем с берега. Именно в последнюю минуту, когда я не увидел никаких признаков присутствия команды на борту *Королевы Артемизии,* я решился проникнуть на корабль и все осмотреть сам. Извини, что не согласовал своих действий с тобой, но я был уверен, что ты, безусловно, попытаешься остановить меня.

— Это я должен принести свои извинения, — произнес Закинтас. — Я заслуживаю звания тупицы года. Господи, как я мог быть таким слепым? Мне давно следовало заподозрить неладное, еще тогда, когда Дариусу ни разу не удалось перехватить сообщение между проходящими кораблями Минерва Лайнс и виллой.

— Я мог бы рассказать о своих подозрениях тебе еще сегодня утром на дороге, — сказал Питт. — Но едва ли это было подходящее место или время, особенно в присутствии Дариуса. И во-вторых, без стопроцентных доказательств я глубоко сомневался, что ты или Зено поверили бы моим обвинениям.

— Ты был прав, — признал Закинтас. — А теперь ответь, как ты разузнал о *Королеве Джокасте?*

— У начальства военной базы есть смешная привычка одалживать автомобили, принадлежащие базе; но рано или поздно они хотят получить их обратно. После того, как мы с Джордино расстались с вами

и вернули машину на базу, полковник Льюис уже ждал нас. Это он предупредил меня о появлении *Королевы Джокасты*. Один из наблюдателей заметил, как она приближалась с севера к острову. Следующим шагом была проверка через агента Минерва Лайнс в Афинах, куда и с каким грузом направлялся корабль. Его ответ выявил интересные совпадения. Эти два корабля Минерва Лайнс не только проходили мимо виллы с интервалом в двенадцать часов друг от друга, но и оба направлялись в порты Соединенных Штатов. Я начал подозревать, что фон Тилль, или Хейберт, попытается переместить подводную лодку с героином с *Королевы Артемизии на Королеву Джокасту*.

— Тебе все-таки следовало посвятить меня в свои секреты, — с горечью произнес Закинтас. — Я едва не посадил Джордино в тюрьму, когда он ворвался в мой штаб, требуя, чтобы я вместе с людьми полковника Зено проследовал за ним в лабиринт.

Питт изучающе посмотрел на него. Лицо инспектора казалось мрачным:

— Я учитывал все это, — честно признался Питт, — но я посчитал, что чем меньше будет известно обо всем, тем меньше шансов будет у Дариуса заподозрить что-то. Я также преднамеренно держал в неведении девушку, потому что её сообщение, предупреждавшее ваш штаб о моих планах найти подводный грот, было перехвачено Дариусом, что существенно осложнило все. Я признаю, мои действия были не совсем честными, но основания для этого были достаточно серьезными.

— Подумать только, лучший инспектор Отдела был разоблачен обыкновенным любителем. — Закинтас улыбнулся, и эта теплая улыбка скрасила горечь его слов, — но стоило сделать это, действительно стоило.

Питт почувствовал облегчение. Он не хотел приобрести недоброжелателя в лице Закинтаса. Оглянувшись, он посмотрел на фон Тилля. Ненависть сквозила во взгляде старого немца. Питта охватило отвращение. Он говорил тихо, но его твердый голос доносился до каждого угла темной пещеры.

— Тебе следовало бы умереть сотни тысяч раз, может, тогда ты оплатил бы за все те жизни, которые ты отнял, старик. Большинство людей доходят до своей могилы, никого не убив; твой список жертв простирается от беспомощных пленных, которых ты приговорил к смерти в холодных водах Северного моря, до школьниц, проданных тобой в рабство в темные притоны Касабланки. Какая ирония, что человек, заставивший так много людей умирать в агонии, и сам погибнет ужасной смертью. Я очень сожалею, что не буду там и не увижу, как веревка затянется на твоей шее, Хейберт; не увижу, как твое старое тело будет дергаться в конвульсиях и болтаться на виселице.

Говорят, от шока освобождается содержимое кишок и мочевого пузыря. Это самый подходящий конец для тебя, старик. Вечно гнить в собственном дерьме в неизвестной могильной яме.

С бессвязным бормотанием и перекошенным от злобы лицом фон Тилль бросился на Питта, несмотря на направленные на него пистолеты жандармов. Это был сумасшедший жест отчаявшегося человека. Но прежде чем он успел сделать второй шаг, Джордино с силой опустил рукоятку пистолета ему на шею. Он рухнул ничком на палубу, как подкошенный, и остался лежать совершенно неподвижно.

— Ты ударил его немного сильнее, чем следовало бы, — укоризненно произнес Закинтас.

— Паразиты легко не умирают, — спокойно парировал Джордино, — особенно такие, как эта старая крыса.

Дариус не двигался и ничего не говорил с того самого момента, как Джордино выстрелил в него. Любой другой человек зажал бы раненную и истекающую кровью руку, но не Дариус. Рука этого гиганта продолжала висеть, а кровь мерно стекала на палубу субмарины. Потерянное выражение его лица напомнило Питту недавно пойманную гориллу, которую ему довелось увидеть однажды в зоопарке Сан-Диего: огромное уродливое чудовище, до которого не доходило значение окружавшей его решетки и странных двуногих животных, стоявших за ней и наблюдавших за каждым его движением. Питт был счастлив от сознания того, что по крайней мере пять жандармов Зено держали Дариуса под прицелом.

Питт кивнул на Дариуса:

— А что будет с ним?

— Быстрый трибунал, — ответил Закинтас. — Затем специальная команда для расстрела…

— Не будет никакого трибунала, — прервал его Зено. — В рядах жандармерии никогда не было предателей. — Его голос оставался суровым, хотя во взгляде сквозила печаль. — Капитан Дариус погибнет при исполнении служебных обязанностей.

В пещере вдруг стало тихо. Питт, Закинтас и Джордино обменялись изумленными взглядами при последней фразе Зено.

Дариус не проронил ни слова. Он не проявил никаких эмоций, ни признаков страха, только покорность судьбе, которая лишала его даже малейшей надежды. Медленно, пошатываясь, словно человек, не спавший несколько суток, он перешагнул с борта субмарины на пирс и встал перед Зено с опущенной головой.

— Кажется, я знал тебя много лет, Дариус, — голос Зено звучал устало. — Оказалось, я совсем не знал тебя. Одному богу известно, как ты превратился в того, кем ты стал. Очень жаль, жандармерия потеряла способного агента… — Зено замолчал, подыскивая нужные слова, но не знал, что еще сказать. Аккуратно, почти с дотошностью, он вынул патронную обойму из пистолета, вытащил все патроны, кроме одного. Потом он вставил обойму на место и протянул пистолет ручкой вперед Дариусу.

Кивнув, словно все понимая, и всматриваясь в глаза Зено, как будто ища в них что-то, Дариус взял пистолет, медленно повернулся к тоннелю, и шатаясь, пошел по пирсу.

— Ни до свидания, ни сожалений, ни черт с вами, — непонимающе сказал Джордино. — Вот так, он побродит и выбьет выстрелом свои мозги. Десять к одному, что Дариус сделает это.

— Его жизнь кончилась, когда он стал предателем, — спокойно произнес Зено. — Дариус знал это тогда — он знает это и сейчас. Ранняя смерть стала его судьбой, когда он свернул на ту дорожку, откуда нет возврата. Пять минут, чтобы поговорить с богом и приготовить свою душу — потом он нажмет на курок.

Джордино посмотрел, как Дариус исчез в темноте тоннеля, и ничего не сказал. Последние слова Зено стерли все его сомнения относительно намерений Дариуса. До того дня, когда он сам умрет, Джордино никогда не поймет, как кто-то может так безропотно расстаться с жизнью.

Он повернулся к Питту.

— Мы тратим драгоценное время. Ганн, вероятно, уже сходит с ума, недоумевая, что случилось с его драгоценными учеными.

— Не могу сказать, что осуждаю его за это, — это был голос Найта, который выбрался из люка субмарины с лукавой улыбкой на лице. — Великий интеллект едва не пострадал в эти дни.

— Яйцеголовый комедиант, — застонал Джордино. — На что еще пригодна наука?

Несмотря на боль в ноге, Питт не смог сдержать улыбки.

— Может, немного интеллекта Найта перепадет тебе, когда ты будешь сопровождать его и других яйцеголовых на *Первую Попытку*. Я возлагаю на тебя ответственность за их целость и сохранность.

— Вот и говори о благодарности, — возмутился Джордино. — После всего, что я сделал для тебя.

— Лучше отдавать, чем получать, — поучительно заметил Питт. — Теперь поторопись. Если вы собираетесь выбраться отсюда через подводный тоннель, то придется нырнуть и достать со дна снаряжение.

Вудсон выбрался из люка и подошел к Питту.

— Может, мне лучше остаться около вас, майор, пока не принесут носилки.

— Спасибо, — отозвался Питт; его удивило сочувственное выражение прежде безразличного лица Вудсона, — я в порядке. Зак тут собирался отправить меня в госпиталь, полный прекрасных медсестер, не правда ли, Зак?

— Сожалею, — улыбнулся Закинтас, — пока военно-воздушные силы не изменят свою политику относительно набора на военную службу. Боюсь, что только госпиталь на Брейди Филд имеет приличные возможности для лечения пулевых ранений, но там медбратья.

Прибывшие санитары немедленно уложили Питта на носилки.

— Ну ладно, — согласился он, — по крайней мере, проеду первым классом. — Вдруг он приподнялся. — Черт! Я совсем забыл. Еще одно дельце. Где Спенсер?

— Я здесь, майор, рядом. — Рыжебородый морской биолог выступил из-за Вудсона. — Что я могу для вас сделать?

— Передай мои комплименты командиру Ганну и сделай ему подарок от меня.

Спенсер заметно побледнел при виде окровавленной ноги Питта:

— Считайте, уже сделано.

Питт облокотился на одну сторону носилок:

— В наружной пещере, на глубине шести метров, много маленьких трещин и разломов на северной стене. У одной трещины над входом плоский выступ скалы. Если она еще не удрала, то внутри вы найдете Задиру. Невероятное удивление отразилось на лице Спенсера:

— Задира? Вы серьезно, майор?

— Я должен был узнать Задиру, когда увидел ее, — шутливо ответил Питт. — Стоит только увидеть ее, и уже никогда не забудешь.

Спенсер присвистнул:

— Невероятно. Я уже начал думать, что такое животное не существует, — он замолчал и задумался. — Господи, я же не могу повредить ее гарпуном. Сетка, если бы только у меня была сетка.

— Есть только один способ поймать Задиру, — улыбнулся Питт. — Схватить ее за плавники.

Боль резко усилилась. Питт больше не чувствовал ногу. Огни прожекторов слились в одно огромное пятно, от которого болели глаза. Казалось, что все медленно кружилось, а голоса доносились издалека. Затем санитары на носилках подняли Питта с палубы, двигаясь так медленно, что ему показалось, словно они плыли по клею. Он в последний раз поднял голову.

— Зак, еще один вопрос, — голос Питта был еле слышен. — Как настоящее имя девушки?

Зак взглянул на Питта, и его глаза улыбнулись.

— Ее зовут Эми.

— Эми, — повторил Питт. — Никогда раньше не встречался с девушкой по имени Эми. — Он расслабился и откинулся на носилки, закрыв глаза. Последнее, что он помнил, перед тем как провалился в темноту, — это звук одинокого выстрела, раздавшегося где-то в глубине лабиринта.

ЭПИЛОГ

Везде, насколько хватало глаз, была видна сияющая голубизна неба. Солнце пекло нещадно, и стояла невыносимая жара. Высокие белые здания возвышались в сверкающем солнце, как точеные горы, и отражали горячие лучи на черный асфальт проспектов внизу; движение было очень напряженным, а тротуары были заполнены толпами спешащих на ланч служащих, когда Питт толкнул одну из высоких стеклянных дверей и, прихрамывая, вошел в прохладный вестибюль Отдела по борьбе с наркотиками.

Для холостяка, подумал он, самая замечательная штука в Вашингтоне — это обилие девушек, любого возраста, роста, телосложения; они толпятся, как рой саранчи, в каждом правительственном офисе города.

Их многообещающие взгляды так и притягивают изголодавшиеся мужские глаза. Питт изобразил одну из самых обаятельных дьявольских улыбок, подходя к троице хихикавших девушек-секретарей, дежуривших у лифта. Они улыбнулись в ответ, сопровождая улыбку традиционным сочетанием беглых и сдержанных взглядов, которые обычно женщины бросают на незнакомых мужчин, и, повернув головы, проводили его глазами по вестибюлю.

Мгновение спустя, разыгрывая роль раненого воина, идущего на поправку, Питт тяжело оперся на трость и шагнул из лифта на толстый ковер восьмого этажа. В центре приемной дюжина девушек, выставивших напоказ лес одетых в нейлон ножек, сидела за дюжиной столов и быстро печатала на дюжине пишущих машинок. Ни одна не подняла головы, чтобы взглянуть на него. Он медленно подошел к полногрудой блондинке, на чьем столике стояла табличка с надписью: «Информация». Некоторое время он смотрел на неё, наслаждаясь зрелищем.

— Извините.

Она не услышала его из-за треска машинок.

— Извините меня, — громче повторил Питт.

Она повернула голову и заметила его:

— Чем я могу вам помочь? — Голос был холодным, большие глаза смотрели недружелюбно. Питт удивился, чем он мог вызвать такой ледяной прием. Белый свитер-водолазка, зеленая спортивная куртка, носовой платок, аккуратно торчащий из нагрудного кармашка — все это должно было характеризовать его как важного вашингтонского чиновника.

— Мне бы хотелось встретиться с директором Отдела.

— Я сожалею, — ответила она, снова поворачиваясь к пишущей машинке, — директор очень занят и никого не принимает.

Злость и раздражение начали подниматься у Питта.

— Инспектор Закинтас назначил мне.

— Офис инспектора Закинтаса находится на четвертом этаже, — механически ответила девушка.

Звук выстрела не смог бы привлечь больше внимания, чем звук от удара тростью Питта, когда он стукнул по крышке стола. Глаза машинисток резко распахнулись, и их руки замерли на клавиатуре, в комнате вдруг установилась полнейшая тишина. Полногрудая блондинка со страхом в глазах взглянула на Питта, её лицо сильно побледнело.

— О'кей, милочка, — угрожающе произнес Питт, — сейчас ты поднимешь свой маленький круглый зад, пойдешь и доложишь директору, что майор Дирк Питт ожидает здесь, согласно назначенному инспектором Закинтасом времени.

— Питт... майор Питт из НУМА, — вскрикнула блондинка. — Извините, сэр. Я думала...

— Да, я знаю, — предположил Питт, — я не в форме.

Блондинка выпрыгнула из-за своего столика и торопливо заговорила:

— Сюда, майор. Вас ждут.

Питт улыбнулся ей, улыбнулся другим девушкам, застывшим от страха на своих стульях; благоговейные, восхищенные взгляды, какими обычно провожают кинозвезд и знаменитостей, были устремлены на него. Это польстило его мужскому самолюбию.

— Продолжайте печатать, девушки, — покровительственно произнес он. — Не заставляйте Отдел ждать эти письма и документы.

Блондинка провела его по длинному коридору, замедляя шаг, чтобы он не отставал от неё. Она остановилась и открыла деревянную дверь.

— Майор Питт, — объявила она и затем отошла в сторону, позволяя ему пройти.

Трое мужчин поднялись, когда он вошел в кабинет. Четвертый, Джордино, остался уютно сидеть в высоком кожаном кресле.

— Я думал, никогда не доживу до этого дня, — сказал он. — Это надо видеть: хромающий Дирк Питт опирается на палку.

— Это всего лишь практика для преклонных лет, — парировал Питт.

Невысокий рыжеволосый человек с сигарой в левой руке подошел и пожал руку Питту:

— С возвращением, Дирк. Мои поздравления в связи с замечательной работой в Эгейском море.

Питт взглянул в европейские черты лица адмирала Сандекера, сварливого шефа НУМА, Национального Морского Управления Подводных работ.

— Благодарю вас, адмирал. Есть что-нибудь о Задире?

— Только то, что она жива и все еще плавает, — ответил Сандекер. — С тех пор, как Ганн на прошлой неделе заключил ее в специальный резервуар, я не имел возможности больше ничего узнать об этой чертовой рыбе — орда ученых окружила ее и пялит на нее свои чертовы глаза, так что они едва не вылезают у них из орбит. Они обещали мне подробный отчет к утру.

Закинтас подошел поприветствовать Питта. Он выглядел моложе и был более оживленным, чем тогда, когда Питт видел его в последний раз три недели назад.

— Рад видеть, что ты снова ходишь, — улыбаясь, произнес Закинтас. — Ты выглядишь таким же скромным и собранным, как всегда.

Он взял Питта за руку, подвел к высокому мужчине, стоявшему у окна, и представил их друг другу. Питт изучал директора, а тот в свою очередь изучающе разглядывал его своими темно-серыми глазами, которые пытливо смотрели со скуластого рябого лица. Это было лицо, совершенно не свойственное полицейскому типу. Питт невольно подумал, что директор больше походил на контрабандиста, чем на главу нескольких тысяч федеральных агентов. Директор заговорил первым.

— Я ждал встречи с вами, майор Питт. Отдел искренне благодарен вам за вашу неоценимую помощь. — Голос был низким и очень четким.

— Я сделал не так много. Инспектор Закинтас и полковник Зено вынесли всю тяжесть работы на своих плечах.

Директор спокойно посмотрел ему в глаза:

— Вероятно, но шрамы вынесли вы. — Он указал Питту на кресло и предложил ему сигарету. — Как вы долетели из Греции?

Питт прикурил и глубоко затянулся:

— Военно-воздушные грузовые самолеты не знамениты своей кухней и королевским сервисом, но я должен признать, что это было гораздо приятнее, чем полет туда.

Адмирал Сандекер бросил на Питта изумленный взгляд:

— Почему военный самолет? Разве ты не мог прилететь из Афин на самолете Пан Американ?

— Сувениры, — засмеялся Питт. — Один из моих сувениров с Тасоса был слишком громоздким и не помещался в багажное отделение пассажирского самолета. Полковник Льюис пришел на помощь и помог мне устроиться на полупустом американском военном грузовом самолете.

— А твоя рана, — Сандекер кивнул на ногу Питта, — хорошо заживает?

— Еще немного побаливает, — ответил Питт. — Дней тридцать хорошего медицинского ухода не помешали бы.

Адмирал, прищурясь, пристально взглянул на Питта сквозь голубую дымку сигаретного дыма:

— Две недели. — Тон его не допускал возражений. — Я гораздо больше знаю о твоих восстановительных способностях, чем ты.

Директор откашлялся:

— Я с большим интересом прочитал доклад инспектора Закинтаса. Но он не отразил там один момент. Не очень важный, но для удовлетворения моего личного любопытства; я был бы весьма признателен, если бы вы объяснили мне, майор, как вы пришли к заключению, что корабли Минерва Лайнс имели возможность перевозить субмарины?

Питт улыбнулся одними глазами:

— Полагаю, я недалеко отойду от истины, если скажу, что секрет был нарисован на песке.

Губы директора изогнулись в искусственной улыбке. Он не привык к непрямым ответам:

— Очень загадочно, майор, я не уловил смысла.

— Странно, но это правда, — ответил Питт. — Не обнаружив и признаков героина на борту *Королевы Артемизии,* я доплыл до берега и начал машинально рисовать на песке. Подводная лодка была вначале абстрактной идеей, но чем больше я рисовал, тем более конкретной она становилась.

Директор откинулся на спинку кресла и печально покачал головой:

— Сорок лет сотни агентов из двенадцати различных стран вели борьбу в самых невероятных условиях, чтобы раскрыть контрабандные операции фон Тилля. Трое из агентов отдали свои жизни в этой борьбе. — Он серьезно посмотрел на Питта через стол. — Это может показаться кому-то роковой шуткой, что все наши усилия шли мимо цели. Решение проблемы стало таким очевидным тому, кто посмотрел на это со стороны.

Питт молча смотрел на него.

— Между прочим, — неожиданно хвастливо продолжил директор, — полагаю, вы еще не слышали о результатах нашей операции в Галвестоне?

— Нет, сэр. — Питт аккуратно стряхнул пепел в пепельницу. — Я не видел инспектора Закинтаса и не разговаривал с ним с того момента, как мы расстались на Тасосе, около трех недель назад. У меня не было возможности узнать, оказалась ли моя скромная помощь полезной в Галвестоне или нет.

Закинтас посмотрел на директора:

— Могу я рассказать все майору, сэр?

Директор кивнул.

Закинтас повернулся к Питту.

— Все шло согласно плану. В пяти милях от порта мы были встречены небольшой рыбацкой флотилией фон Тилля — немного рискованно, конечно, не зная их опознавательных знаков. К счастью, я убедил капитана *Королевы Джокасты* — под угрозой кастрации ножом — перейти на нашу сторону.

— Кто-нибудь поднимался на борт? — спросил Питт.

— Такой опасности не было, — ответил Закинтас. — Подъем на борт мог показаться слишком подозрительным проходящим мимо патрульным катерам. Кстати, эта лодка оказалась довольно интересным механизмом. Морские инженеры, которые обследовали ее во время атлантического путешествия, были очень удивлены.

— Что делает ее такой уникальной?

— Она полностью автоматическая.

— Управляемый снаряд? — недоверчиво спросил Питт.

— Да, еще одно из хитроумных усовершенствований фон Тилля. Видишь ли, если бы субмарина попала в аварию или была бы обнаружена береговой патрульной службой, прежде чем доберется до консервного завода, то невозможно установить ее связь с Минерва Лайнс. А без команды и допросить некого.

Питт был удивлен:

— Тогда ее должна контролировать одна из рыбацких лодок.

Закинтас кивнул:

— Да, ее провели прямо по центру главного портового канала на склад консервного завода. Только в этот раз на лодке находилось несколько нежданных безбилетных пассажиров — я и десять матросов из Средиземноморского Десятого Флота. Должен добавить, что завод был окружен тридцатью лучшими агентами Отдела.

— Если бы в Галвестоне оказалось несколько консервных заводов, — задумчиво произнес Джордино, — то вы оказались бы в трудном положении.

Закинтас понимающе улыбнулся:

— В действительности, в Галвестоне имеется четыре консервных завода, и все их склады находятся возле воды.

Джордино не нужно было задавать очевидный вопрос. Он был написан на его лице.

— Я все объясню, — сказал Закинтас. — Портовый департамент Отдела взял под наблюдение каждый консервный завод за две недели до прибытия *Королевы Джокасты*. Намек обозначился, когда один из них получил большую партию сахара.

Питт удивленно поднял брови.

— Сахар?

— Сахар, — пояснил директор, — обычно используют для подмешивания к героину и увеличения его количества. К тому времени часть чистого героина обычно остается у посредника, часть у дилеров, поэтому его первоначальное количество резко увеличивается.

Питт задумался:

— Так сто тридцать тонн были только началом?

— Это могло быть началом, — ответил Закинтас, — если бы не ты, старый дружище. Ты единственный смог разгадать план фон Тилля. Если бы вы с Джордино не появились на Тасосе в тот момент, то мы бы сейчас сидели в Чикаго в первоклассной цепочке и топили бы друг друга в озере Мичиган.

Питт улыбнулся:

— Припишите это удаче.

— Называй это как хочешь, — согласился Закинтас. — Сейчас дело обстоит так: мы задержали более тридцати крупнейших нелегальных поставщиков наркотиков, которые сейчас ждут обвинительного акта. Также задержали тех, кто связан с транспортной компанией и перевозкой товара. И это только половина. Когда мы обыскали офис завода, то нашли тетрадь с именами почти двух тысяч торговцев наркотиками от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса. Для Отдела такую находку можно сравнить разве только с открытием нетронутых залежей.

Джордино присвистнул:

— Похоже, это будет плохой год для наркоманов.

— Верно, — отозвался Закинтас. — Теперь, когда их главный источник иссяк, а местные органы власти следят за торговцами наркотиками, потребители столкнутся с самым жестоким героиновым голодом за последние двадцать лет.

Питт обвел глазами комнату и задумчиво посмотрел в окно.

— Есть еще один вопрос.

Закинтас посмотрел на него:

— Да?

Питт ответил не сразу. Он постучал по своей трости:

— А что сталось с нашим старым другом? Я не встречал никакого упоминания о нем в газетах.

— Прежде чем я отвечу тебе, взгляни на это. — Закинтас достал из папки пару фотографий и положил их на стол перед Питтом.

Питт наклонился и внимательно посмотрел на них. На первой был изображен светловолосый мужчина в форме германского морского офицера. Он был снят в свободной позе, стоя на капитанском мостике и устремив взгляд на море, его руки лежали на бинокле, висевшем на шее. Лицо на второй фотографии взглянуло на Питта со знакомой хитринкой лысого Бруно фон Тилля. Огромный белый дог стоял рядом с ним, оскалившись, словно готовясь к прыжку. Невольный холодок пробежал по телу Питта.

— Кажется, не слишком большое сходство.

Закинтас кивнул:

— Адмирал Хейберт проделал огромную работу — шрамы, родинки, даже зубы, как у фон Тилля.

— А как насчет отпечатков пальцев?

— Невозможно ничего доказать. Не сохранилось отпечатков пальцев фон Тилля, а Хейберт изменил свои с помощью хирургии.

Питт откинулся назад:

— Тогда как мы можем быть уверены?

— Неожиданная деталь, — медленно произнес Закинтас. — Мы можем лишь догадываться, как усердно работали следователи и как изнурительно искали доказательства, но все-таки криминалисты приперли его к стене одной неожиданной деталью. Это оказалась кожа черепа фон Тилля.

Питт покачал головой:

— Я что-то не пойму тебя.

— В молодости фон Тилль переболел кожной болезнью, после которой он остался совершенно лысым, Хейберт не знал этого. Он считал, что фон Тилль брил голову на прусский манер, поэтому он вполне естественно прибегал к помощи бритвы. Военным следователям-криминалистам не составило большого труда доказать рост волос. Конечно, это был только один из фактов, удостоверивших

личность адмирала Хейберта, но волосы стали первым гвоздем в крышке его гроба.

Питт вдруг ощутил облегчение и удовлетворение:

— Его уже повесили?

— Четыре дня назад, — ответил Закинтас. — Ты ничего не нашел в газетах, потому что там ничего и не было. Немцы сохранили в секрете его поимку и смерть. Они устали от грязного и порочного нацистского прошлого, когда черты нацизма всякий раз ищут и в их лицах, как только находят очередного военного преступника. К тому же, Хейберт не имел такую известность, как Борман или другие из приближенных к клике Гитлера.

— Представь, сколько их еще скрывается по всему миру, — задумчиво сказал Питт.

Зазвонил стоявший на столе телефон, и директор снял трубку:

— Да... да, я передам эти хорошие новости, спасибо. — Он положил на место телефонную трубку, широкая улыбка сияла на его лице, когда он повернулся к Сандекеру. — Это из вашего офиса, адмирал. Позвольте мне первым поздравить вас.

Сандекер передвинул сигару в угол рта:

— Что там, черт возьми?

Директор, все еще улыбаясь, встал и положил руку на плечо адмирала:

— Кажется, ваше морское чудо оказалось живородящей женской особью. Вследствие чего, вы, сэр, теперь стали гордым папой здоровенького детеныша Задиры.

Невыносимая жара начала спадать, и тени значительно удлинились при свете вечернего солнца, когда Питт, прихрамывая, вышел на тротуар. Он остановился и посмотрел на город. Улицы были заполнены спешащими домой машинами, а скоро все окружающие здания станут молчаливыми и опустевшими. Он посмотрел на Капитолий, возвышавшийся вдали; его белый купол казался совершенно золотым в лучах заходящего солнца, и ему на память пришла другая картина, на далеком берегу, с белым кораблем и лазурно-голубым морем. Казалось, все это было так давно.

Джордино и Закинтас спустились по ступеням и присоединились к нему.

Закинтас оживленно заговорил:

— Джентльмены, я полагаю, раз мы все веселые и общительные холостяки, то мы можем объединить наши усилия и слегка поразвлечься.

— Я согласен, — отозвался Джордино.

Питт пожал плечами с наигранной грустью.

— Я весьма сожалею, но должен отклонить ваше заманчивое приглашение. У меня уже есть договоренность.

— Полагаю, это имеет отношение ко мне, — простонал Джордино.

Закинтас засмеялся:

— Ты совершаешь большую ошибку. У меня имеется маленькая черная книжечка, где есть номера телефонов самых лучших в Вашингтоне...

Закинтас вдруг резко остановился в середине высказывания и уставился на улицу, его глаза широко раскрылись от изумления.

Огромный черно-серебристый автомобиль тихо подкатил к обочине и остановился. Элегантный по дизайну, величественный по форме, царственный автомобиль казался совершенно неуместным среди более современных транспортных средств, как королева среди суетливой толпы своих подданных. И словно в дополнение ко всему, симпатичная темноволосая девушка гордо восседала за блестящим рулем.

— Боже праведный, — изумился Закинтас. — Это же Майбах фон Тилля. — Он повернулся к Питту. — Как же ты сумел заполучить его?

— Добыча принадлежит победителю, — лукаво улыбнулся Питт.

Джордино приподнял бровь:

— Теперь я вижу, что ты подразумевал под громоздким сувениром. Я только могу добавить, что второй твой сувенир тоже весьма не дурен.

Питт распахнул переднюю дверцу автомобиля:

— Полагаю, вы знакомы с моим очаровательным шофером.

— Она напоминает мне девушку, которую я однажды встретил у Эгейского моря, — улыбаясь произнес Джордино. — Но эта выглядит гораздо привлекательнее.

Девушка засмеялась:

— Только чтобы показать, что лесть вознаграждена, я прощаю вам ту дикую прогулку по лабиринту. Однако в следующий раз предупредите меня, чтобы я могла надеть что-нибудь более приличное.

Джордино выглядел совершенно смутившимся:

— Я обещаю.

Питт повернулся к Закинтасу. Легкая улыбка играла на его губах:

— Ты можешь сделать мне одолжение, Зак?

— Все, что в моих силах.

— Я бы хотел позаимствовать одного из ваших агентов на пару недель. Как думаешь, ты сможешь устроить это?

Закинтас взглянул на девушку и кивнул:

— Думаю, да. Отдел обязан тебе слишком многим.

Питт сел на переднее сиденье и захлопнул дверцу. Затем он протянул свою трость Джордино:

— Возьми. Я думаю, она мне больше не понадобится.

Прежде чем Джордино нашел подходящий ответ, девушка нажала на газ, и огромный лимузин влился в общее движение.

Джордино следил за массивным автомобилем, пока тот не свернул за дальний угол и не скрылся из вида.

— Что ты скажешь насчет устриц с грибами в белом винном соусе?

Закинтас покачал головой:

— Боюсь, я никогда не шагну дальше замороженных обедов быстрого приготовления.

— Ну, в таком случае ты можешь хотя бы купить мне выпить.

— Ты забываешь, я всего лишь бедный гражданский служащий.

— Тогда рассчитывай на меня как на один из вариантов по оплате твоего счета.

Закинтас попытался казаться серьезным, но не смог. Улыбнувшись, он пожал плечами.

— Пойдем?

— Давай.

Так, рука об руку, к изумлению прохожих, высокий Закинтас и коротышка Джордино, напоминавшие всемирно известных Мутта и Джеффа, зашагали по тротуару в направлении ближайшего бара.

Примечания

1

Мэй Дэй! — Международный сигнал бедствия.